

РОБЕРТ
МАККАММОН

В лучших традициях Рэя Брэдбери и Стивена Кинга!

ЖИЗНЬ
МАЛЬЧИШКИ

Лучшая
работа
одного
из самых
блестящих
современных
писателей.

Kirkus Reviews

Роберт Маккаммон
Жизнь мальчишки

Robert R. McCammon

BOY'S LIFE

Copyright © 1991 by McCammon Corporation

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия).

© О. Э. Колесников, Б. Л. Кадников, перевод, 2001

© М. В. Тарасов, перевод стихотворения, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Маккаммон, «гений из Алабамы», принадлежит к тем писателям, чьи книги обречены на успех. В жанре мистики и хоррора он занимает одну из ведущих позиций – официальная критика присудила ему «почетное второе место» после Стивена Кинга.

Первая же книга Маккаммона – «Ваал» (1978) – привлекла внимание читающей публики, но подлинную славу принес автору роман «Они жаждут» (1981). Через несколько лет была написана «Лебединая песнь» («Песня Сван») – книга четыре недели продержалась в списке бестселлеров «New York Times», первое издание разошлось почти миллионным тиражом.

Роман «Жизнь мальчишки», увидевший свет в 1991 году, так же стал бестселлером и был заслуженно удостоен сразу двух наград – премии Брэма Стокера и Всемирной премии фэнтези.

* * *

Прекрасно!.. В этой книге столько приключений, радости, открытий и душевной боли, что хватило бы на дюжину мальчишеских жизней.

Houston Chronicle

Роберт Маккаммон создал острый, неистовый роман-путешествие... населенный самыми эксцентричными, самыми запоминающимися персонажами со времен Харпер Ли.

Publisher Weekly

Лучшая работа одного из самых блестящих современных писателей.

Kirkus Reviews

* * *

Предисловие

Почему я написал «Жизнь мальчишки»

Оказывается, легче написать книгу, чем написать о книге, которую ты написал.

Есть ли в этом смысл? Да, есть. Наверно, потому, что уже написанная книга словно вырублена в камне. Здесь уже ни убавить ни прибавить, все на своих местах. А может, и нет, потому что писатель, если ему повезет, еще не вырублен в камне и находится в пути, то есть узнает все больше и больше о том, *как* писать. Поэтому иногда трудно оглядываться на более ранние работы: неизбежно найдешь такое, что захочется убрать или добавить, но каменную глыбу не сдвинуть.

В то же время замечу: оглядываясь назад и перечитывая «Жизнь мальчишки», я нахожу немного, что хотел бы изменить. Всегда верил: когда работа над книгой подходит к концу, большая удача для автора, если в ней окажутся пятьдесят процентов того, на что он надеялся, когда начинал свой труд. Завершив «Жизнь мальчишки», я обнаружил в ней, к своему удивлению, около девяноста процентов того, что надеялся увидеть на страницах этой книги.

Когда я пишу, никогда не имею четкого плана. У меня есть, как я их называю, «ключевые сцены»: то, что происходит в начале, в середине и ближе к концу – и, как я надеюсь, позволяет мне идти в правильном направлении. Однажды я попытался использовать план и не закончил книгу. Я уже знал все, что должно случиться, так в чем же смысл?

Пожалуй, я пытаюсь сказать, что пишу прежде всего для самого себя: хочу стать «первым читателем». Хочу писать книги, которые прочел бы для удовольствия, если бы так усердно не работал, чтобы написать их. В этом есть смысл – по крайней мере, для меня, – и

такой подход к писательству всегда дает мне возможность что-то предвкушать в будущем.

Итак, если вы держите сейчас в руках это новое издание «Жизни мальчишки» и просматриваете эту мою болтовню, вы, возможно, уже прочли книгу или собираетесь читать ее в первый раз. Думаю, я сумел вам объяснить, почему написал эту книгу, но вначале позвольте дать вам ответ на вопрос, который мне часто задают в связи с этим произведением.

Вопрос следующий: не является ли «Жизнь мальчишки» автобиографической книгой?

Ответ: «да». И я действительно считаю себя персонажем книги. Но я не Кори – главный герой. С кем же я больше всего идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»? Об этом расскажу немного позднее.

О книге. Она начиналась с загадочного убийства в маленьком южном городе, и намечалось, что в ней окажется еще одна тайна, связанная со вторым городком, который был затоплен и оказался на дне озера. Главным героем должен был стать шериф, и... о господи, здесь меня потянуло в сон!

Я долго и внимательно перечитывал две сотни уже написанных страниц и решил, что этот сюжет не сработает: в картине не просматривались жизненные черты. В течение нескольких лет я держал в голове историю мальчика, который хочет стать писателем, и события, происходящие в его родном городке, которые повлияли на его жизнь, но все время откладывал все это в долгий ящик. И вот в моей голове вновь возникли южный город и убийство, и я подумал... хорошо, попробую написать книгу о мальчишке.

Я начал писать «Жизнь мальчишки» без всякого плана, но идей у меня было много. И внезапно картина заиграла красками. Она обрела яростную жизнь, которую я прежде редко ощущал в своих произведениях. Я бегло просмотрел написанное. Теперь, не говоря уже о том, что работа над книгой не представляла собой трудности и мне не приходилось многое обдумывать и работать сотни и сотни

часов, «Жизнь мальчишки» действительно продвигалась, и мне приходилось лишь слегка поворачивать рулевое колесо, чтобы задать правильное, на мой взгляд, направление.

Вот так бывает с писательством, такая это штука. Когда не пишется, ни одна душа на свете тебе не поможет. Ни жена, ни брат или сестра, ни лучший друг, ни редактор. Никто. Потому что никто не понимает твою работу так, как ты сам. Если возникает проблема, решать ее тебе, и только тебе.

И наоборот: когда работа идет хорошо... что можно сказать? Что я слышу пение ангелов? Слышу музыку сфер или нечто подобное? Что каждое предсказание судьбы гласит: «Большой успех ждет тебя впереди, если ты чего-нибудь не напутаешь»?

Думаю, что-то вроде этого. Когда работа идет хорошо, ты видишь, что картина обретает жизнь: люди реальны – ты знаешь их, видишь их лица и понимаешь, что некоторым образом творишь жизнь... Не думаю, что в мире есть бóльшая радость.

Когда «Жизнь мальчишки» оказалась окончена, я испытывал эйфорию от того, что сделал. Я отправил книгу издателю, думая при этом: «Рик, они позвонят тебе, будучи на седьмом небе, и скажут, что и не подозревали в тебе такого таланта, не похожего ни на что, и как они рады, что тебе удалось выполнить такую замечательную работу».

И я ждал. Долго ждал. Наконец мне позвонили.

«Рик, послушай. Ну, ты знаешь... Насчет книги. Нам она действительно понравилась, но... Это история об убийстве, и ты собьешь с толку читателей: они будут думать, что книга автобиографическая. Знаешь, тебе придется выбросить все, что ты написал о городе и его людях, и сосредоточить внимание на убийстве».

Простите. Простите. Я только... наверно, что-то не в порядке с телефоном. Извините.

Собравшись с духом, я перезвонил и сказал: «Мы обсудим то, о чем вы говорили, в вашем офисе завтра». Потом я поехал в аэропорт с парнем из Бирмингема, Алабама, без всякого литературного

образования, но любящим читать и писать, и с чувством, что в этот раз мне предстоит отстаивать то, во что я верю. И я полетел в Нью-Йорк, чтобы встретиться лицом к лицу с важными издательскими шишками.

Я сказал, что в книге ничего менять не могу и, если они продолжат настаивать на этих изменениях, мне придется разорвать подписанный с ними контракт, пусть даже из-за этого веселый костер моей карьеры превратится в пепел.

Они привели некоторые факты и цифры из диаграммы, висящей на стене, о том, какие неприятности случаются у писателей, которые пытаются выйти за пределы отведенных им рамок, но потом сказали: «Ладно. Пусть будет по-вашему: вы автор, и, если вы так убеждены в своей правоте, мы полагаемся на вас».

Это было здорово. По-настоящему здорово. И все же... Понимаете, когда кто-то смотрит на вашего ребенка и говорит: «Ну что ж, очень милый, хороший и сильный», – частичка радости творения улетучивается. Частичка желания, заставившего вас стать писателем, очень тихо выходит за дверь.

«Жизнь мальчишки» была написана не для детей, но за годы, прошедшие с ее первой публикации, она приобрела огромную аудиторию среди юных читателей. Не знаю точных цифр, но ее изучают в школах по всей стране. Я знаю это, потому что много раз выступал перед школьниками и студентами, изучающими английский язык, в гимнастических залах и аудиториях. Однажды я получил письмо от шотландского джентльмена, которому было за восемьдесят, в другой раз – от тринадцатилетнего мальчишки из Сиэтла, и оба писали, как им понравилась книга. Думаю, она теперь издана во всем мире. Удивительно видеть обложку японского издания с изображением Кори, стоящего на берегу озера.

Должен упомянуть еще об одном полученном письме, потому что оно стало для меня... не знаю даже, как мне описать свои чувства.

Несколько лет назад мне написала женщина и сообщила, что скончался ее престарелый отец, который попросил перед смертью,

чтобы экземпляр его любимой книги похоронили вместе с ним. Она хотела, чтобы я знал об этом.

Ее отец вновь и вновь перечитывал эту книгу. Он делал это так часто, что произведение превратилось для него в постоянного спутника и собеседника.

Не так давно я побывал в большом книжном магазине, причем не в моем родном городе, и набрел на стенд, обозначенный как «стол классиков». На этом стенде стояли романы Диккенса, Гюго, Стейнбека, Твена, Жюль Верна, Апдайка, Воннегута... – все, что учителя рекомендуют для чтения учащимся, то, что им *следует* прочитать, чтобы мир не стал хуже.

Там же находилась и моя книга. «Жизнь мальчишки» лежала среди этих книг, этих великих имен.

Мое дитя.

Я сомневаюсь, что смогу когда-нибудь написать еще одну книгу, достойную оказаться на этом стенде. Бог свидетель, я буду пытаться. Но здесь уже есть одна моя книга, и, думаю, одной достаточно.

Персонаж, с которым я в первую очередь идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»?

Наверно, вы уже поняли. Это Вернон, чья мечта разрушилась под тяжестью доски с диаграммой, упавшей со стены. Потому что он не выдержал жизни в том офисе в Нью-Йорке. Потому что без боя вернулся домой в Зефир и отгородился от окружающего мира.

Он пробудился и по-прежнему был жив.

Я всегда хотел где-то использовать эту фразу. Мне кажется, это удачное место.

Если вы читаете «Жизнь мальчишки» в первый раз, я надеюсь, что она вам понравится. Надеюсь, что благодаря ей вы сможете побывать в местах, о существовании которых даже не догадывались... в местах, о существовании которых, возможно, забыли.

Если вы читаете книгу во второй или в третий раз, добро пожаловать в Зефир снова! Вы вновь прочтете о жизни Кори и о его мире, о вечно длящихся летних днях, о восхитительных тайнах, о скрытых от постороннего глаза местах и магии, которая есть в каждом из нас, просто иногда она сворачивается калачиком и ложится спать, дожидаясь, когда ее лучший друг вернется домой.

Спасибо вам.

Роберт «Рик» Маккаммон

29 января 2008 г.

Сразу же после полуночи

Ватагой шумных бестий,
Всех дьяволов страшней,
По самым гиблым чащам
Гоняли мы чертей.
А выпив лимонада,
Сквозь горлышко и дно
На горизонт смотрели:
Он был недалеко.
За ним, в краю волшебном
И наш остался след,
Хоть на автомобиле
Туда дороги нет.
Нам были псы как братья,
На великах на Марс,
Оттуда и обратно
Гоняли мы не раз.
Тарзаном на лианах
Любили мы летать
И шпаги, словно Зорро,
Отважно обнажать.
Грядущее казалось
Далекою страной,
Где мамы не старели,
Где каждый был герой.
Напоминало время
Зыбучие пески,
Взахлеб тогда мы жили,
Плевав на синяки.
Уж в зеркале седины
Я вижу у висков.
Но книга не об этом —

Она для пацанов^[1].

Прежде чем мы начнем наше путешествие, хочу сказать вам важную вещь.

Я сам пережил все то, что изложено на этих страницах. Но когда ведешь повествование от первого лица, возникает одна проблема. Читатель уже заранее знает, что рассказчик в конце не будет убит. Поэтому, что бы со мной ни происходило, вы можете быть уверены, что я пережил все это, и подобный опыт мог сделать меня как чуточку лучше, так и чуточку хуже. Впрочем, об этом вы сможете составить собственное мнение.

В некоторых местах этого рассказа вы, пожалуй, скажете: «Эй-эй, погодите-ка, откуда он мог тогда знать, что это событие произошло либо что тот человек сказал или сделал то-то и то-то, если самого рассказчика там вовсе не было?» Ответ на этот вопрос таков: многое я узнал позже, что дало мне возможность заполнить пробелы, а в некоторых случаях пришлось додумывать события, иногда изменяя то, что происходило на самом деле.

Я родился в июле 1952 года и сейчас нахожусь на пороге своего сорокалетия. Уже солидный возраст, не правда ли? Я больше не «многообещающий молодой талант», как меня называли критики. Я тот, кто я есть. Писать я начал еще в школе, а придумывать всевозможные истории стал задолго до того, как понял, чем же на самом деле занимаюсь. Писателем себя по-настоящему ощутил в 1978 году, после первой публикации. Или я был всего лишь автором? «Сочинителем книг в мягких обложках», как пели когда-то «Битлз»? Или автором книг в твердых переплетах? В одном я определенно уверен: я всегда мечтал увидеть свои книги в твердых переплетах. Я страдал от пинков и улыбался, встречаясь с добрым к себе отношением, как и любой из наших братьев и сестер в этом изменчивом мире. Бог благословил меня, наделив способностью кроить характеры и миры из словесной ткани. Так кто же я? Писатель? Автор?

А может быть, просто рассказчик?

Мне захотелось изложить на бумаге то, что сберегла моя память: так мои воспоминания сохранятся надолго. Дело в том, что я верю в магию и волшебство, потому что родился и рос в удивительное, волшебное время в волшебном городке, в котором жили волшебники. Увы, мало кто понимал, что мы жили в паутине магии и волшебства, связанные серебряными нитями случайностей и обстоятельств. Но я знал об этом всегда. Когда мне было двенадцать лет, мир был моим волшебным фонарем, и благодаря его зеленому призрачному свечению я видел прошлое, настоящее и мог заглядывать в будущее. Возможно, и у вас было то же самое, просто вы не можете вспомнить об этом. Видите ли, я думаю, что мы все несем в себе волшебство в начале нашей жизни. Все мы рождаемся с ураганами, лесными пожарами и кометами в душе. Мы рождаемся наделенные даром петь, как птицы, читать по облакам и видеть нашу судьбу в крупинках песка. Но чем больше мы узнаем, тем меньше волшебного остается в наших душах. Волшебство уходит от нас вместе с привычкой посещать церковь, со шлепками родителей, оно вымывается и вычесывается из нашей души. Мы вынуждены выбирать прямые и узкие дорожки, нам постоянно твердят, что мы должны воспитывать в себе чувство ответственности. Нам следует поступать так, как приличествует нашему возрасту. Нам велят сначала вырасти, повзрослеть... Боже мой! А знаете почему? Потому что люди, которые так говорят, боятся нашей юности и нашей необузданности, потому что волшебство, которым мы обладаем в детстве, заставляет их стыдиться и горевать о том, что они позволили погубить в самих себе.

Когда ты удаляешься от всего этого, то действительно не можешь вернуть это назад. Потом могут возникать лишь мимолетные мгновения. Какие-то секунды ощущений и воспоминаний. Когда люди плачут в кино, это происходит потому, что в темном зале их на миг омывают золотые воды магии, но длится это какой-то миг, не более. Потом они вновь оказываются на ярком безжалостном солнце неумолимой логики и рассудка, и солнце это иссушает их души. Они

продолжают испытывать какое-то легкое сердечное томление, сами не зная почему. Но когда песня пробуждает воспоминание, когда пылинки попадают в луч солнечного света, приковывая внимание и отвлекая от остального мира, когда ночью слышишь, как где-то далеко стучат колеса поезда, и гадаешь, куда он может направляться, ты выходишь за отведенные тебе пределы и на краткий миг оказываешься в сфере волшебного.

Именно в это я и верю.

Правда жизни в том, что с каждым годом мы уходим все дальше и дальше от той сущности, с которой были рождены. Мы взваливаем на себя многочисленные обязанности, некоторые из них приятные, некоторые – не очень. С нами происходят разные события. Умирают те, кого мы любим. Некоторые попадают в аварии и становятся калеками. Люди по той или иной причине сбиваются с пути. Такое нередко случается в нашем мире безумных лабиринтов. Жизнь делает все возможное, чтобы лишить нас воспоминаний о волшебном. Вы даже не подозреваете, что это происходит с вами, пока в один прекрасный день не ощутите какую-то потерю, не зная наверняка, что именно утратили. Словно вы улыбнулись хорошенькой девушке и услышали в ответ удивленное: «Сэр». Это просто происходит с вами, вот и все.

Воспоминания о том, кто я и где жил, для меня очень важны. Они составляют существенную часть того человека, каким я хочу стать, когда подойдет к концу мое путешествие. Мне просто необходима память о магии и волшебстве, если я когда-нибудь собираюсь вернуть их себе. Мне нужно знать их и помнить о них, и я хочу рассказать вам об этом.

Меня зовут Кори Джей Маккенсон. Я родился в городке под названием Зефир, на юге Алабамы. Там никогда не бывает слишком холодно или слишком жарко. Улицы Зефира затенены черными дубами, а у домов имеются веранды и противомоскитные сетки на окнах. Есть парк с двумя бейсбольными площадками, одна – для детей, другая – для взрослых. Вода в общественном бассейне

отличалась чистотой и синевой, и дети ныряли в самую глубину за монетками, лежащими на дне. Каждый год 4 июля в Зефире устраивали барбекю, а в конце лета – литературный конкурс. В 1964 году, когда мне было двенадцать лет, население Зефира насчитывало примерно полторы тысячи человек. Достопримечательности города включали кафе «Яркая звезда», магазин «Вулворт» и маленькую бакалейную лавку «Пигли-Вигли». На десятой трассе был даже дом, где жили плохие девушки. Телевизор был не в каждой семье. В округе существовал «сухой закон», что означало процветание подпольной торговли спиртным. Дороги вели на юг, север, восток и запад, а ночью мимо проходил товарный поезд в сторону Бирмингема, оставляя после себя запах окалины. В Зефире было четыре церкви, начальная школа и кладбище на Поултер-Хилле. Озеро здесь такое глубокое, что его вполне можно считать бездонным. Мой родной город был полон героев и злодеев: здесь жили честные люди, которые знали чистую красоту правды, и такие, кто ложь возвел в идеал. Мой городок наверняка напоминает тот, где провели свое детство вы.

Но все же Зефир был волшебным местом. Там при свете луны по улицам прогуливались духи. Они выходили из могил на заросшем травой кладбище, стояли на холме и разговаривали о старых временах, когда кока-кола имела свой подлинный вкус, когда можно было запросто отличить демократа от республиканца. Я знаю это. Я сам их слышал. Легкий бриз дул вдоль улиц, проникая сквозь противомоскитные сетки на окнах, и приносил с собой в дома легкий аромат жимолости и пробуждающейся любви, а зазубренные синеватые молнии разбивались о землю и будили ненависть. У нас случались ураганы и засухи, а речка, которая протекала рядом с нашим городом, имела дурную привычку разливаться. В мою пятую весну наводнение принесло на улицы змей. Потом сотни ястребов, словно черный смерч, спустились на землю и унесли змей в своих смертоносных клювах, а река незаметно вернулась в свои берега, как побитая собака. Потом показалось солнце, словно над городом

прозвучал трубный глас, и над ржавыми, будто запятнанными кровью крышами моего родного городка за клубился пар.

У нас была своя чернокожая королева, которой было сто шесть лет. У нас был свой меткий стрелок, спасший жизнь Уайатту Эрпу^[2] у короля О-Кей. У нас было чудовище, которое жило в реке, и тайна, связанная с озером. У нас было привидение, которое витало над дорогой, преследуя черный гоночный автомобиль с языками пламени на капоте. У нас были свои Гавриил и Люцифер, а также мятежник-конфедерат, восставший из мертвых. У нас были иноземный завоеватель, мальчик с совершенной рукой, и, наконец, динозавр, преспокойно прогуливающийся по Мерчантс-стрит.

Это было волшебное место.

Мои воспоминания о мальчишеской жизни окутаны ореолом волшебства.

Я помню.

И хочу всем вам об этом поведать.

Часть первая. Призраки весны

Глава 1

До восхода солнца

– Кори? Просыпайся, сынок. Пора...

Я позволил ему вытащить меня из темной пещеры сна, потом открыл глаза и взглянул на него. Он уже был одет в темно-коричневую форму с его именем – Том, написанным белыми буквами поперек нагрудного кармана. Я учуял запах бекона и яиц, услышал радио, которое тихо играло на кухне. Гремели кастрюли и звенели стаканы: мама находилась в своей родной стихии, словно форель, попавшая в попутную водяную струю.

– Пора, – повторил отец и, включив лампу на столике рядом с моей кроватью, оставил меня потягиваться и прищуриваться, пока последние образы сна постепенно таяли у меня в мозгу.

Солнце еще не взошло. Была середина марта; за окном кроны деревьев трепал холодный пронизывающий ветер. Я мог почувствовать этот ветер, положив руку прямо на стекло. Когда папа вошел на кухню выпить кофе, мама поняла, что я проснулся, и сделала радио чуть погромче, чтобы услышать прогноз погоды. Весна пришла несколько дней назад, однако зима в этом году выдалась очень суровой и цеплялась за южные края острыми зубами и когтями, словно белая кошка. У нас не было снега – у нас вообще никогда не выпадает снег, – однако холодный ветер за окном исходил прямо из полярных легких Севера.

– Не забудь теплый свитер! – закричала мама. – Слышишь?

– Слышу, – ответил я и достал из комода зеленый шерстяной свитер.

Мою комнату освещал желтый свет лампы, слышалось приглушенное гудение калорифера. Здесь находились индейский ковер, красный, как кровь Кочиса^[3]; стол с семью потайными ящиками; стул, покрытый иссиня-черным бархатом цвета плаща

Бэтмена; аквариум с крошечными рыбками, такими прозрачными, что можно видеть, как бьются их сердца; уже упомянутый выше комод, к которому приклеены переводные картинки с самолетами моделей «Ревелл»; кровать со стеганым одеялом, вышитым родственницей Джефферсона Дэвиса^[4]; чулан и полки. О да, полки! Коллекции бесценных сокровищ. На этих полках – куча моих книг, сотни комиксов: «Лига Справедливости», «Флэш», «Зеленый Фонарь», «Бэтмен», «Дух», «Черный Ястреб», «Сержант Рок» и «Рота „Изи“», «Аквамен» и «Фантастическая Четверка». Еще тут номера журнала «Жизнь мальчишки», а также дюжина номеров «Знаменитых монстров кинематографа», «Сенсаций экрана» и «Популярной механики». Журналы «Нэшнл джиографик» высятся желтой стеной, и я не без некоторого смущения должен признать, что могу на память указать, где в них расположены все картинки из африканской жизни.

Полки тянутся бесконечно. Моя коллекция стеклянных шариков мерцает в банке с завинчивающейся крышкой. Засушенная цикада ждет лета, чтобы снова запеть. Игрушка йо-йо модели Дункана, почти целая, если не считать того, что у нее лопнула веревка, и папа давно обещает ее починить. Моя маленькая книжечка образцов тканей, которую я получил от мистера Парлоу в магазине «Стэгг-шоп для мужчин». Вырезанные из этой книжечки лоскутки играют роль ковров в моих моделях самолетов, я выстилаю ими проходы между вырезанными из картона сиденьями. Серебряная пуля, отлитая Одиноким ковбоем^[5] для охоты на оборотня. Пуговица времен Гражданской войны с формы солдата-южанина, потерянная в битве при Шайло^[6]. Мой резиновый нож для отслеживания заползших в ванну крокодилов-убийц. Мои канадские монеты, ровные и гладкие, словно северные равнины. Я просто невероятный богач.

– Завтрак уже на столе! – позвала мама.

Я застегнул свитер, имевший тот же оттенок, что и рваная рубашка сержанта Рока. На коленях моих синих джинсов красовались заплаты – знаки доблести, свидетельствующие о моих смелых

столкновениях с колючей проволокой и гравием. Моя фланелевая рубашка была такой красной, что могла привести в неистовство быка. Носки были белыми, как голубиные крылья, а кеды темны, как ночь. Моя мама страдала дальтонизмом, а папа любил в цветах максимальные контрасты. Так что со мной все было в полном порядке.

Забавно: иногда смотришь на людей, которые подарили тебе жизнь и ввели в этот мир, и видишь в них самого себя. Тогда ты понимаешь, что каждый человек является своего рода компромиссом природы. От мамы мне достались тонкий легкий костяк и волнистые темно-каштановые волосы, а от отца я получил голубые глаза и заостренный нос с горбинкой. У меня длинные пальцы моей матери, «руки художника», как она любила говорить, когда я выражал недовольство, что мои пальцы слишком тонки, густые брови моего отца и маленькая ямочка его подбородка. Я мечтал проснуться однажды в облике Стюарта Уитмена из «Полосы Симаррона» или Клинта Уокера в «Шайенне». Истина заключалась в том, что я был тощим, неуклюжим ребенком среднего роста и заурядной внешности, и казалось, что я мог слиться с обоями, если закрою глаза и задержу дыхание. Однако, невзирая ни на что, в фантазиях я выслеживал нарушителей закона вместе с ковбоями и детективами, которых нам каждый вечер показывали по телевизору; в лесах, которые начинались сразу позади нашего дома, помогал Тарзану сражаться со львами; в одиночку воевал с нацистами, уничтожая их. В нашу небольшую компанию входили такие ребята, как Джонни Уилсон, Дэви Рэй Коллан и Бен Сирс, но меня едва ли можно было назвать заводилой. Когда я начинал волноваться во время разговора, мой язык прилипал к гортани, и тогда я просто замолкал. Мои друзья были примерно одного со мной возраста, роста и темперамента, и мы старались не лезть на рожон, будучи весьма жалкими воинами.

Именно потому, думаю, я и начал писать. Занялся исправлением ошибок, если вам будет угодно назвать это так. Исправлением

ошибок как попыткой изменить сложившиеся обстоятельства в свою пользу, чтобы создать такой мир, каким он должен быть по твоим собственным представлениям, а не таким, каким он был сотворен. В реальном мире у меня не было силы – в *моем* мире я становился Геркулесом, срывающим с себя цепи.

Одну черту, знаю точно, я унаследовал от моего дедушки Джейберда, отца моего отца, – страсть к познанию окружающего мира. Ему было семьдесят шесть лет, но он был крепок, как вяленое мясо, невоздержан на язык, к тому же имел невыносимый характер. Он постоянно рыскал по окрестным лесам вокруг своей фермы и часто приносил домой нечто, заставлявшее мою бабушку Сару падать в обморок: змеиную кожу, пустые осиные гнезда, даже мертвых животных. Он любил разрезать всяких тварей перочинным ножом и разглядывать внутренности, извлекая их кровоточащие кишки прямо на газеты. Однажды он подвесил на дереве дохлую жабу и пригласил меня понаблюдать, как мухи пожирают ее труп. Бывало, приносил домой дерюжный мешок, набитый листвой, вываливал все его содержимое в гостиной и начинал тщательно изучать каждый листик через лупу, записывая замеченные между ними различия в один из сотен своих блокнотов. Он хранил окурки сигар и высушивал плевки жевательного табака, собирая их в специальные стеклянные флаконы. А то просто часами сидел в полной темноте и смотрел на луну.

Может, он был сумасшедшим. Возможно, сумасшедшими называют всех тех, у кого внутри еще остается магия и волшебство, хотя они уже давно не дети. По воскресеньям дедушка Джейберд читал мне комиксы и рассказывал истории о доме с привидениями, который стоял в маленькой деревушке, где он родился. Он мог быть придирчивым, глупым и мелочным, однако он зажег во мне огонек ожидания и жажду чуда, и с помощью этого света мой взор простирался далеко за пределы Зефира.

В то утро, еще до восхода солнца, я завтракал с родителями в нашем доме на Хиллтоп-стрит, а на дворе был 1964 год. Везде на

земле ощущались тогда ветры перемен, но меня это совсем не беспокоило. В ту минуту я лишь хотел заполучить еще стакан апельсинового сока и помнил, что должен помочь отцу в делах, прежде чем он отвезет меня в школу.

Когда завтрак подошел к концу и все тарелки были вымыты, я вышел на холод, чтобы поздороваться с нашим Бунтарем и накормить его любимой подливкой. Мама поцеловала нас с папой; я надел подбитую овечьей шерстью куртку и взял свои учебники, после чего мы с отцом вышли из дома и направились к нашему старенькому чихающему грузовичку-пикапу. Бунтарь на некотором расстоянии следовал за нами, но на углу Хиллтоп-стрит и Шоусон-стрит он неожиданно вторгся на территорию Бодога, добермана-пинчера, принадлежавшего семье Рэмси, и под громкий лай разгневанного хозяина вынужден был дипломатично отступить.

Перед нами простирался мирно спавший Зефир, а в небесах светился белый серп луны.

В нескольких домах уже горел свет. Но большинство окон оставались темными. Еще не было и пяти утра. Месяц блестел в изгибах реки Текумсе, но если бы там сейчас вздумалось поплавать Старому Мозесу, то ему пришлось бы скрести животом по грязи. Ветви деревьев на улицах Зефира, пока еще лишенные листья, слабо шевелились на ветру. Светофоры – в городе их насчитывалось ровно четыре, и располагались они на пересечениях основных трасс – с неизменным постоянством мигали желтым. На восточной окраине над широкой впадиной, на дне которой бежала река, раскинулся каменный мост с целым выводком горгулий. Кто-то говорил, что эти горгульи были вырезаны примерно в начале двадцатых годов и изображали известных генералов Конфедерации, павших ангелов, если можно так сказать. На западе скоростная магистраль извивалась среди лесистых холмов и убегала по направлению к другим городам. Железнодорожные пути проходили через Зефир на севере, в Брутоне, где обитало все негритянское население города. На юге располагался городской парк, где

находилась эстрада с акустической раковиной для оркестра и несколько бейсбольных площадок. Парк был назван в честь Клиффорда Грея Хейнса, основателя Зефира, и там же стояла его статуя. Он сидел на утесе, подпирая рукой подбородок. Отец говаривал, что статуя выглядела так, словно Клиффорд страдал от длительного запора и не мог ни сделать свое дело, ни избавиться от горшка. Еще дальше на юг десятая трасса, вырвавшись за пределы города, петляла черной лентой среди болотистых лесов, проходя мимо стоянки трейлеров и берега озера Саксон, отлого уходящего вниз на никому неведомую глубину.

Отец повернул машину на Мерчантс-стрит, и мы оказались в самом центре Зефира, где находилось множество магазинов. Здесь были «Парикмахерская Доллара», «Стэгг-шоп для мужчин», магазин кормов и металлических изделий, бакалейная лавка «Пигли-Вигли», магазин «Вулворт», кинотеатр «Лирик» и прочие достопримечательности. Впрочем, не так-то много их и было: стоило моргнуть несколько раз подряд, и окажется, что ты уже миновал все эти места. Потом мы оставили позади железнодорожные пути и проехали еще примерно мили две, прежде чем повернули к воротам с надписью: «Молочная ферма „ЗЕЛЕНЫЕ ЛУГА“». Автоцистерны стояли у погрузочной платформы, заполняясь свежим товаром. Повсюду кипела бурная деятельность, поскольку ферма открывалась очень рано, а время поездок молочников устанавливалось заранее.

Иногда, когда у отца выдавался особо напряженный график работы, он просил меня помочь ему развезти товар по городу. Я любил тишину и спокойствие, царившие по утрам. Я наслаждался миром, каким он являлся до восхода солнца. Мне нравилось наблюдать, какие разные люди приезжали в «Зеленые луга». Не знаю, почему я испытывал от этого такое удовольствие, – возможно, во мне проявлялось любопытство, унаследованное от моего дедушки Джейберда.

Отец пошел отнести накладную мастеру, остриженному под ежик крупному мужчине, которого звали мистер Бауэрс, а потом мы с

отцом стали загружать нашу машину. Там были бутылки с молоком, картонные упаковки со свежими яйцами, ведерки с творогом, особый картофельный салат «Зеленые луга» и салат с бобами. Все это было еще холодным, недавно извлеченным из морозильной камеры, и молочные бутылки искрились в огнях погрузочной платформы. На картонных крышках было нарисовано улыбающееся лицо молочника и написано: «Товар для вас!» Пока мы работали, мистер Бауэрс подошел и стал наблюдать за нами, держа в руках папку с зажимом для бумаг. За его ухом торчала ручка.

– Думаешь, тебе понравится быть молочником, Кори? – спросил он у меня.

Я ответил, что да, возможно, я и стану молочником.

– Миру всегда будут нужны люди нашей профессии, – продолжал мистер Бауэрс. – Разве не так, Том?

– Верно, как дождь, – ответил мой отец.

Это была одна из его фраз на все случаи жизни, которую он произносил, когда слушал разговор вполуха.

– Приходи на работу, когда тебе стукнет восемнадцать, – сказал мне мистер Бауэрс. – Мы непременно устроим тебя здесь.

Он так хлопнул меня по плечу, что мои зубы клацнули, а бутылки, которые я нес в ящике, отчаянно зазвенели.

Потом отец сел за руль с большими спицами, я устроился рядом, отец повернул ключ зажигания, и мы отъехали от погрузочной платформы, увозя молочный груз. Перед нами опускалась луна, последние звезды еще цеплялись за край ночи.

– Ну и что ты можешь мне сказать? – спросил папа. – Насчет работы молочником. Тебе действительно это нравится?

– Это было бы забавно, – ответил я.

– На самом деле не совсем так. Это хорошая работа, но каждый день это вовсе не забавно и не интересно. Кажется, мы никогда еще не говорили о том, чем ты хочешь заняться в будущем?

– Нет, сэр.

– В общем, я не думаю, что ты должен стать молочником, хотя бы потому, что я сам им работаю. Видишь ли, я вовсе не собирался заниматься этим делом. Дедушка Джейберд хотел, чтобы я стал фермером, как и он. Бабушка Сара мечтала, чтобы я выучился на доктора. Ты можешь себе это представить? – Он взглянул на меня и ухмыльнулся. – Я – и вдруг доктор! Доктор Том! Нет, сэр, эта работенка не для меня.

– А кем же тогда ты собирался стать, папа? – спросил я.

Отец некоторое время молчал. Казалось, он глубоко задумался над вопросом, который я ему задал. Мне пришло в голову, что, наверно, никто прежде не спрашивал его об этом. Отец вцепился в руль своими большими руками взрослого человека, словно вел беседу с дорогой, которая длинной лентой разматывалась перед нами в свете фар грузовика. А потом сказал:

– Первым человеком, высадившимся на Венере. Или наездником на родео. Или человеком, который способен прийти на пустырь и мысленно представить дом, который он хочет там выстроить, вплоть до последнего гвоздя и черепицы. Или детективом. – Отец издал горлом слабый смешок. – Но ферме был нужен молочник, им я и стал.

– Я не против стать гонщиком, – сказал я. Отец иногда брал меня на трассу недалеко от Барнсборо, где проходили соревнования гоночных машин, и мы сидели там, расправляясь с хот-догами и наблюдая за снопами искр, вспыхивающими при ударах металла о металл. – Быть детективом тоже неплохо. Буду разгадывать разные тайны, как в серии книг «Братья Харди».

– Да-а, неплохо, – согласился отец. – Никогда заранее не угадаешь, как пойдут дела, но такова правда жизни. Идешь к своей цели уверенно, как стрела, летящая в мишень, и тебе кажется, что твоя мечта уже почти осуществилась, но направление ветра внезапно меняется, и все рушится. Я ни разу не встречал человека, который стал тем, кем мечтал стать, когда был в твоём возрасте.

– Мне хотелось бы перепробовать все работы в мире, – сказал я. – Я хотел бы прожить на этом свете миллион жизней...

– Да. – Отец задумчиво кивнул. – Это было бы замечательным примером волшебства, верно? Ага, вот наша первая остановка.

В этом доме наверняка жили дети, потому что вместе с двумя квартами обычного молока эти клиенты заказали две кварты жидкого шоколада. Потом мы снова двинулись в путь по тихим улицам, на которых не слышалось ни звука, если не считать шума ветра и лая ранних собак, а затем остановились на Шентак-стрит, чтобы вручить пахту и творог кому-то, по-видимому любившему кислятину. Мы оставили бутылки, блестящие от выступивших на них капель воды, почти у каждого порога на Бевард-лейн; пока отец быстро работал, я проверял путевой лист и готовил очередную порцию бутылок и упаковок, вытаскивая их из холодного кузова грузовика. Мы действовали как слаженная команда.

Отец сказал, что осталось еще несколько покупателей на южной окраине, недалеко от озера Саксон, а потом мы вернемся в этот район и закончим работу по доставке товара еще до того, как раздастся школьный звонок. Отец повел машину мимо парка и выехал за пределы Зефира. По обеим сторонам дороги вокруг нас сомкнулись лесные чащи.

Время приближалось к шести утра. На востоке над холмами, поросшими соснами и кудзу, небо начинало светлеть. Ветер пробивал себе путь сквозь плотно сомкнутые ряды деревьев, словно кулак драчуна. Мы миновали машину, следовавшую на север. Ее водитель мигнул нам фарами, а отец помахал ему рукой.

– Марти Баркли развозит газеты, – объяснил он мне.

Я подумал об особом мире, в котором работа начинается еще до восхода солнца, и о том, что люди, которые сейчас только просыпались, не являлись частью этого своеобразного мира. Мы свернули с десятой трассы и поехали по грунтовой дороге, оставляя у маленьких домиков, которые гнездились в лесу, молоко, пахту и

картофельный салат, а потом вновь двинулись на юг, в сторону озера.

– Колледж, – проговорил отец. – Тебе следует поступить в колледж – вот мое мнение.

– Вполне возможно, – ответил я. Это прозвучало так, словно сам я к этому не имел никакого отношения, по крайней мере сейчас. Все, что я тогда знал о колледжах, – футбольные матчи между командами Оберна и Алабамы и то, что некоторые хвалили Медведя Брайанта, а другие поклонялись Шугу Джордану. Тогда мне казалось, что выбор колледжа зависит от того, какого тренера ты считаешь лучшим из лучших.

– Но чтобы попасть в колледж, надо иметь хорошие оценки, – сказал отец. – Придется заняться твоими уроками.

– А чтобы стать детективом, тоже надо ходить в колледж?

– Думаю, да. Если хочешь стать настоящим профессионалом. Если бы я поступил в колледж, то наверняка смог бы стать таким парнем, который знает, как выстроить дом на пустом месте. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди, и это истинная...

«Правда» – хотел он сказать, но так и не договорил. Мы как раз сворачивали за поворот лесной дороги, когда из чащи прямо перед нами выскочил автомобиль коричневого цвета. Отец вскрикнул, словно его укусил шершень, и резко вдавил педаль тормоза.

Отец вывернул руль влево, и коричневый автомобиль проехал мимо; я увидел, что машина съехала с десятой трассы и покатила вниз по насыпи справа от меня. Ее фары не горели, но за рулем кто-то сидел. Шины подмяли мелкий подлесок, а потом машина выехала на невысокий утес из красного камня и полетела вниз, в темноту. Раздался всплеск, и я понял, что машина свалилась прямо в озеро Саксон.

– Она упала в воду! – заорал я.

Отец тут же остановил грузовик и, поставив его на ручной тормоз, прыгнул в придорожную траву. Когда я выбрался из кабины, он уже со всех ног бежал к озеру. Ветер кружился вокруг нас, хлестал по

щекам. Отец остановился как раз на уступе той красной скалы, откуда упала машина. В слабом розоватом свете мы смогли разглядеть качающийся на волнах автомобиль. Огромные пузыри лопались вокруг его багажника.

– Эй-эй! – закричал отец, рупором сложив руки вокруг рта. – Вылезай оттуда, быстрее!

Всем было известно, что Саксон – озеро глубокое, как первородный грех, и когда автомобиль погрузится в темную бездну, он навсегда останется там.

– Эй, выбирайся оттуда! – опять закричал отец, но сидящий за рулем не отозвался. – У него, скорее всего, шок от холода, – сказал мне папа, скидывая ботинки.

Автомобиль стал поворачиваться к нам правой стороной, а потом раздался ужасный ревущий звук, который, вероятно, издал поток воды, с силой ворвавшийся внутрь машины. Отец сказал мне:

– Отойди чуть назад.

Я повиновался, а он прыгнул в озеро.

Он всегда был отличным пловцом. В несколько мощных гребков папа добрался до машины и увидел, что окно со стороны водителя открыто. Он чувствовал, как водоворот бешено крутится вокруг его ног, постепенно увлекая машину в бездонную глубину.

– Вылезай! – завопил папа диким голосом, однако водитель продолжал сидеть на своем месте.

Отец зацепился за дверцу, просунул руку внутрь и схватил водителя за плечо. Это был мужчина, рубашки на нем не оказалось. Тело его было бледным и холодным, и отец почувствовал, как по его коже поползли мурашки. Голова мужчины откинулась назад, и стал виден широко открытый рот. У него были светлые, коротко стриженные волосы, глаза заплыли от черных кровоподтеков, лицо изуродовано зверскими ударами до неузнаваемости. Вокруг его шеи была затянута медная струна от фортепиано, так туго, что тонкий металл впился в кожу и разрезал ее на горле до мяса.

– О боже! – прошептал отец, бултыхаясь в воде.

Автомобиль накренился и зашипел. Голова водителя вновь бессильно упала на грудь, как во время молитвы. Вода поднялась уже до уровня его голых коленей. Папа вдруг осознал, что водитель совсем без одежды, в чем мать родила. Что-то блеснуло на рулевом колесе – и отец заметил наручники, которыми правое запястье мужчины было приковано к внутреннему ободу руля.

К тому времени мой отец прожил на свете тридцать четыре года. Он и до того видел мертвецов. Один из его лучших друзей, Ходж Клемсон, утонул в реке Текумсе, когда им обоим было по пятнадцать лет. Тело обнаружили лишь спустя три дня, раздувшееся и покрытое таким слоем желтой донной тины, что оно напоминало древнюю мумию. Он видел то, что осталось от Уолтера и Джанин Трейнор после ужасного лобового столкновения, происшедшего шесть лет назад, когда «бьюик» Уолтера столкнулся с лесовозом, которым управлял паренек, употреблявший психотропные вещества. Он видел темную блестящую массу, в которую превратилось тело Малыша Стиви Коули, после того как пожарные потушили огонь, охвативший черный гоночный автомобиль под названием «Полуночная Мона». Он уже не раз видел страшный оскал смерти и переносил это зрелище так, как подобает мужчине.

Но теперь все было иначе.

Лицо этого человека имело явные признаки насильственной смерти: его убили.

Автомобиль погружался все глубже и глубже. Когда его капот ушел под воду, заднее крыло поднялось. Прикованное к рулю тело снова дернулось, и отец что-то увидел на плече трупа. Голубоватое пятно на белом фоне. Нет, не синяк, а татуировка. Череп с крыльями, плавно скругленными в сторону костистых висков.

Вода потоком хлынула в машину, пузыри воздуха с громким хлопком вырвались наружу. Никто не мог отказать озеру в игрушке, которую оно требовало, чтобы упрятать в потайной ящик. Когда автомобиль начал плавно погружаться в темную глубь озера,

невидимый водоворот схватил отца за ноги, чтобы утащить на дно и его.

Стоя на красном утесе, я увидел, как голова отца исчезла под водой, и закричал, охваченный ужасом:

– Папа!

Там, под водой, он боролся с мощью озера. Автомобиль под ним стремительно скользил вниз, и, когда отец стал отчаянно бить ногами, чтобы не провалиться в эту водяную могилу, образовавшиеся пузыри воздуха устремились к поверхности и освободили его из плена. Он стал взбираться вверх по их серебристой лестнице к спасительной воздушной мансарде.

Тут я увидел, как его голова пробилла водную гладь.

– Папа! – закричал я пронзительно. – Возвращайся на берег, папа!

– Со мной все в порядке! – отозвался он, но голос его предательски дрогнул. – Я возвращаюсь!

Он поплыл по-собачьи к берегу, но тело его вдруг стало хилым и вялым, как выжатая тряпка. Там, где автомобиль вспорол водную поверхность, озеро продолжало бурлить, словно переваривало что-то нехорошее. Отец не сумел залезть на выступ красной скалы, поэтому подплыл к тому месту, где смог зацепиться за стебли кудзу и камни.

– Со мной все в порядке, – повторил он, когда выбрался из озера, и его ноги по колено погрузились в ил.

Черепаша размером с обеденную тарелку быстро проскользнула мимо него и с недоуменным фырчанием плюхнулась в озеро. Я обернулся в сторону нашего молочного фургона – не знаю почему, но я это сделал.

И заметил фигуру человека, стоявшего между деревьями в чаще леса по другую сторону дороги.

Он просто стоял там, одетый в длинное темное пальто, полы которого развевались на ветру. Возможно, я почувствовал глаза того, кто наблюдал за мной, еще тогда, когда следил за отцом, который плыл к тонувшему автомобилю. Меня передернуло, холод пробрал

до костей. Потом я несколько раз мигнул – и на том месте, где только что стояла загадочная фигура, снова остались лишь деревья, раскачивающиеся на ветру.

– Кори! – позвал отец. – Дай мне руку, сынок!

Я спустился к заросшему тиной берегу и помог ему настолько, насколько способен это сделать продрогший, испуганный ребенок. Потом его ноги ступили на твердую землю, и он откинул мокрые волосы со лба.

– Надо найти телефон, – озабоченно сказал отец. – Там в автомобиле был мужчина. Он пошел ко дну...

– Я видел... видел... – Я указал рукой на лесную чащу по другую сторону от десятой трассы. – Там кто-то был...

– Пошли!

Отец уже пересекал дорогу, держа мокрые ботинки в руке. Как можно быстрее я поспешил за ним, словно превратившись в отцовскую тень. Мой взгляд снова возвратился к тому месту, где я видел силуэт человека, однако никого там не оказалось, вообще никого.

Отец завел наш молоковоз и включил обогреватель. Зубы его выстукивали дробь, лицо в сером свете раннего утра выглядело бледным, словно свечной воск.

– Проклятье! – воскликнул он.

Это меня потрясло: раньше он никогда не позволял себе ругаться в моем присутствии.

– Он был прикован к рулю, – продолжал отец. – Наручниками. Боже мой, все лицо этого парня изуродовано!

– Кто это был?

– Не знаю. – Он переключил обогреватель на полную мощность, а потом повел машину на юг, к ближайшему дому. – Кто-то хорошенько поработал над ним, это уж точно! Боже мой, как же мне холодно!

Грунтовая дорога свернула направо, туда же вырулил отец. В пятидесяти ярдах от десятой трассы стоял маленький белый домик с

верандой, затянутой противомоскитной сеткой. По одну сторону от дома росли кусты роз. Под зеленым пластиковым навесом стояли две припаркованные машины: красный «мустанг» и старый «кадиллак», местами покрытый пятнами ржавчины.

Отец остановил пикап перед домом, сказав мне: «Подожди здесь», в одних носках подошел к двери и нажал на кнопку звонка. Лишь когда он позвонил во второй раз, дверь, звякнув колокольчиком, распахнулась, и в проеме появилась рыжеволосая женщина раза в три крупнее моей мамы, одетая в синий халат с вышитыми на нем черными цветочками.

Отец обратился к ней:

– Мисс Грейс, мне необходимо срочно позвонить. Нельзя ли воспользоваться вашим телефоном?

– Вы весь мокрый! – Голос мисс Грейс напоминал скрежет ржавой пилы. Она взяла сигарету в другую руку, и на пальцах блеснули кольца.

– Стучилось большое несчастье, – сказал ей отец.

Она вздохнула, напоминая своим обличьем рыжую грозовую тучу, но потом сказала:

– Ладно. В таком случае можете пройти... Только поосторожнее с ковром...

Отец вошел в дом, и дверь с колокольчиком закрылась за ним. Я продолжал сидеть в нашем молоковозе. Тем временем из-за холмов на востоке стали пробиваться первые оранжевые лучи солнца. В грузовике пахло озером: на полу под водительским сиденьем стояла лужа. Я видел кого-то, стоявшего в лесной чаще. Точно знал, что видел. Почему же он не вышел посмотреть, что произошло с человеком в машине? И кем вообще был тот человек?

Пока я раздумывал над всем этим, дверь вновь отворилась и на пороге показалась мисс Грейс; теперь поверх своего халата она надела мешковатый белый свитер. На ногах у нее были тапочки, лодыжки и икры казались толстыми, словно молодые деревца. В

руках – пачка печенья «Лорна Дун». Она подошла к нашему молоковозу и улыбнулась мне.

– Эй, там, в машине, – позвала она. – Ты, конечно же, Кори...

– Да, – ответил я.

Улыбка не слишком красила мисс Грейс. Ее губы были тонкими, нос – широким и плоским, а брови, подведенные черным карандашом, нависали над глубоко посаженными глазами. Она протянула мне пачку «Лорны Дун»:

– Печенье хочешь?

Я не был голоден, но родители учили меня никогда не отвергать дары. Я взял одно печенье.

– Бери два, – предложила мисс Грейс, и я взял второе печенье.

Она сама тоже съела печенье, потом затянулась сигаретой и выпустила дым через ноздри.

– Твой отец – наш молочник, – сказала она после короткого молчания. – Думаю, ты найдешь нас в вашем путевом листе. Шесть кварт молока, две пахты, два шоколада и три пинты сливок.

Я сверился с перечнем заказов. Там оказалось ее имя – Грейс Стаффорд – и заказ, в точности такой, как она назвала. Я сказал, что сейчас все для нее достану, и стал собирать заказ.

– Сколько тебе лет? – спросила мисс Грейс, когда я принялся за дело. – Двенадцать?

– Пока нет, мэм. Двенадцать исполнится только в июле.

– У меня тоже есть сын. – Мисс Грейс стряхнула пепел со своей сигареты и принялась жевать очередное печенье. – В декабре стукнуло двадцать. Он живет в Сан-Антонио. Знаешь, где это?

– Да, мэм. Это в Техасе. Там, где Аламо.

– Верно. Ему исполнилось двадцать, а значит, мне должно быть тридцать восемь. Настоящее ископаемое, верно?

Это явно вопрос с подвохом, подумал я.

– Нет, мэм, – наконец решился я ответить.

– Так ты – маленький дипломат? – Она опять улыбнулась мне, но на этот раз улыбка светилась в ее глазах. – Бери еще печенье.

Оставив мне всю пачку, она направилась к двери и закричала, обращаясь к кому-то внутри дома:

– Лэйни! Лэйни, оторви от дивана свою задницу и иди сюда!

Но первым появился мой отец. В безжалостном утреннем свете он выглядел постаревшим, под глазами у него темнели круги.

– Я позвонил в участок шерифу, – сказал он мне, усаживаясь на мокрое водительское сиденье и втискивая ноги в ботинки. – Кто-нибудь подъедет, чтобы встретиться с нами на том месте, где упала машина.

– Кто, черт возьми, это был? – спросила мисс Грейс.

– Понятия не имею. Его лицо было... – Он быстро взглянул на меня, потом опять повернулся в сторону женщины. – В общем, он был сильно избит.

– Скорее всего, надрался до потери сознания.

– Я так не думаю. – Отец ничего не сказал по телефону о том, что мужчина был раздет, удушен фортепианной струной и прикован наручниками к рулю. Эти подробности предназначались только для шерифа, но никак не для ушей мисс Грейс или кого-нибудь вроде нее. – Вы когда-нибудь видели здесь парня с татуировкой на левом плече? Она изображает череп, из которого растут крылья.

– Я видела огромное количество татуировок, – заметила мисс Грейс, – но не могу припомнить ничего подобного. А что, тот парень был без рубашки? Как вы узнали о его татуировке?

– Да, на нем не было рубашки. Череп с крыльями был вытатуирован прямо вот здесь. – Отец дотронулся до своего левого плеча, снова вздрогнул и потер руки. – Они никогда не смогут поднять эту машину. Никогда. Глубина озера Саксон – три сотни футов.

Раздался звон колокольчика. Я посмотрел в сторону двери, держа в руках ящик с бутылками молока.

Из дома вышла девушка с опухшими от сна глазами. Она была одета в длинный клетчатый купальный халат, ноги ее были голыми,

волосы цвета кукурузы рассыпались по плечам. Приблизившись к молоковозу, она сощурилась от яркого света и произнесла:

– Как мне все острое...нело...

По всей вероятности, я тогда чуть не свалился на землю от неожиданности, потому что никогда прежде в своей жизни не слышал, чтобы из уст женщины вырывалось такое грязное ругательство. О, я уже прекрасно понимал, что значило это слово, но меня повергло в шок, что его без тени смущения произносили уста хорошенькой девушки.

– У нас в доме молодой человек, Лэйни, – сказала мисс Грейс таким голосом, которым, казалось, можно было согнуть стальной гвоздь. – Следи, пожалуйста, за своим языком.

Лэйни посмотрела на меня холодным взглядом, и я сразу вспомнил, как когда-то ткнул зубцом вилки в электрическую розетку. Глаза Лэйни были карими, почти шоколадного цвета, а губы слегка улыбались мне, но при этом на ее лице сохранялась презрительная гримаса. Ее лицо выражало упрямство и настороженность, словно она только что сбежала из-под стражи. Бросалась в глаза маленькая красная отметина на ложбинке под горлом.

– А что это за парнишка? – спросила она про меня.

– Сын мистера Маккенсона. Веди себя прилично, слышишь?

Я с трудом проглотил комок в горле и отвел глаза от Лэйни, от ее распахнувшегося халатика. Только сейчас до меня дошло, какого сорта девушки употребляют столь нехорошие слова и что это за место. Я несколько раз слышал от Джонни Уилсона и Бена Сирса, что где-то рядом с Зефиром есть самый настоящий бордель. Это, несомненно, входило в круг знаний, получаемых в начальной школе. Когда говоришь кому-то: «Отсоси-ка!» – ты сразу ступаешь на тонкую грань между миролюбием и насилием. Раньше я всегда представлял себе публичный дом так: особняк, вокруг него плакучие ивы, черные слуги подают клиентам джулеп^[Z] на веранде. Однако на самом деле публичный дом не слишком далеко ушел от вышедшего из строя автоприцепа. И все же прямо здесь передо мной стояла девушка с

волосами цвета кукурузы и ртом, изрыгающим непотребную брань, девушка, которая зарабатывала себе на хлеб утехами плоти. Моя спина покрылась гусиной кожей, и я просто не в силах признаться, какого рода сцены возникали тогда в моем воображении, словно медленно надвигающаяся, но таящая смертельную опасность буря.

– Возьми молоко и все остальное и отнеси на кухню, – распорядилась мисс Грейс.

Презрительная ухмылка вытеснила улыбку с лица девушки, ее карие глаза потемнели.

– Я не обязана заниматься кухонными делами. На этой неделе очередь Донны Энн!

– Это мне решать, чья сейчас очередь, мисси, и ты знаешь, что я могу сделать так, что ты проторчишь на кухне целый месяц! А теперь делай то, что тебе велят, и держи свой прелестный ротик на замке!

Лэйни надулась, заученно изобразив обиду: губы вытянулись, лицо сморщилось. Но ее глаза – холодные сгустки гнева – не лгали: она вовсе не приняла наказание безропотно. Она взяла у меня ящик и, повернувшись спиной к моему отцу и мисс Грейс, высунула свой розовый влажный язык, изогнутый трубочкой, прямо мне в лицо. Потом ее язык скользнул обратно, и она удалилась, не преминув продемонстрировать презрение ко всем нам, нагло виляя задом, что поразило меня, как удар мечом. Когда она исчезла из поля зрения, мисс Грейс громко фыркнула и проговорила:

– Груба, как лошадь...

– А разве не все они такие? – спросил отец.

Мисс Грейс ответила ему, выпустив изо рта очередное колечко дыма:

– Да, но она даже не притворяется, что у нее хорошие манеры. – Ее взгляд остановился на мне. – Кори, почему ты не берешь печенье? С тобой-то все в порядке?

Я посмотрел на отца. Он пожал плечами.

– Да, мэм, – неуверенно ответил я.

– Отлично. Мне действительно приятно было познакомиться с тобой. – Мисс Грейс тут же вновь переключила внимание на отца и на сигарету, которую передвинула языком в угол рта. – Дайте мне знать, как будут разворачиваться события.

– Обязательно. Спасибо, что разрешили воспользоваться вашим телефоном. – Отец вновь уселся за руль. – Ящик из-под молока я заберу в следующий раз...

– Да-да. Будьте осторожны, – ответила мисс Грейс и скрылась внутри выкрашенного белой краской борделя, а отец завел двигатель и снял машину с ручного тормоза.

Мы поехали обратно – к тому месту, откуда неизвестная машина свалилась в воду.

Поверхность озера Саксон, освещенного утренним светом, покрывали голубые и пурпурные полосы. Отец свернул на грунтовую дорогу, по которой, как мы поняли, приехал упавший в озеро автомобиль. Потом мы сели и стали ждать приезда шерифа, в то время как солнечный свет набирал силу, окрашивая небо лазурью.

Я испытывал раздвоение сознания, думая об утонувшем автомобиле и силуэте виденного мной человека и одновременно гадая, откуда отец так хорошо знает мисс Грейс и ее публичный дом. Отец лично знал всех своих заказчиков: он часто рассказывал о них маме за ужином. Но я никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь упоминал хоть одним словом о мисс Грейс и ее борделе. Конечно, эта тема не подходила для разговора за ужином. И, кроме того, родители не стали бы говорить о таких вещах в моем присутствии, хотя все мои друзья, все школьники, начиная с четвертого класса, знали, что где-то на окраине Зефира существует такой дом с плохими девушками.

И вот я побывал там. Мне даже удалось увидеть плохую девушку. Я видел ее изгибающийся язык и зад, ходивший из стороны в сторону под ее халатом.

Теперь я мог стать в школе своего рода знаменитостью.

– Кори? – тихо спросил отец. – Ты знаешь, какими делами заправляет мисс Грейс в своем доме?

– Я... – Даже третьеклассник мог бы догадаться. – Да, сэр.

– Обычно я оставляю заказ перед ее дверью. – Он смотрел на озеро, словно все еще видел автомобиль, медленно погружающийся в бездну с трупом, прикованным наручниками к рулевому колесу. – Я поставляю товар мисс Грейс вот уже два года. Каждый понедельник и четверг, строго как часы. И если это тебя волнует, могу сказать: мама *знает*, что я наведываюсь сюда по работе.

Я ничего не сказал в ответ, но почувствовал, что на душе у меня стало гораздо легче.

– Я не хочу, чтобы ты рассказывал кому-нибудь о мисс Грейс и об этом доме, – продолжал отец. – Я хочу, чтобы ты забыл о том, что побывал здесь, о том, что успел увидеть и услышать. Ты можешь сделать это?

– Почему? – не удержался я от вопроса.

– Потому что мисс Грейс немного отличается от тебя, меня и мамы: она может казаться грубой и злобной, а ее работа не из тех, о которых мечтают люди, но она хорошая женщина. Я просто не хочу, чтобы об этом мололи языками. Чем меньше говорят о мисс Грейс и об этом доме, тем лучше. Ты меня понимаешь?

– Думаю, что да...

– Хорошо. – Его пальцы сжали руль. Вопрос был закрыт для дальнейшего обсуждения.

Я сдержал свое слово. Моя грядущая популярность развеялась как дым, но, значит, такая судьба.

Я уже собирался раскрыть рот, чтобы рассказать отцу о силуэте человека, которого заметил между деревьями, но в этот момент черно-белый «форд» с мигалкой наверху и изображением герба города Зефира на левой передней дверце завернул на повороте и остановился недалеко от нашего молоковоза. Шериф Эмори, инициалы которого читались как Джей-Ти, что означало Джуниор Талмедж, вылез из машины, и отец пошел ему навстречу.

Шериф Эмори был худым высоким мужчиной, его лицо с вытянутым подбородком напомнило мне фильм, который я когда-то видел: Икабод Крейн^[8] пытается настигнуть Всадника без головы. Шериф обладал большими руками и ногами, а также парой ушей, которым позавидовал бы слоненок Дамбо^[9]. Будь его нос чуточку длиннее, он мог бы послужить превосходным флюгером. Шерифская звезда была приколота спереди на шляпе, прикрывавшей почти лысую голову, если не считать единственной пряди каштановых волос.

Шериф вновь надвинул шляпу на блестящий от пота лоб. Они разговаривали на берегу озера, а я наблюдал за движениями рук отца, который, вероятно, показывал места, откуда выехал автомобиль и куда он потом упал. Оба смотрели на неподвижную гладь озера, и я догадывался, о чем они в то время думали.

Автомобиль мог уже погрузиться до самого центра земли. Даже каймановые черепахи, обитавшие на берегу озера, не смогли бы нырнуть так глубоко, чтобы добраться до утонувшей машины. Кем бы ни был водитель, сейчас он сидел где-то там, в темноте, с илом между зубами.

– Прикованный наручниками, – повторил шериф Эмори спокойным голосом. У него были густые темные брови над глубоко посаженными глазами цвета угля, а бледность его кожи свидетельствовала о том, что он вел ночной образ жизни. – Ты уверен во всем этом, Том? И насчет этой струны?

– Уверен. Кто бы ни разделался с этим парнем, это была дьявольская работа! Его голова выглядела почти отрезанной.

– Прикованный наручниками, – снова повторил шериф. – Думаю, для того, чтобы тело не всплыло.

Он слегка постучал указательным пальцем по нижней губе.

– Ладно, – наконец проговорил он. – Полагаю, налицо все признаки убийства.

– Если это не так, то тогда я вообще не понимаю, что же считать убийством.

Пока они разговаривали, я тихо вышел из молоковоза и направился к тому месту, где, как мне показалось, заметил фигуру наблюдавшего за мной человека. Там, где он стоял, не оказалось ничего, кроме сорной травы, камней и грязи. «А был ли это мужчина? – подумал я. – Что, если то была женщина?» Я не разглядел длинных волос, но, по правде говоря, мне ничего особенного и не удалось рассмотреть, кроме пальто, которое развевалось на ветру. Я ходил взад-вперед по краю леса между деревьями. За опушкой лес густел, и обычную землю сменял болотистый грунт. Я не нашел абсолютно ничего.

– Хорошо бы вам заехать в мою контору, чтобы я мог все это записать, – сказал шериф отцу. – Правда, неплохо бы сначала съездить домой и переодеться в сухое.

Отец кивнул:

– К тому же я хочу закончить развозку заказов и отвезти Кори в школу.

– Ладно. Во всяком случае, мне кажется, мы вряд ли сможем помочь парню на дне этого озера. – Шериф хмыкнул и засунул руки в карманы. – Убийство. Последнее убийство произошло у нас в Зефире в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Помнишь, как Бо Каллаган забил до смерти свою жену кубком за победу в соревновании по боулингу?

Я возвратился в наш пикап и стал ждать отца. Солнце уже вошло высоко, освещая мир. Тот мир, который я знал. Однако пережитое давило на меня тяжелым грузом. Мне теперь казалось, что существуют два мира: один – перед восходом солнца, другой – после. А если бы это было правдой, то отличались бы друг от друга и люди, жившие в этих мирах. Некоторые легко передвигались бы по ночным ландшафтам, другие предпочитали бы период яркого света. Возможно, перед восходом солнца я наблюдал за одним из ночных жителей. И вдруг меня посетила кошмарная мысль: возможно, он видел, что я заметил его.

Я понял, что на кедах принес грязь в молоковоз.

Я посмотрел на подошвы, на которые налипла земля.
К левому кеду пристало маленькое зеленое перышко.

Глава 2

Падение в темноту

Сначала зеленое перо оказалось у меня в кармане. Оттуда оно перекочевало в мою комнату, в коробку из-под сигар «Белая сова», где хранились коллекция старых ключей и засушенные насекомые. Я закрыл крышку коробки, положил ее в один из потайных ящиков стола и задвинул его.

А затем вовсе забыл о своей находке.

Чем больше я думал о силуэте человека в лесу, тем больше склонялся к мысли, что ошибся, просто меня сильно напугало зрелище автомобиля, упавшего в воду, и отца, который начал погружаться в бездну вслед за машиной. Несколько раз я пытался рассказать об этом отцу, но всегда что-то мешало.

У мамы чуть не случился нервный приступ, когда она узнала, что отец нырял в озеро. Она так переживала за него, что кричала и рыдала во весь голос. Отцу даже пришлось усадить ее на кухне и спокойно объяснить, почему он сделал это.

– За рулем был мужчина, – сказал отец. – Я не знал, что он уже мертв, думал, он просто потерял сознание от холода. Если бы я стоял сложа руки, какие нашел бы для себя оправдания после случившегося?

– Ты же мог утонуть! – упрекала его мама, и слезы катились по ее щекам. – Мог стукнуться головой о камень и пойти на дно!

– Я же не утонул. И не ударился головой о камень. Просто сделал то, что должен был сделать.

Он протянул ей бумажную салфетку, и мама вытерла глаза. Затем все-таки выдала последнюю словесную эскападу:

– В этом озере полным-полно ядовитых змей – водяных щитомордников, и ты мог угодить в самое их гнездо!

– Но не угодил ведь, – ответил отец.

Мама вздохнула и покачала головой, словно жила с самым большим глупцом, который когда-либо родился на свет.

– Тебе надо переодеться в сухое, – сказала она, уже вполне овладев голосом. – Я не перестаю благодарить Бога, что ты не очутился на дне этого ужасного озера. – Мама поднялась с табуретки и помогла отцу расстегнуть промокшую насквозь рубашку. – Ты хоть знаешь, кто это был?

– Никогда раньше его не видел...

– Кто мог сотворить такое с другим человеческим существом?

– Это задачка для Джея-Ти. – Отец стянул с себя мокрую рубашку, и мама взяла ее двумя пальцами, словно озерная вода несла в себе проказу. – Мне еще надо будет заехать к нему в офис, чтобы помочь составить протокол. А еще я хочу сказать тебе, Ребекка, что, когда я взглянул в лицо мертвецу, сердце у меня чуть не остановилось. Я никогда раньше не видел ничего подобного и молю Бога, чтобы больше никогда не увидеть...

– Боже правый! – воскликнула мама. – А что, если у тебя случился бы там сердечный приступ? Кто тогда спас бы тебя?

Беспокойство было образом жизни моей матери. Она беспокоилась о погоде, ценах на бакалейные товары, из-за поломки стиральной машины, загрязнения русла Текумсе бумажным заводом в Адамс-Вэлли, о ценах на новую одежду – обо всем, что происходит вокруг. Мир представлялся маме огромным, почти безразмерным стеганым одеялом, швы которого постоянно расползаются. Ее беспокойство исполняло роль иголки, которой можно было залатать эти опасные швы. Если ей удавалось вообразить наихудший, трагический вариант развития события, то она, казалось, обретала некий контроль над ними. Как я уже говорил, это был ее образ жизни, способ мышления. Отец мог просто бросить горсть игральных костей, когда требовалось принять решение, тогда как мама часами испытывала мучительные сомнения. Я думаю, что они таким образом уравнивали друг друга, как и подобает любящим.

Родители моей мамы, дедушка Остин и бабушка Элис, жили в двенадцати милях южнее, в городке, который назывался Ваксахачи, возле военно-воздушной базы Роббинс. Бабушка Элис своим беспокойным характером даже превосходила мою мать; некая часть ее души взывала к трагическому началу. Дедушка Остин работал лесорубом, и одна нога у него была деревянной из-за небрежного обращения с электропилой. Он не раз предупреждал жену, что отвинтит свою деревянную ногу и стукнет ее по голове, если она не успокоится и не даст ему отдохнуть. Он называл свою деревянную ногу «трубкой мира», но, насколько я знаю, никогда не использовал ее в каких-либо иных целях, кроме тех, для которых она была вырезана.

У моей мамы были старшие брат и сестра, а отец был у своих родителей единственным ребенком.

Так или иначе, в тот же день я отправился в школу и при первом удобном случае рассказал о случившемся Дэви Рэю Коллану, Джонни Уилсону и Бену Сирсу. К тому времени, как прозвенел последний звонок и я отправился домой, новость уже распространилась по всему городу подобно пожару. Слово «убийство» было у всех на устах. Родители не успевали отвечать на телефонные звонки. Всем хотелось узнать о происшедшем вплоть до самых мрачных подробностей.

Я вышел из дома погонять на своем ржавом велосипеде и дать возможность Бунтарю порезвиться среди деревьев. И тут мне в голову неожиданно пришла мысль: а что, если кто-то из звонивших уже все знал и просто пытался разнюхать, не видели ли мы его там, на опушке, и вообще какой информацией располагает шериф Эмори?

Именно тогда, когда я крутил педали на лесной тропинке, а Бунтарь пытался играючи схватить меня за пятки, я осознал, что кто-то в моем родном городке вполне может быть убийцей.

Весна была в разгаре, с каждым днем теплело. Спустя неделю после того, как отец прыгнул в озеро Саксон, шериф Эмори объявил:

никто не пропал за последнее время в нашем городе и его окрестностях. Статья, опубликованная на первой полосе единственного в Адамс-Вэлли еженедельника «Журнал», тоже не содержала ничего нового. Шериф Эмори, двое его помощников, несколько пожарных и полдюжины добровольцев на легких лодках прошлись по озеру сетями вдоль и поперек, но не вытащили ничего, кроме каймановых черепах и водяных щитомордников.

До двадцатых годов на месте озера Саксон была каменоломня, а потом паровые экскаваторы пробрили путь к подземной речке, которую не удалось перекрыть или отвести в сторону. Ее глубина составляла, по различным оценкам, от трехсот до пятисот футов. На земле не существовало такой сети, которая могла бы поднять на поверхность затонувший автомобиль.

Однажды вечером шериф Эмори зашел к нам, чтобы переговорить с моими родителями, и они разрешили мне при этом присутствовать.

– Кто бы ни сделал это, – стал объяснять шериф, сидя со шляпой на коленях, отбрасывая на стену тень своего длинного носа, – он должен был направить автомобиль на грунтовую дорогу, выходящую прямо к озеру. Мы обнаружили там отпечатки шин, но все следы были стерты. Убийца наверняка зафиксировал педаль газа, прикрепив что-то к ней. Перед тем как вы выехали из-за поворота, он отпустил ручной тормоз, захлопнул дверцу и отпрыгнул, а машина свободно покатила вниз. Конечно же, он и не подозревал, что вы появитесь в этот момент. Если бы вас не оказалось там, машина просто упала бы в озеро, утонула и никто даже не узнал бы, что вообще что-то произошло. – Он пожал плечами. – Это все, что мне удалось выяснить.

– Вы разговаривали с Марти Баркли?

– Да. Он ничего не видел. Эта грунтовая дорога расположена так, что вы можете проехать мимо на средней скорости и даже не заметить ее.

– Так что же теперь со всем этим делать?

Шериф обдумывал вопрос отца, его серебряная звезда поблескивала на свету. Снаружи залаял Бунтарь, окрестные собаки подхватили его клич и разнесли по всему Зефиру. Шериф вытянул большие руки и посмотрел на пальцы.

– Понимаешь, Том, – наконец заговорил он. – Ситуация действительно странная. Имеются отпечатки шин, но нет самой машины. Ты говоришь, что видел внутри автомобиля мертвеца, прикованного наручниками к рулю, и что вокруг шеи трупа была намотана медная струна, но у нас нет тела, и мы вряд ли сможем когда-нибудь получить его. Никто в городе и его окрестностях за последнее время не пропадал, если не считать девочки-подростка, мать которой полагает, что она убежала вместе со своим дружкой в Нэшвилл. Но у того парня, кстати, не было никакой татуировки. Я не слышал ни об одном человеке с татуировкой, которая была бы похожа на ту, что ты описал. – Шериф Эмори взглянул на меня, потом на маму, а затем снова на отца своими темными, как уголь, глазами. – Помнишь ту загадку, Том? Ну, насчет того, что когда дерево падает в лесу, а поблизости никого нет, бывает ли при этом какой-нибудь шум? А раз нет тела и никто в округе за последнее время не пропадал, произошло ли вообще убийство или нет?

– Я знаю только то, что видел своими глазами, – ответил отец. – Ты разве сомневаешься в моих словах, Джей-Ти?

– Нет, этого я не говорил. Речь идет лишь о том, что больше я не смогу ничего сделать, пока мы не установим личность жертвы. Мне нужно его имя, Том. Мне необходимо иметь описание его внешности. Без этого я не знаю даже, с чего начинать расследование...

– А убийца между тем преспокойно разгуливает на свободе и совсем не боится, что когда-нибудь будет пойман. Так прикажешь тебя понимать?

– Угу, – признал шериф. – Получается именно такой расклад.

Конечно, шериф Эмори обещал, что продолжит расследование, что обзвонит все полицейские участки штата, чтобы получить от них

сведения о пропавших людях. Рано или поздно, сказал он, кто-нибудь заявит именно о том человеке, который покоится в озере вместе с машиной. Когда шериф уехал, отец вышел на веранду, чтобы посидеть в темноте наедине со своими мыслями. Он оставался там и после того, как мама велела мне ложиться спать.

Уже ночью меня разбудил крик отца.

Встревоженный, я сел на кровати, слыша, как за стеной мать говорит отцу:

– Не беспокойся. Это был плохой сон, всего лишь дурной сон, теперь все в порядке.

Отец молчал довольно долгое время. Я слышал, как в ванной течет вода. Потом раздался скрип пружин на их кровати.

– Ты хочешь рассказать мне об этом? – спросила мама.

– Нет, о господи, нет.

– Это был всего лишь дурной сон.

– И все же я видел это как наяву.

– Ты сможешь опять заснуть?

Он тяжело вздохнул. Я без труда мог представить, как он сидит там, в темной спальне, прижав руки к лицу.

– Не знаю, – ответил отец.

– Дай-ка я потру тебе спину.

Пружины заскрипели под тяжестью их тел.

– У тебя здесь все напряжено, – сказала мама. – Особенно ближе к шее.

– Тут чертовски болит. Там, где твой большой палец.

– Это растяжение. Ты наверняка потянул мышцу.

Молчание. Мои шея и плечи, казалось, тоже расслаблялись под нежными руками матери. Каждое движение в спальне родителей сопровождалось скрипом пружин. Потом снова раздался голос отца:

– Я опять видел кошмарный сон – мужчину в машине...

– Я так и подумала.

– Я видел его лицо, превратившееся в кровавое месиво, шею, стянутую струной. Наручники на запястье и татуировку на плече.

Машина погружалась все глубже, а потом... потом его глаза открылись...

Я вздрогнул, ясно представив себе все это. Отец говорил с трудом, ловя ртом воздух.

– Он посмотрел на меня. Прямо на меня. Из его глаз вытекала вода. Он открыл рот, и его язык оказался черным, как голова змеи. А потом он сказал: «Идем со мной...»

– Не думай об этом, – прервала его мама. – Просто закрой глаза и попытайся расслабиться.

– Я не могу расслабиться.

Я представил себе, как отец лежит, скрючившись, на кровати, а мама массирует его твердые, как железо, мышцы.

– Кошмар на этом не закончился, – продолжал он. – Тот человек в машине протянул руку и схватил меня за запястье. Ногти у него были синими. Его пальцы впились в мою кожу, и он сказал: «Идем со мной, вниз, во тьму». А машина... она стала погружаться все быстрее и быстрее; я попытался освободиться, но он не захотел меня отпустить и опять сказал: «Идем со мной, идем со мной, вниз, во тьму...» А потом озеро сомкнулось над моей головой, и я не смог выбраться наружу и открыл рот, чтобы закричать, но его заполнила вода. О боже, Ребекка! Боже правый!

– Это все не настоящее. Послушай меня! Это лишь страшный сон, но теперь все в порядке.

– Нет, – ответил отец. – Не все в порядке. Это гложет меня, и мне становится все хуже. Я думал, что смогу избавиться от этого кошмара. Я хочу сказать... Боже мой, я видел мертвецов и раньше. Совсем рядом. Но это... Это совершенно другое. Струна вокруг шеи, наручники на запястье, лицо, изуродованное до неузнаваемости... Это совершенно другое. Я не знаю даже, кем он был, вообще ничего о нем не знаю... но это гложет меня день и ночь...

– Это пройдет, – сказала мама. – Ты и сам так меня успокаивал, когда я боялась, что от лягушки будут бородавки. Да брось, говорил ты, пройдет...

– Может быть, и так. Я надеюсь, что с Божьей помощью это пройдет. Но сейчас этот ужас засел у меня в голове, и я никак не могу от него избавиться. А самое худшее, Ребекка: это подтачивает меня изнутри, гложет меня. Кто бы ни совершил убийство, он или они наверняка были местными. Тут не может быть сомнений. Тот, кто сделал это, отлично знал, насколько глубоко озеро Саксон. Он прекрасно понимал, что если автомобиль пойдет на дно, то навсегда исчезнет и тело жертвы. Ребекка... ведь это может быть один из тех людей, которым я развожу заказы, кто сидит в церкви на одной с нами скамье. Кто-то, у кого мы покупаем бакалейные товары или одежду. Некто, кого мы знаем всю жизнь... по крайней мере, *думали*, что знаем. Это пугает меня так, как ничто никогда не пугало. И знаешь почему? – Он немного помолчал, и я представил себе, как кровь пульсирует в его висках. – Потому что если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в безопасности нигде во всем мире.

На последнем слове его голос дрогнул. Я почувствовал облегчение, что меня нет в той комнате и я не могу видеть его лицо.

Прошли две или три минуты. Я думаю, отец просто лежал, давая матери возможность спокойно массировать ему спину.

– Теперь ты сможешь заснуть? – спросила мама.

И он ответил:

– Попробую...

Несколько раз скрипнули пружины. Я услышал, как мама шепчет что-то ему на ухо. Он ответил:

– Надеюсь, что так.

Потом они замолчали. Отец, бывало, храпел во сне, но не этой ночью. Я гадал, не лежит ли он с открытыми глазами, после того как мама отодвинулась от него, видит ли он все еще перед собой труп, который тянет к нему руки из машины, чтобы утащить вниз, во тьму. Сказанное отцом неотвязно преследовало меня: «Если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в безопасности нигде во всем мире». Рана, нанесенная отцу, оказалась

глубже, чем озеро Саксон. Может быть, причиной тому явилась внезапность происшедшего или его чудовищная холодная жестокость. А возможно, осознание, что за закрытыми дверями одного из самых спокойных и безобидных городков мира скрываются какие-то ужасные тайны.

Полагаю, мой отец всегда верил, что все люди в глубине души добрые и хорошие. Это происшествие разрушило основу его жизни, и мне пришло в голову, что убийца приковал моего отца к этому ужасному мгновению так же, как он приковал свою жертву наручниками к рулевому колесу. Я закрыл глаза и стал молиться за папу, чтобы он нашел дорогу из этого царства тьмы.

Март испустил дух, как жертвенный ягненок, однако работа убийцы оказалась еще не закончена.

Глава 3

Захватчик

Все утряслось и забылось, как обычно это случается.

В первый субботний вечер апреля, когда на деревьях уже начали набухать почки, а из теплой земли показались цветы, я сидел между Беном Сирсом и Джонни Уилсоном, окруженный орущими полчищами себе подобных, а Тарзан – Гордон Скотт, лучший Тарзан из всех существовавших, – вонзал нож в брюхо крокодилу, откуда била струей алая кровь.

– Ты видел? Нет, ты видел? – не переставая спрашивал Бен, толкая меня локтем в ребра.

Ну конечно, я все видел. У меня ведь были глаза, но я боялся, что мои ребра не выдержат столь интенсивный натиск до того, как начнется короткометражка «Три неудачника», обещанная в перерыве между двумя полнометражными игровыми фильмами, первый из которых был о Тарзане.

«Лирик» был единственным кинотеатром в Зефире. Его построили в 1945 году, сразу после Второй мировой войны, когда сыны Зефира, маршируя или ковыляя, возвращались домой и жаждали удовольствий, которые могли бы прогнать кошмары, порожденные свастикой и восходящим солнцем. Несколько преисполненных благородных намерений отцов города порылись в своих карманах и наняли инженера-строителя из Бирмингема. Он подготовил чертежи и разметил участок на пустом пространстве, где некогда располагались табачные склады. Меня, конечно, тогда еще не было на свете, но мистер Доллар мог красочно поведать эту историю любому. Вознесся дворец с ангелами лепной работы, и каждый субботний вечер мы, простые смертные мальчишки, протирали штаны, ерзая на стульях, уничтожали попкорн и сладости и оглашали

воздух воплями, давая нашим родителям возможность на время избавиться от нас и перевести дух.

В общем, два моих дружка и я собственной персоной в этот апрельский субботний день сидели в кино и смотрели Тарзана. Да, забыл объяснить, почему с нами не было Дэви Рэя: его тогда, кажется, посадили под домашний арест за то, что он попал в голову Молли Люджек огромной сосновой шишкой.

Это было время, когда запускали спутники, разбрызгивающие искры в околоземное пространство. На острове возле побережья Флориды, где залив был окрашен кровью свиней, тараторил что-то по-испански мужчина с бородой и сигарой. Лысый русский стучал башмаком по столу. Солдаты укладывали свои вещмешки, чтобы отправиться в джунгли под названием Вьетнам. Атомные бомбы взрывались в пустыне, выбрасывая куклы из гостиных покинутых домов. Нас тогда все это ничуть не заботило. Это не было волшебством. Подлинное волшебство происходило внутри «Лирика» на сеансах из двух полнометражных фильмов по субботним дням, и мы с радостью погружались в этот магический мир.

Я вспомнил телевизионный сериал «77 Сансет Стрип», в котором главный герой тоже ходил в кинотеатр под названием «Лирик», и задумался об этом слове. Я разыскал его в толстенном словаре с двумя тысячами четырьмястами восьмьюдесятью тремя страницами, подаренном мне дедушкой Джейбердом на десятилетие. Там говорится: «Лиричный» – мелодичный, пригодный для пения. Лирическое стихотворение. Образовано от слова «лира». Все это не слишком подходит для названия кинотеатра, и потому я отыскал в словаре слово «лира». «Лира» привела меня в эпоху, когда еще существовали замки и короли, во времена странствующих менестрелей, которые сочиняли и пели стихи-истории. Тогда мне пришлось обратиться к прекрасному слову «история». В раннем детстве мне казалось, что все способы передачи различной информации, будь то телевидение, кино или книги, начались с того, что кому-то захотелось рассказать какую-нибудь историю.

Потребность рассказать, подключиться к этой универсальной розетке – возможно, одно из величайших желаний в мире. А в потребности услышать историю, пожить, пусть даже недолго, жизнью другого человека, наверно, и состоит ключ к разгадке того волшебства, которое всем нам изначально присуще.

Лирик...

– Заколи его, Тарзан! Воткни ему нож! – кричал Бен, неустанно тыча меня локтем под ребра.

Бен Сирс был полным мальчиком с коротко подстриженными каштановыми волосами. Он имел высокий, как у девчонки, голос и носил очки в роговой оправе. Бен никогда как следует не заправлял рубашку в джинсы. Его неловкость доходила до того, что он мог случайно задушить себя шнурками от ботинок. У Бена был широкий подбородок и пухлые щеки, и он не имел шанса когда-нибудь стать похожим на Тарзана из девчоночьих снов, но он был моим другом.

В отличие от излишне упитанного Бена, Джонни Уилсон был худощав, спокоен и начитан. В его жилах текла толика индейской крови, о чем можно было догадаться, заглянув в его темные блестящие глаза. Под лучами летнего солнца кожа его становилась коричневой, как кедровый орех. Волосы у него были почти черными, зализанными назад, лишь небольшой чуб торчал, словно побег дикого лука. Его отец, работавший мастером на фабрике по производству гипсокартона между Зефиром и Юнионтауном, носил точно такую же прическу. Мать Джонни была библиотекарем в начальной школе Зефира, и, думаю, именно это определило его пристрастие к чтению. Джонни буквально пожирал энциклопедии, как другие дети ели сосиски и лимонные дольки. Нос его напоминал томагавк индейцев племени чероки, на правой брови в 1960 году появился маленький шрам в том месте, куда его ударил палкой кузен Филбо, когда мы все играли в войну. Джонни Уилсон мог спокойно выдерживать любые насмешки школьных остряков, называвших его «сыном скво» или «негритенком». Кроме того, он родился с деформированной стопой и вынужден был носить

специальный ботинок, из-за которого над ним смеялись в два раза сильнее. Он был стойком задолго до того, как я узнал значение этого слова.

Кино двигалось к своему завершению, как река в джунглях, текущая к морю. Тарзан победил злых браконьеров – охотников за слонами, возвратил звезду Соломона племени и исчез в лучах закатного солнца. Потом показали короткометражку «Три неудачника», в которой Мо вырывал волосы у Ларри целыми клоками, а Керли сидела в ванне, полной омаров. Мы классно провели время.

А потом, без всяких фанфар, начался второй полнометражный фильм.

Он оказался черно-белым, что вызвало гул недовольства в зале. Все уже оценили преимущества цветного кино. Потом на экране появилось название: «Захватчики с Марса». Фильм, похоже, был очень старым, начала пятидесятых.

– Я сметаюсь за попкорном, – объявил Бен. – Купить кому-нибудь что-то еще?

Мы отказались, и он в одиночку стал пробираться по проходу.

Титры закончились, начался фильм.

Бен возвратился с ведерком политого маслом попкорна как раз к тому моменту, когда герой фильма увидел в свой телескоп, направленный в грозное ночное небо, какой-то предмет, который оказался летающей тарелкой, приземлившейся позади его дома. Обычно по субботам толпа зрителей шумела и смеялась при отсутствии на экране погони или драки, но на этот раз вид спускающейся с небес зловещей тарелки заставил всех присутствовавших в зале затаить дыхание и замолчать.

Думаю, что в течение последующих полутора часов торговая палатка не получила никакой прибыли, хотя нашлись и ребята, которые поднялись с мест и бегом устремились на выход, к дневному свету. Мальчишка из фильма не смог никого убедить в том, что видел, как садится летающая тарелка, поэтому ему пришлось

наблюдать в телескоп, как одного из полицейских засосало в песчаном вихре, словно включили некий чудовищный таинственный пылесос. А потом этот же полицейский пришел в дом к мальчику, чтобы убедить его: мол, само собой разумеется, никакая тарелка нигде не приземлялась. Никто ведь этого не видел, кроме самого мальчика? Но полицейский вел себя... как-то странно. Словно он был роботом с мертвыми глазами на бледном лице. Сзади на его шее мальчик заметил жуткую иксообразную рану. Полицейский, который до прогулки по песчаному холму был весельчаком, теперь не улыбался. Он стал другим.

Иксообразные раны стали появляться и на затылках других людей. Но никто не верил мальчику, который пытался убедить своих родителей, что марсиане свили на Земле гнездо как раз позади их дома. В конце концов его родители вышли взглянуть на это своими глазами.

Бен совершенно забыл, что купил ведро попкорна. Джонни сидел, подтянув колени к груди. Я никак не мог как следует сделать вдох.

Какой ты еще глупенький мальчик, сказали герою фильма мрачные, не улыбочивые родители, вернувшись домой после прогулки. Там абсолютно нечего бояться. Все прекрасно, все замечательно. Пойдем с нами, сам отведешь нас туда, где, по твоим словам, приземлилась летающая тарелка. Ты увидишь, какой ты еще глупый мальчишка.

– Не ходи, – зашептал Бен. – Не ходи туда, не ходи!

Я слышал, как его ногти царапают подлокотники кресла.

Мальчик побежал. Прочь от дома, прочь от этих не улыбочивых чужаков. Куда бы мальчик ни обращал свой взор, он видел иксообразные раны. Даже у шефа полиции была такая рана на затылке. Люди, которых мальчик знал, внезапно изменились: они не хотели отпускать его, желая сдать с рук на руки родителям. Глупый, глупый мальчишка, говорили они ему. Марсиане высадились на Землю, чтобы покорить мир? Ну разве можно поверить в такое?

Весь этот ужас закончился, когда армия добралась до целой сети туннелей, вырытых марсианами под землей. Там марсиане прятали машину, с помощью которой они вырезали метку на затылке у людей, превращая их в существа, подобные себе самим. Вождь марсиан, голова которого напоминала стеклянную чашу со щупальцами, выглядел так, словно только что вывалился из канализационного отстойника. Мальчик и армия стали бороться против марсиан, которые с трудом передвигались по туннелям, словно преодолевая силу земного притяжения. В результате столкновения между машинами марсиан и армейскими танками Земля вот-вот могла потерять равновесие, но тут...

...мальчик проснулся.

Сон, сказал отец. Мама улыбнулась ему. Сон. Нечего бояться. Спи спокойно, увидимся утром.

Всего лишь плохой-плохой сон...

А потом мальчик поднялся в темноте, посмотрел в телескоп и увидел летающую тарелку, которая спускалась с предвещающего бурю ночного неба на песчаный холм позади его дома.

Конец?

Включили свет. Субботний день в кино закончился.

– Что с ними случилось? – спросил мистер Стелко, управляющий кинотеатром «Лирик», одного из билетеров, когда мы выходили из зала. – Почему они сидели так *тихо*?

Абсолютный ужас не имеет голоса.

Кое-как нам удалось оседлать свои велосипеды и начать крутить педали. Некоторые ребята отправились домой пешком, другие остались дожидаться своих родителей, которые должны были забрать их из кинотеатра. Всех нас объединило то, что нам только что довелось увидеть. Когда Бен, Джонни и я остановились у автозаправочной станции на Риджтон-стрит, чтобы подкачать переднюю шину на велосипеде Джонни, я заметил, что Бен искоса поглядывает на затылок мистера Уайта, на котором шелушилась обгоревшая на солнце кожа.

Мы расстались на углу Боннер и Хиллтоп-стрит. Джонни помчался домой, Бен давил на педали своего велика короткими толстыми ногами, а я боролся с ржавой цепью за каждый фут пути. Мой велик уже отбегал свои лучшие дни. Его купили на каком-то блошином рынке, он был старым уже тогда, когда попал ко мне. Я не раз просил, чтобы мне купили новый, но отец говорил в ответ, что мне придется обходиться тем, что есть, или жить вообще без всякого велосипеда. С деньгами у нас тогда было трудно: даже субботние походы в кино считались роскошью. Несколько позже я обнаружил, что лишь в субботу днем пружины в спальне моих родителей могли играть свои симфонии так, что мне не приходилось гадать, что же там происходит.

– Повеселился? – спросила мама, когда я вошел в дом, немного поиграв с Бунтарем.

– Да, мам, – ответил я. – Фильм про Тарзана был просто классный.

– А разве показывали не два фильма? – поинтересовался отец, который полулежал, задрал ноги на диван.

По телевизору шла показательная бейсбольная игра – сезон как раз начинался.

– Да, сэр. – Я прошмыгнул мимо них на кухню, чтобы разжиться там яблоком.

– И о чем же был второй фильм?

– Да так, ни о чем.

Родители умеют почувствовать неладное быстрее, чем голодный кот способен учуять мышь. Они позволили мне взять яблоко, помыть его под краном, вытереть, а потом принести его в гостиную. Они позволили мне погрузить зубы в яблочную мякоть, но потом отец оторвал взгляд от телевизора и спросил:

– Так что с тобой, сын?

Я захрустел яблоком. Мама села рядом с отцом, их глаза пристально изучали меня.

– Со мной? – переспросил я недоуменно.

– Каждую субботу тебя буквально разрывает на части от желания рассказать нам об увиденных фильмах. Тебя с трудом удается уговорить, чтобы ты не разыгрывал нам фильм сцена за сценой. Так что с тобой произошло сегодня?

– Э-э-э... Думаю, я... Ну, точно не знаю...

– Подойди сюда, – сказала мама.

Я повиновался, и она приложила руку мне ко лбу:

– Нет, температура нормальная. Кори, ты хорошо себя чувствуешь?

– Вполне.

– Итак, один фильм был про Тарзана, – стал выяснять отец с бульдожьим упрямством. – А о чем был второй фильм?

Я подумал, что могу, конечно, сообщить им название, но как объяснить, о чем *на самом деле* шла речь в том фильме? Как я мог им рассказать, что фильм, который я только что видел, разбудил во мне главный страх, живущий в глубине души каждого ребенка, который боится, что его родители в какое-то мгновение необратимого времени навсегда исчезнут, а вместо них появятся холодные, мрачные, никогда не улыбающиеся пришельцы?

– Это было кино о чудовищах, – признался я.

– Ага, тогда все понятно. – Внимание отца вновь переключилось на бейсбольный матч по телевизору. Слово пистолетный выстрел, щелкнула бита. – Эй! Беги же за ним, Микки! Беги!

Зазвонил телефон. Я поспешил снять трубку, пока предки не задали очередную порцию вопросов.

– Кори? Это миссис Сирс. Можно поговорить с твоей мамой?

– Минуточку. Мама! – позвал я. – Тебя к телефону!

Мама взяла трубку, а мне пришлось удалиться в ванную. От первой атаки отбилась, слава богу. Однако я не был уверен, что готов сидеть в ванной комнате наедине с воспоминаниями о марсианской голове со щупальцами.

– Ребекка? – сказала миссис Сирс. – Как дела?

– Все в порядке, Лизбет. Ты взяла лотерейные билеты?

– Конечно. Четыре, и надеюсь, что на этот раз среди них уж точно окажется один счастливый.

– Хорошо бы.

– Да, вот почему я тебе звоню... Бен недавно вернулся из кинотеатра. В общем, я хотела бы знать, как чувствует себя Кори.

– Кори? Он... – Мама чуть помедлила, но в уме наверняка анализировала мое странное поведение. – Он уверяет, что с ним все в порядке...

– Вот-вот. Бен говорит то же самое, однако ведет себя немного... Пожалуй, немного... беспокойно, что ли, если попытаться найти правильное слово. Обычно он донимает нас с Симом рассказами об увиденном в кино, но сегодня молчит как рыба. Он сейчас вышел на задний двор, сказал, что хотел бы кое в чем убедиться, но не желает признаваться, в чем именно.

– Кори сейчас в ванной, – сказала мама так, словно это обстоятельство ее тоже несколько озадачило. Чтобы я не смог слышать ее слова сквозь шум воды, она понизила голос. – Он ведет себя как-то странно. Думаешь, в кино с ними что-то случилось?

– Я думала об этом. Может быть, они поссорились?..

– Не исключено. Они дружат уже давно, но и между старыми друзьями иногда случаются ссоры.

– Например, как у меня с Эми Линн Макгроу. Мы шесть лет были близкими подругами, а потом целый год не разговаривали из-за потерянной пачки швейных иголок. Но я тут подумала: может быть, мальчикам надо собраться вместе? Если у них и вышел какой-то спор или ссора, то, наверно, следует все это обсудить.

– Пожалуй, это вполне разумно.

– Я собиралась спросить Бена, не хочет ли он, чтобы Кори переночевал у нас. Ты не будешь возражать?

– Нет, конечно, но сначала мне надо поговорить с Томом и Кори...

– Подожди минуточку, – неожиданно сказала миссис Сирс. – Идет Бен.

Мама услышала в трубке, как хлопнула дверь.

– Бен? Я говорю сейчас по телефону с мамой Кори. Ты не хочешь, чтобы Кори сегодня переночевал у нас?

Мама прислушалась, но не смогла разобрать, что ответил на это Бен, из-за шума воды в нашей ванной.

– Он говорит, что был бы рад этому, – сказала в трубку миссис Сирс.

Из ванной я вышел исполненный благих намерений.

– Кори, ты не хочешь переночевать у Бена?

Некоторое время я думал.

– Не знаю, – ответил я, но причину своих сомнений назвать не мог. В последний раз, когда я ночевал у Бена в феврале, мистер Сирс так и не появился дома до самого утра, а миссис Сирс разгуливала по всем комнатам, гадая, куда же он мог запропасться. Бен рассказал мне, что его отец, уезжая в рейс, часто задерживается допоздна, но просил никому об этом не говорить.

– Бен хочет, чтобы ты пришел к ним, – стала уговаривать меня мама, ошибочно истолковав мою нерешительность.

Я пожал плечами:

– Ладно. Пожалуй, можно.

– Пойди спроси у отца, не будет ли он против.

Пока я шел к двери гостиной, моя мама сказала миссис Сирс:

– Я знаю, как важна дружба. Если возникли какие-то проблемы, мы все обязательно уладим.

– Папа не возражает, – сказал я маме, вернувшись.

Когда отец смотрит по телевизору бейсбольный матч, он может согласиться на что угодно, например почистить зубы колючей проволокой вместо зубной нити.

– Лизбет? Он будет у вас. Часам к шести? Хорошо.

Она прикрыла трубку рукой и тихо сказала мне:

– У них на ужин будут жареные цыплята.

Я кивнул и попытался изобразить улыбку, но все мои мысли по-прежнему устремлялись в те темные туннели, где марсиане замыслили уничтожить человечество, город за городом.

– Ребекка? Как там насчет того происшествия? – спросила миссис Сирс. – Ты понимаешь, о чем я говорю...

– Иди, Кори, – велела мне мама, и я исполнил ее приказ, хотя отлично знал, какие важные вещи сейчас будут обсуждаться. – Да, да, – сказала мама, обращаясь уже к Лизбет Сирс. – Тому спится сейчас немного лучше, но ему по-прежнему снятся кошмары. Мне хотелось бы чем-то ему помочь, но, думаю, он сам должен с этим справиться.

– Слышала, что шериф забросил это дело.

– Прошло уже три недели, но расследование не дало никаких результатов. Джей-Ти в пятницу сказал Тому, что оповестит все округа нашего штата, а также Джорджию и Миссисипи, но так и не разобрался с этим делом. словно этот человек в автомобиле прилетел к нам с другой планеты...

– От этой мысли мороз идет по коже.

– И вот еще что, – сказала мама, тяжело вздохнув. – Том... изменился. Это волнует меня больше, чем всякие ночные кошмары, Лизбет. – Она повернулась в сторону кухонной кладовой и отошла к ней, насколько позволял провод, чтобы отец не услышал ее слов. –

Он стал тщательно следить за тем, чтобы все замки и двери были заперты, а раньше вообще не думал ни о каких запорах. До этого случая мы обычно не запирали двери, как и все в нашем городе. Теперь Том каждую ночь встает два-три раза и проверяет запоры. А на прошлой неделе он вернулся после рейса, и на его ботинках была красная глина, хотя в тот день никакого дождя не было. Я подозреваю, он снова ходил к озеру.

– Зачем?

– Не знаю. Прогуляться и подумать, возможно. Помню, когда мне было девять лет, у меня был кот с золотисто-желтой шерстью. Его раздавило грузовиком прямо перед нашим домом. Кровь Калико долго виднелась на мостовой. Это место меня притягивало. Я ненавидела это пятно, но постоянно подходила туда, чтобы увидеть, где погиб Калико. Мне всегда казалось, что я могла бы что-то

сделать, чтобы предотвратить его гибель. А может быть, до того случая я думала, что все на нашей земле живут вечно и не могут умереть. – Она помолчала немного, глядя на карандашные пометки на двери, которыми родители фиксировали мой неуклонный рост. – Думаю, у Тома много всего на душе накопилось...

Их разговор перескакивал с одной темы на другую, но главной из них по-прежнему оставалось происшествие на озере Саксон. Наблюдая вместе с отцом за бейсбольным матчем, я заметил, что он периодически сжимает и разжимает правую руку, словно пытается или схватить что-то, или освободиться от чьей-то хватки. Потом настало время уходить; взяв пижаму, зубную щетку, чистые носки и нижнее белье, я сунул все это в просторный армейский ранец. Отец велел мне быть осторожнее, а мама пожелала хорошенько повеселиться, но вернуться домой утром, чтобы не опоздать в воскресную школу. Я потрепал Бунтаря по загривку и швырнул ему палку, чтобы он за ней погнался, потом вскарабкался на велосипед и поехал прочь.

Бен жил недалеко, в какой-то полумиле от нашего дома, в глухом конце Дирман-стрит. На Дирман-стрит я ехал неторопливо, потому что на пересечении Дирман и Шентак-стрит стоял дом из серого камня, где жили пользовавшиеся дурной славой братья Брэнлин. Одному из них было тринадцать, а другому – четырнадцать, они красились под блондинов и приходили в восторг от разрушения. Братья частенько колесили по округе на одинаковых черных велосипедах, напоминая стервятников, кружащихся в воздухе в поисках свежего мяса. Я слышал однажды от Дэви Рэя Коллана, что Брэнлины на своих быстроходных черных велосипедах пытались тягаться с машинами в скорости. Кроме того, Дэви сам стал свидетелем, как однажды Гота Брэнлин, старший из братьев, вслух послал собственную мать в одно очень плохое место. Гота и Гордо были похожи на черную чуму: оставалось только надеяться, что они до вас не доберутся, потому что если они нападали – спасения не было.

До сих пор я был слишком незначительной фигурой, чтобы практиковаться на мне в подлости и коварстве. Я надеялся и в будущем держаться от них подальше.

Дом Бена во многом напоминал мой собственный. Коричневый пес моего друга по кличке Тампер лаем возвестил с веранды о моем прибытии. Бен вышел из дома, чтобы встретить меня, а миссис Сирс поздоровалась со мной и спросила, не хочу ли я выпить стаканчик рутбира, безалкогольного пива из корнеплодов. У нее были темные волосы, очень милое лицо и бедра величиной с арбузы. Мистер Сирс поднялся из столярной мастерской, расположенной в подвале, чтобы перекинуться со мной парой слов. Он был толстым, почти круглым мужчиной с румяным лицом, тяжелой челюстью и коротким ежиком волос. Мистер Сирс сиял кривоzubой ухмылкой и производил впечатление довольного собой человека. За его полосатую рубашку цеплялись стружки. Он рассказал мне анекдот о баптистском проповеднике и уборной во дворе, юмор которого я до конца не понял, но сам мистер Сирс рассмеялся и пытался намеками объяснить суть анекдота, пока Бен не сказал: «Ну, папа!» – словно он слышал эту глупую шутку уже дюжину раз.

Я распаковал свой ранец в комнате Бена, где хранилась отличная коллекция открыток на бейсбольную тематику, бутылочных крышек и осиных гнезд. Когда я управился со своим ранцем, Бен уселся на постельное покрывало с изображением Супермена.

– Ты рассказал предкам о фильме?

– Нет, а ты?

– Ну... – Он выдернул из лица Супермена торчавшую ниточку. – А почему ты не рассказал?

– Не знаю. А *ты* почему не рассказал?

Бен пожал плечами. Видно было, что в голове у него крутятся разные мысли.

– Наверное, – ответил он, – что слишком ужасно, чтобы рассказывать...

– Да-а...

– Я даже выходил на задний двор нашего дома, – продолжал Бен. – Песка там нет. Только камень, сплошной камень...

Мы оба сошлись на том, что марсианам, если они вдруг к нам заявятся, придется нелегко, когда они начнут сверлить туннели в скальной породе холмов, на которых стоит Зефир. Потом Бен открыл картонную коробку, где у него хранилась коллекция вкладышей от жвачек, и показал мне серию о Гражданской войне, с кровавыми картинками, изображающими застреленных, проколотых штыками и разорванных пушечными ядрами солдат. Мы стали придумывать свои истории по каждой картинке, а потом мама Бена позвонила в колокольчик, оповещая всех, что настало время жареных цыплят.

После ужина и великолепного пирога, испеченного миссис Сирс, который запивали холодным молоком с фермы «Зеленые луга», мы стали играть в скребл. Родители Бена были в игре партнерами, и мистер Сирс время от времени пытался использовать слова собственного сочинения, которые и в словаре не найдешь. Миссис Сирс сказала, что он такой же ненормальный, как чесоточная мартышка, но при этом лишь по-доброму усмехалась, слыша его забавные словечки, как, впрочем, и я.

– Кори, – обратился ко мне мистер Сирс, – а ты слышал историю о трех священниках, которые захотели попасть на небеса?

Прежде чем я успел ответить отрицательно, он уже принялся рассказывать очередную хохму. Казалось, ему нравилось рассказывать анекдоты о священниках. Мне вдруг стало интересно, что подумал бы об этих анекдотах его преподобие отец Ловой из методистской церкви.

Шел уже девятый час, и мы начали вторую партию в скребл, как вдруг Тампер на веранде залаял, а спустя несколько секунд раздался стук в дверь.

– Я открою, – сказал мистер Сирс.

Он отворил дверь жилистому мужчине с грубым морщинистым лицом, в джинсах и рубашке в красную клеточку.

– Здорово, Донни, – приветствовал его мистер Сирс. – Ну, заходи, заходи, дружище!

Миссис Сирс пристально посмотрела на мужа и на мужчину, которого звали Донни. Я заметил, как напряглось ее лицо.

Донни вполголоса сказал что-то мистеру Сирсу, и тот обратился ко всем нам:

– Мы с Донни немножко посидим на веранде и поговорим, а вы можете продолжать игру.

– Но, дорогой! – Миссис Сирс изобразила на лице кривую улыбку. – Мне ведь нужен напарник!

Сетчатая дверь за его спиной закрылась.

Миссис Сирс долго сидела, глядя на закрытую дверь. Улыбка сползла с ее лица.

– Мамочка, – сказал Бен, – твоя очередь.

– Хорошо.

Она попыталась сосредоточиться на игре. Было видно, что она изо всех сил старается это сделать, но взгляд ее снова и снова возвращался к двери. Там, снаружи, на веранде, сидели на раскладных стульях мистер Сирс и мужчина по имени Донни. Разговор у них, по-видимому, шел обстоятельный и серьезный.

– Хорошо, – повторила мама Бена. – Теперь дайте мне минуточку подумать.

Прошло уже больше минуты. В некотором отдалении залаяла собака, потом еще две. Вот и Тампер вступил в общий хор. Миссис Сирс все еще пребывала в глубоком раздумье, когда дверь вдруг настежь распахнулась.

– Эй, Лизбет! Бен! Выходите быстрее!

– Что такое, Сим? Что...

– Да просто выйдите сюда! – проревел он.

Конечно, мы все выскочили из-за стола, чтобы посмотреть, в чем дело.

Донни стоял во дворе, глядя на запад. Соседские собаки исходили неистовым лаем. В окнах домов зажигались огни, люди выходили

посмотреть, из-за чего такой переполох. Мистер Сирс указал туда, куда смотрел Донни:

– Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

Я поднял глаза к небу. То же самое сделал и Бен, и я услышал, как он чуть не задохнулся, будто ему крепко дали под дых.

С ночного неба, словно сойдя со звездного полога над нашими головами, спускался сияющий, докрасна раскаленный предмет, озаряя темноту багровыми огненными стрелами, а за ним тянулся дымный след.

В это мгновение сердце мое чуть не разорвалось. Бен сделал шаг назад и наверняка упал бы, если бы не натолкнулся на бедро матери. Своим бешено стучащим сердцем я чувствовал, что сейчас по всему Зефиру дети, которые сегодня днем были на сеансе в кинотеатре «Лирик», точно так же задирают голову и смотрят на небо, и их охватывает панический ужас.

Я чуть было не намочил штаны. Каким-то образом мне удалось сдерживаться, но угроза еще не миновала.

Бен зарыдал. Он издавал невнятные звуки и хрипел сквозь слезы:

– Это... это... это!..

– Комета! – закричал мистер Сирс. – Смотрите, как она падает!

Донни хмыкнул и сунул зубочистку в угол рта. Я взглянул на него и в свете ламп на веранде увидел его грязные ногти.

Комета падала по длинной неторопливой спирали, оставляя за собой ленты искр. Она двигалась совершенно бесшумно, но люди кричали друг другу, призывая смотреть на небо, а собаки подняли такой вой, что от этих звуков дрожал позвоночник.

– Упадет где-то между нами и Юнионтауном, – предположил Донни. Его голова склонилась набок, лицо хранило угрюмое выражение, а темные волосы глянцево блестели от бриллиантина. – Падает-то как, сукин сын!

Между Зефиром и Юнионтауном простирались восемь миль холмов, лесов и болот, через которые текла река Текумсе. «Это все станет территорией марсиан, если произойдет вторжение», –

подумал я и почувствовал, что мои мозги гудят, словно сработала пожарная сигнализация. Я взглянул на Бена: его глаза, казалось, вылезали из орбит от распиравшего его изнутри страха. Единственное, о чем я мог думать, глядя на огненный шар в небе, – о голове в виде стеклянной чаши со щупальцами и безмятежно-порочным лицом, слегка похожим на азиатское. Я едва мог стоять – настолько ослабели ноги.

– Эй, Сим? – Донни говорил низким и тягучим голосом, к тому же продолжал жевать зубочистку. – Как насчет того, чтобы отыскать эту хреновину? – Он повернулся к мистеру Сирсу. Нос Донни выглядел плоским, словно его когда-то расплющили огромным кулаком. – Что скажешь на это, Сим?

– Ага! – ответил он. – Отлично, поохотимся за ней! Найдем место, где она свалится!

– Нет, Сим! – воскликнула миссис Сирс. В ее голосе ощутимо слышалась мольба. – Остайся сегодня со мной и с мальчиками!

– Это же комета, Лизбет! – объяснил он, ухмыльнувшись. – Часто ли тебе приходилось охотиться за кометами?

– Пожалуйста, Сим! – Она схватила его за предплечье. – Остайся с нами. Хорошо?

Я видел, как сжались ее пальцы.

– Она вот-вот опустится на землю. – Донни продолжал жевать зубочистку, отчего на его щеках двигались желваки. – Мы теряем время...

– Да! Медлить больше нельзя, Лизбет! – Мистер Сирс убрал ее руку. – Я только возьму куртку!

Он взбежал по ступенькам, затем через веранду в дом. Не успела дверь захлопнуться, как Бен побежал вслед за отцом.

Мистер Сирс направился в спальню, которую они делили с женой. Открыв шкаф, он взял коричневую поплиновую куртку и надел ее. Потом дотянулся до самой верхней полки в шкафу и стал искать что-то на ощупь под красным одеялом. Когда мистер Сирс вытащил оттуда руку, Бен вошел в комнату и успел заметить блеск металла.

Бен прекрасно понял, что это такое. Он знал, *для чего* это предназначалось.

– Папа! – позвал он. – Пожалуйста, останься дома.

– Эх, парень! – Отец обернулся к нему и усмехнулся, засовывая металлический предмет в карман и застегивая куртку на молнию. – Я собираюсь вместе с мистером Блэйлоком посмотреть, куда упадет эта комета. Я скоро вернусь.

Бен встал в дверном проходе, отгородив отца от внешнего мира. Мальчик смотрел на него мокрыми и испуганными глазами:

– Могу я пойти вместе с тобой?

– Нет, Бен. Не в этот раз. Мне надо спешить...

– Разреши мне пойти с тобой, папа. Ладно? Я не буду мешать. Хорошо?

– Нет, сынок. – Мистер Сирс опустил руку на плечо Бена. – Ты должен остаться здесь вместе с мамой и Кори. – И хотя Бен продолжал упорствовать, загораживая ему дорогу, отец отодвинул его в сторону. – Ну, будь же хорошим мальчиком.

Бен сделал еще одну попытку задержать отца. Он схватил его за пальцы и попытался остановить.

– Не ходи, папочка! – закричал он. – Не ходи! Ну пожалуйста, не ходи!

– Бен, не веди себя как малое дитя. Дай мне пройти, сынок...

– Нет, – настаивал на своем Бен. По его пухлым щекам текли слезы. – Не дам...

– Я только посмотрю, где упадет комета. Я отлучусь ненадолго.

– Если ты уйдешь... если ты сейчас уйдешь, – горло Бена сдавило от волнения, поэтому он с трудом выдавливал из себя слова, – то вернешься *измененным*...

– Идем же, Сим! – закричал с веранды Донни Блэйлок.

– Послушай, Бен, – строго сказал мистер Сирс. – Я иду с мистером Блэйлоком. Веди себя как мужчина.

Он высвободил свои пальцы. Бен так и стоял, глядя на отца с отчаянием и страхом на лице. Тот провел рукой по стриженным

волосам сына:

– Я принесу тебе от нее кусочек, хорошо, тигренок?

– Не ходи, – выдавил из себя рыдающий «тигр».

Отец повернулся к нему спиной и направился к двери, за которой его ждал Донни Блэйлок. Я по-прежнему стоял вместе с миссис Сирс во дворе и наблюдал за последними секундами полета огненного шара.

Миссис Сирс сказала:

– Сим? Не делай этого.

Однако голос ее оказался таким слабым, что его попросту не заметили. Мистер Сирс ничего не сказал жене, а направился вслед за своим приятелем к темно-синему «шевроле», припаркованному у обочины. С антенны свисала какая-то красная поролоновая пластина, а вся правая задняя часть машины была сильно помята. Донни Блэйлок проскользнул за руль, а мистер Сирс разместился рядом с ним. «Шевроле» завелся со звуком, похожим на пушечный выстрел, выпустив при этом густой черный выхлоп. Когда машина тронулась с места, я услышал смех мистера Сирса, – наверно, он только что рассказал очередной анекдот про священников. Донни Блэйлок, похоже, всюду давил на газ: шины отчаянно визжали, когда машина пронеслась по Дирман-стрит.

Потом я снова взглянул на запад и увидел, как пылающий предмет исчез где-то за лесистыми холмами. Его сияние пульсировало в темноте, словно ритмично сокращавшееся сердце. Комета упала на землю в каком-то диком и глухом месте. Песка в окрестностях не было и в помине. Я подумал, что марсианам предстоит тяжелая работенка – продраться через толщу глины и заросли трав.

Я услышал, как хлопнула дверь. Повернувшись, я увидел Бена, стоящего на веранде. Он вытер глаза тыльной стороной ладони и уставился на Дирман-стрит, словно мог проследить за движением «шевроле», но к тому времени машина уже свернула направо, на Шентак-стрит, и исчезла из виду.

Где-то вдалеке, возможно в Брутоне, продолжали лаять собаки. Миссис Сирс испустила слабый продолжительный вздох, а потом обернулась к нам с Беном.

– Пойдемте в дом, – проговорила она.

Глаза Бена были все еще опухшими от слез, но он уже не плакал. Казалось, у всех пропало желание заканчивать партию в скребл. Миссис Сирс снова обратилась к нам:

– Почему бы вам не поиграть в твоей комнате, Бен?

Он задумчиво кивнул. Глаза его остекленели, словно он только что получил сильный удар по голове. Миссис Сирс прошла на кухню и включила воду.

В комнате Бена я уселся прямо на пол и стал разглядывать вкладыши с картинками о Гражданской войне. Бен застыл у окна.

Я знал, что он страдает. Прежде я никогда не видел его таким, и мне следовало его успокоить.

– Не волнуйся, – сказал я Бену. – Это не марсиане. Просто метеорит, вот и все.

Он не ответил.

– Метеорит – это всего лишь большой раскаленный камень, – продолжал я. – Внутри у него нет никаких марсиан.

Бен хранил молчание. Его все еще одолевали тяжкие мысли.

– С твоим отцом все будет в порядке, – продолжал я успокаивать Бена.

Бен заговорил. В голосе его звучало какое-то жуткое спокойствие.

– Он вернется измененным.

– Нет. Слушай... это ведь всего лишь кино. Выдумка, и не более того. – Я подумал, что говорю так, потому что и сам пытаюсь избавиться от чего-то в своей душе, и это казалось одновременно болезненным и приятным. – Слушай, ведь на самом деле не бывает такой машины, которая вырезала бы знаки на затылке у людей, нет и никакой огромной марсианской головы в виде стеклянной чаши. Все это выдумка тех, кто снимал фильм. Не нужно этого бояться. Понимаешь?

– Он вернется измененным, – упрямо повторил Бен.

Я всячески пытался убедить его в своей правоте, но ничто из сказанного мною не могло заставить его поверить мне.

Миссис Сирс вошла в комнату, ее глаза тоже казались опухшими, как и у Бена. Однако ей удалось изобразить на лице бодрую улыбку, которая бритвой резанула по моему сердцу.

– Кори, – обратилась она ко мне, – не хочешь ли ты первым принять ванну?

Мистер Сирс так и не появился дома к десяти часам, когда его жена выключила свет в комнате Бена. Я лежал рядом с Беном под хрустящей белоснежной простыней и прислушивался к звукам ночи. Собаки то тут, то там еще перегавкивались время от времени, и всякий раз Тампер отзывался на это ворчанием.

– Бен, – прошептал я. – Ты не спишь?

Он ничего не ответил, но по его дыханию я понял, что он не спал.

– Не волнуйся, – сказал я. – Ладно?

Он перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку.

Наконец меня понесло по волнам сна. Удивительно, но мой сон не был связан ни с марсианами, ни с иксообразными ранами на затылках. Во сне мой отец плыл к тонущему автомобилю, и когда его голова погрузилась под воду, она уже больше не всплыла на поверхность. Я стоял на красном утесе и звал его, пока Лэйни не подошла ко мне, словно белый туман, и не взяла мою руку своей влажной ладонью. И когда она повела меня прочь от озера, я услышал, как где-то вдали меня звала мама, а на лесной опушке стояла фигура в длинном пальто, полы которого развевались на ветру.

Меня разбудил резкий толчок.

Я открыл глаза, мое сердце бешено колотилось. Что-то разбилось, и звук этот застрял в моей голове. Огни еще не горели, по-прежнему царствовала ночь. Я протянул руку и дотронулся до Бена. Он резко втянул воздух, словно мое прикосновение до смерти напугало его. Я

услышал гудение двигателя, выглянул в окно на Дирман-стрит и увидел задние огни отъезжающего «шевроле» Донни Блэйлока.

Дверь на веранду, догадался я. Меня разбудил стук сетчатой двери.

– Бен! – позвал я хриплым со сна голосом. – Твой папа пришел домой!

Что-то грохнуло у входной двери. Мне показалось, что весь дом задрожал.

– Сим? – Это был пронзительный голос миссис Сирс. – Сим?

Я выскользнул из кровати, но Бен по-прежнему лежал. Думаю, он просто смотрел в потолок. Я прошел в темноте по коридору, доски пола скрипели под моими ногами. В темноте я наткнулся на миссис Сирс, которая стояла как раз там, где коридор выходил в гостиную. Света нигде не было.

Я услышал ужасное хриплое дыхание.

Именно такой звук, подумал я, могли бы издавать марсиане, если бы их инопланетные легкие втягивали земной воздух.

– Сим? – спросила миссис Сирс. – Я здесь...

– Здесь? – ответил хриловатый голос. – Здесь... мать твою... прямо здесь...

Это был голос мистера Сирса, но он несколько отличался от его обычного голоса. Он был какой-то измененный. В нем не чувствовалось ни юмора, ни веселья, как бывало, когда он рассказывал свои любимые анекдоты про священников. Сейчас он был тяжелым, как рок, и столь же страшным.

– Сим, сейчас я включу свет...

Щелк.

И вот он показался из темноты.

Мистер Сирс стоял на полу на четвереньках, склонив голову так, что одна его щека прижималась к ковру. Его лицо казалось обрюзгим и мокрым, глаза провалились куда-то в мясистые складки. Правое плечо на куртке было запачкано землей, грязь

виднелась и на джинсах, словно он много раз падал в лесу. Он щурился от света, серебристая нитка слюны свисала с нижней губы.

– Где она? – спросил он. – Ты ее видишь?

– Она... возле твоей правой руки...

Он пошарил левой рукой по полу:

– Проклятая лгунья!

– У другой руки, Сим, – устало сказала миссис Сирс.

Его правая рука двинулась в сторону лежавшего рядом металлического предмета. Это оказалась фляга с виски, которую он нащупал и пододвинул к себе поближе.

Мистер Сирс поднялся на колени и посмотрел на жену. Лицо его приобрело свирепое выражение, став на мгновение даже уродливым.

– Только не надо меня поучать, – сказал он. – Не смей открывать этот дерзкий губастый рот.

Я отступил назад, в коридор. Передо мной предстал монстр, выползающий из своей прежней кожи.

Мистер Сирс попытался подняться на ноги. Он схватился за стол, на котором все еще лежали кубики для игры в скребл, и они рассыпались по полу, образовав мешанину гласных и согласных. Потом ему все-таки удалось встать, и он кое-как отвинтил колпачок фляги и приложился к горлышку.

– Ступай в кровать, Сим, – сказала миссис Сирс. Она сказала это достаточно мягко, словно знала наперед, что за этим последует.

– Ступай в кровать! – грубо передразнил он. – Ступай в кровать! – Его губы скривились. – Я не хочу в кровать, ты, толстозадая корова!

Миссис Сирс задрожала, словно ее хлестнули кнутом, и закрыла рукой рот.

– О... Сим, – душераздирающе простонала она.

Я еще немного отступил назад. А потом мимо меня прошел Бен, в желтой пижаме. Лицо его было лишено всякого выражения, но на щеках блестели засохшие струйки слез.

Есть вещи похуже, чем фильмы о чудовищах. Это когда ужасы сходят с экрана или со страниц книг и являются к тебе в дом, все переворачивая вверх дном, искажая злобной гримасой лицо любимого человека. Я был уверен, что в тот момент Бен скорее был бы рад взглянуть на марсианина с головой в виде стеклянной чаши, протягивающего к нему щупальца, чем смотреть в покрасневшие от пьянства глаза отца.

– А-а, Бенни, мальчик! – сказал мистер Сирс. Он пошатнулся и схватился за спинку стула. – Ха, ты знаешь, что с тобой произошло? Знаешь что? Твоя лучшая часть так и осталась в том рваном презервативе, вот что случилось!

Бен замер рядом с матерью. Какие бы чувства ни терзали его, на лице они никак не отражались. Он наверняка предвидел, что именно это и должно случиться, догадался я. Бен отлично знал, что, если его отец отправляется куда-нибудь с Донни Блэйлоком, он всегда приходит домой измененным, но отнюдь не марсианами, а каким-нибудь самодельным пойлом.

– Вы оба классно смотрите. Только взгляните на себя. – Мистер Сирс сделал попытку завинтить колпачок фляги, но ему не удалось даже приложить его к нужному месту. – Стоите там, открыв ваши наглые рты. И ты находишь это забавным, мой мальчик?

– Нет, сэр.

– Да, ты находишь это забавным! Ждешь не дождешься, когда можно будет посмеяться надо мной и рассказать всем, разве не так? А где этот мальчишка Маккенсонов? Эй! – Он заметил, что я стою в коридоре, и меня всего передернуло. – Можешь сказать этому проклятому молочнику, своему отцу, пусть отправляется напрямиком в ад, к чертям собачьим. Слышишь меня?

Я кивнул, и он больше ко мне не приставал. На самом деле все это говорил вовсе не мистер Сирс, а некто грубый и кровожадный внутри его, выпускаемый на волю содержимым его фляги, давивший и мучивший его душу до тех пор, пока ее голос не начинал молить об освобождении.

– Что ты там сказала? – Он пристально посмотрел на миссис Сирс, его веки набухли и отяжелели. – Что ты сказала?

– Я... я ничего не говорила.

Он бросился на нее, как разъяренный бык. Миссис Сирс закричала и попятилась, но он схватил ее одной рукой за ворот халата, отведя другую руку, с флягой, назад, словно собирался ударить ее по лицу.

– Нет, *сказала!* – закричал он. – И не смей мне перечить!

– Папочка, нет! – взмолился Бен и, обхватив обеими руками отца за пояс, повис на нем.

Так все и застыло, словно в остановившемся кадре: мистер Сирс вот-вот ударит свою жену, я, потрясенный, стою в коридоре, Бен держит отца за ноги.

Губы миссис Сирс задрожали. Она заговорила, словно не замечая флягу, готовую обрушиться на ее голову:

– Я... сказала... что мы оба любим тебя и... хотим, чтобы ты был счастлив. Вот и все. – Стоявшие в ее глазах слезы тонкими струйками потекли по щекам. – Просто счастлив.

Он ничего не сказал. Глаза его закрылись, а потом он с явным усилием открыл их.

– Счастлив, – прошептал он.

Теперь зарыдал Бен, уткнувшись лицом в бедро отца. Костяшки пальцев мальчика побелели от напряжения. Мистер Сирс опустил флягу и разжал руку, сжимавшую халат жены.

– Счастлив, – повторил он. – Вот видишь, я счастлив. Посмотри, как я улыбаюсь...

Лицо его при этом не изменилось.

Он стоял, тяжело и прерывисто дыша, рука с зажатой в ней флягой бессильно повисла. Сначала он повернулся в одну сторону, потом в другую, но, казалось, так и не смог решить, куда направиться.

– Почему бы тебе не сесть, Сим? – спросила миссис Сирс. Она хлюпнула носом, вытерла его носовым платком. – Хочешь, я помогу тебе?

– Да... Помоги, – кивнул он.

Бен отпустил его, а миссис Сирс повела мужа к стулу. Мистер Сирс бессильно плюхнулся на него, похожий на огромный ворох грязного белья. Он уставился на противоположную стену, рот его приоткрылся. Она пододвинула другой стул и села рядом с мужем. Возникло ощущение, что в комнате только что прошла гроза. Буря могла еще вернуться в какую-то другую ночь, но сейчас она ушла.

– Мне кажется... – Он остановился, словно забыл, что хотел сказать, и несколько раз моргнул, отыскивая нужные слова. – Мне кажется, я веду себя не очень хорошо, – наконец проговорил он.

Миссис Сирс осторожно положила его голову себе на плечо. Он крепко зажмурил глаза, грудь его приподнялась, и он заплакал. Я вышел из дома прямо в холодную ночь в одной пижаме, потому что считал неправильным оставаться там и становиться свидетелем их боли, ощущая себя чужаком.

Я уселся на ступеньках веранды. Тампер пристроился рядом, а потом лизнул мою руку. У меня возникло ощущение, что я очень далеко от дома.

Бен все знал заранее. Ему наверняка понадобилось немалое мужество, чтобы обманывать меня, притворяясь спящим. Он знал это, когда далеко за полночь хлопнула входная дверь и захватчик в обличье его отца вошел в дом. Наверно, это знание и мучительное ожидание заставляли Бена невыносимо страдать.

Через некоторое время Бен тоже вышел на крыльцо и уселся рядом со мной на ступеньках. Он спросил, все ли у меня в порядке, и я ответил, что да. Я спросил его, все ли в порядке у него, и он ответил утвердительно. Я поверил ему. Он научился жить с этим, и хотя это было ужасно, он справлялся как мог.

– У папы бывают такие периоды, – объяснил Бен. – Иногда он говорит очень плохие вещи, но ничего не может с собой поделать.

Я кивнул.

– Когда он говорил о твоём отце, он так не думал. Ты не должен ненавидеть его, слышишь?

– Я не виню его.

– Ты ведь не ненавидишь меня?

– Нет, – ответил я ему. – Я никого не ненавижу.

– Ты и правда хороший друг, – сказал Бен и обнял меня.

Вышла миссис Сирс, она принесла нам красное шерстяное одеяло. Мы сидели и смотрели, как на небе медленно двигались своим путем звезды, слушали щебетание птиц, предвестников утра.

За завтраком у нас была горячая овсянка и булочки с черникой. Миссис Сирс сказала, что мистер Сирс еще спит и, вероятно, проспит большую часть дня. И спросила меня, не смогу ли я попросить маму позвонить ей, чтобы обо всем поговорить. Одевшись и упаковав в ранец свои вещи, я поблагодарил миссис Сирс за радушный прием, а Бен сказал, что завтра встретится со мной в школе. Он проводил меня до велосипеда, и мы поболтали немного о нашей бейсбольной команде младшей лиги, которой вскоре предстояло участвовать в соревнованиях, как всегда происходило в это время года.

Никогда больше мы не вспоминали в разговорах между собой тот фильм о марсианах, замышлявших покорить Землю город за городом, семью за семьей. Ведь мы оба уже сталкивались с захватчиком лицом к лицу.

Было воскресное утро. Я ехал домой, а когда оглядывался на тупик в конце Дирман-стрит, видел, что мой друг все еще стоит там и машет мне рукой.

Глава 4

Осы на Пасху

Как выяснилось, при падении из космического пространства метеорит должен был сгореть почти без остатка. Там, куда он упал, сосны занялись огнем, но к вечеру в воскресенье пошел дождь, и огонь быстро погас. В понедельник утром, когда в школе прозвенел звонок, все еще шел дождь, который не прекращался в течение всего этого серого дня. В следующее воскресенье ожидалась Пасха. Мама высказала надежду, что дождь, вопреки прогнозу синоптиков, не испортит праздничного пасхального шествия, которое обычно устраивалось на Мерчантс-стрит.

Рано утром в пятницу Страстной недели, часов в шесть, в Зефире обычно происходил парад несколько иного свойства. Он начинался в Брутоне возле маленького каркасного дома, выкрашенного в пурпурный и во всевозможные оттенки оранжевого, красного и золотистого цвета. От этого дома отправлялась в путь процессия, состоявшая из негров-мужчин в черных костюмах и белых рубашках с галстуками, сопровождаемая женщинами и детьми в темной одежде, которые шли в хвосте колонны. Двое мужчин несли барабаны и отбивали на них медленный равномерный ритм в такт своим шагам. В полном молчании процессия, перейдя через железнодорожные пути, направлялась к центру города по Мерчантс-стрит. С тех пор как это стало регулярным событием в Страстную пятницу, многие белые жители Зефира выходили на улицу, чтобы постоять на тротуаре и понаблюдать за происходящим. Моя мама входила в число таких любопытствующих, а папа, как правило, в это время уже находился на работе. Я обычно присоединялся к маме, потому что меня, как и всех остальных, захватывало происходящее.

Трое негров, возглавлявшие процессию, несли в руках дерюжные мешки. Вокруг их шей, свисая поверх галстуков, болтались ожерелья

из янтарных бусин, куриных костей и раковин речных моллюсков. На этот раз в Страстную пятницу моросил противный дождь, однако участники негритянского парада шли по мокрым улицам без зонтиков. Они шествовали молча, не отвечая людям, стоявшим на тротуарах и имевшим смелость заговорить с ними. Посреди процессии я увидел мистера Лайтфута. Хотя он знал в нашем городе всех белых, мистер Лайтфут не смотрел ни вправо, ни влево; он глядел строго в затылок мужчины, шедшего перед ним. Маркус Лайтфут, внесший неоценимый вклад в дело сближения общин Брутона и Зефира, был мастером на все руки: он мог починить любую вещь, изобретенную человеком, – правда, работал очень медленно. Я узнал мистера Денниса, сторожа начальной школы. Увидел миссис Вельвадайн, что работала на кухне при нашей церкви, и узнал миссис Перл из пекарни на Мерчантс-стрит, обычно смешливую и веселую. Впрочем, сегодня она являла собой воплощение серьезности и строгости, ее голову прикрывала от дождя прозрачная шапочка.

В самом хвосте процессии, позади женщин и детей, шел высокий худой мужчина, одетый в смокинг и цилиндр. Он нес маленький барабан и рукой в черной перчатке бил в него, задавая ритм всей процессии. Именно для того, чтобы посмотреть на этого мужчину и его жену, многие и вышли из дома в это прохладное, дождливое утро. Его жена должна была появиться позднее. А пока он шел один с потупленным взором.

Мы называли его Человек-Луна, а настоящего имени не знал никто. Он был очень стар, но насколько стар, никто сказать не мог. Этого человека и его жену очень редко можно было увидеть за пределами Брутона, разве что на этой церемонии. То ли он имел врожденное уродство, то ли какая-то кожная болезнь сделала бледно-желтой половину его вытянутого узкого лица, тогда как другая половина оставалась черной как смоль. Обе половины сходились на лбу, переносице и подбородке, заросшем седой бородой, создавая контраст разноцветных пятен. Человек-Луна,

человек-загадка, носил по паре часов на каждом запястье, а на его шее висело на цепочке позолоченное распятие размером с приличный окорок. Мы полагали, что он был официальным распорядителем шествия и одновременно кем-то вроде королевской персоны.

Процессия шаг за шагом продвигалась через Зефир к мосту с горгульями через реку Текумсе. Длилось шествие достаточно долго, но ради такого зрелища можно было и опоздать в школу, так что в Страстную пятницу уроки обычно начинались не раньше десяти.

Трое негров с дерюжными мешками дошли до середины моста и застыли там, неподвижные, словно черные статуи. Остальная часть процессии подошла к ним почти вплотную, но так, чтобы не перегораживать проезд через мост, хотя шериф Эмори и выставил вдоль всего хода шествия кóзлы для пилки дров с мигающими огнями.

В этот момент по Мерчантс-стрит из Брутона, по тому же маршруту, что и процессия, медленно проехал «понтиак-бонневиль», украшенный от капота до багажника мерцающим горным хрусталем. Когда «понтиак» достиг середины моста с горгульями, из машины вышел водитель и отворил заднюю дверцу, а Человек-Луна подал руку своей супруге, помогая выбраться из машины.

Прибыла Леди.

Выглядела она худой, словно тень, и почти такой же черной. У нее были роскошные пушистые седые волосы, по-королевски длинная шея, хрупкие, но прямые плечи, морщинистые руки. На ней не было нарядов диковинного цвета и фасона – лишь простое черное платье с серебристым поясом, на ногах белые туфли, а на голове белая шляпка с вуалью, без полей и с плоским донышком. Белые перчатки доходили почти до худых локтей. Когда Человек-Луна помог ей выйти из машины, шофер раскрыл зонтик и поднял над ее царственной головой.

Говорили, что Леди исполнилось сто шесть лет, значит родилась она в 1858 году. Моя мама говорила, что Леди когда-то была

рабыней в Луизиане, а перед началом Гражданской войны вместе со своей матерью бежала в болота. Она выросла в колонии для прокаженных, беглых преступников и рабов в дельте Миссисипи под Новым Орлеаном и там же получила все образование, которое имела.

Леди была королевой, и королевством ее являлся Брутон. Насколько мне было известно, никто за пределами Брутона, как и внутри его, не знал ее под другим именем, кроме «Леди». Оно шло ей, а сама она представляла собой воплощение элегантности.

Кто-то вручил Леди колокольчик. Она взглянула вниз, на неторопливо текущую бурую речку, и стала медленно раскачивать колокольчик из стороны в сторону.

Я знал, что она делала. Моя мама тоже знала. Все, кто наблюдал за этим зрелищем, знали.

Леди вызывала чудовище, обитающее на илистом дне реки.

К тому времени я ни разу не видел это чудовище, которое называли Старым Мозесом. Однажды, когда мне было всего девять лет, мне показалось, будто я слышал, как после сильного ливня, когда воздух казался столь же густым, как вода, Старый Мозес кого-то звал. Это был гул, похожий на низкий бас церковного органа, столь низкий, что, казалось, кости начинают ощущать его раньше, чем уши. Звук этот постепенно превратился в хриплый рев, который свел с ума всех городских псов, а потом смолк. Все это длилось не более пяти-шести секунд. На следующий день об этом происшествии только и говорили в школе. Свисток паровоза – таково было мнение Бена и Дэви Рэя. Джонни не сказал, что он думает по этому поводу. Мои родители решили, что это наверняка был гудок проходившего поезда, но, как стало потом известно, дождь размыл целую секцию железнодорожных путей в двадцати милях от Зефира, поэтому в те дни не ходил даже товарный поезд до Бирмингема.

Подобные случаи вызывают изумление.

Однажды под мост с горгульями вынесло изуродованный труп коровы. Без головы и кишок, как поведал моему отцу мистер Доллар,

когда мы пришли к нему в парикмахерскую подстричься. Двое мужчин, ловившие раков на берегу реки на окраине Зефира, разнесли по городу слух, будто по течению проплывал труп человека: грудь его была вскрыта, словно банка с сардинами, а руки и ноги отсутствовали, – однако труп этот так и не нашли. Как-то в октябрьскую ночь что-то ударило по находящейся под водой свае моста с горгульями, да так сильно, что оставило трещины на опорных колоннах, которые пришлось заливать бетоном. «Огромный ствол дерева» – такое официальное разъяснение по этому поводу дал мэр Своуп в «Журнале», издававшемся в Адамс-Вэлли.

Леди зазвонила в колокольчик, ее руки работали как метроном. Она начала заклинать и петь на удивление чистым и громким голосом. Заклинания произносились на каком-то африканском наречии, которое я понимал в той же мере, в какой разбирался в атомной физике. Потом Леди ненадолго замерла, слегка склонив голову набок, как будто приглядываясь и прислушиваясь к чему-то в реке, а затем снова стала позвякивать колокольчиком. Она ни разу не произнесла: «Старый Мозес», говорила только: «Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла», а потом ее голос снова взлетел в небеса в африканском песнопении.

Наконец Леди перестала звонить в колокольчик и опустила его. Затем кивнула, и Человек-Луна принял от нее колокольчик. Она не отрываясь смотрела на реку, и я не мог понять, что она там видела. Потом Леди отступила назад, и трое мужчин с дерюжными мешками встали у края моста с горгульями. Они развязали мешки и вытащили оттуда какие-то предметы, завернутые в бумагу из мясной лавки и перевязанные тесемками. Некоторые свертки были насквозь пропитаны кровью – чувствовался отдающий медью запах свежего мяса. Мужчины принялись разворачивать кровавые подношения: в бурлящие коричневые воды Текумсе посыпались куски мяса, грудинка, бычьи ребра. В реку полетел цельный общипанный цыпленок, а вслед за ним из пластиковой коробки выскользнули куриные потроха. Из зеленой миски фирмы «Таппервер» посыпались

телячьи мозги, из мокрых пакетов были выброшены красные бычьи почки и печень. Была открыта бутылка с маринованными пороссячьими ножками, и содержимое ее плюхнулось в воду. Вслед за ножками полетели свиные рыльца и уши. Последним в реку бросили бычье сердце, крупнее борцовского кулака. Оно погрузилось в воду с таким всплеском, словно огромный красный камень. Потом трое мужчин свернули мешки, и Леди подошла к краю моста, стараясь не ступать в струившиеся под ногами ручейки крови.

Мне пришло в голову, что во многих семьях обед только что плавно перешел в пьянку.

«Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла!» – вновь запела Леди. Затем неподвижно постояла четыре или пять минут, наблюдая за рекой, текущей внизу. Потом глубоко вздохнула, повернулась к своему «понтиаку», и я на мгновение увидел за вуалью ее лицо. Она хмурилась: что бы она там ни увидела в реке или, наоборот, не смогла увидеть, это ее явно не радовало. Леди села в машину, за ней последовал Человек-Луна, водитель закрыл за ними дверцу и скользнул за руль. «Понтиак» немного проехал задом к месту, где можно было развернуться, и двинулся в сторону Брутона. Процессия отправилась в обратный путь по тому же маршруту, что и пришла. Обычно в это время уже звучал смех, начинались оживленные разговоры, но на этот раз участники шествия не заговаривали с бледнолицыми зеваками на протяжении всего пути. В эту Страстную пятницу Леди явно пребывала не в духе, и никому не хотелось смеяться.

Я, конечно же, как и все горожане, знал, в чем суть этого ритуала. Леди устраивала Старому Мозесу ежегодный банкет. Когда это началось, мне было неизвестно: наверняка задолго до моего рождения. Можно было, конечно, присоединиться к мнению священника Свободной баптистской церкви преподобного Блессета: мол, это какой-то языческий обряд, которому покровительствует Сатана, и его надо объявить вне закона и запретить указом мэра и

городского совета, однако и многие белые в городе верили в Старого Мозеса, не обращая внимания на филиппики святого отца. Люди считали этот обряд чем-то вроде ношения кроличьей лапки или кидания соли через плечо, если вы ее просыпали, что составляло неотъемлемую часть их жизненного уклада: мол, такие вещи надо на всякий случай делать, хотя бы потому, что пути Господни гораздо более неисповедимы, чем это доступно пониманию приверженцев христианства.

На следующий день дождь усилился, и над Зефиром разразилась гроза. Пасхальный парад на Мерчантс-стрит пришлось отменить, к великому неудовольствию Совета по делам искусств и Клуба коммерсантов. Мистер Вандеркамп-младший, семья которого владела магазином кормов и скобяных изделий, последние шесть лет переодевался в костюм Пасхального Кролика и ехал в самом хвосте процессии. Он унаследовал эту роль от мистера Вандеркампа-старшего, который из-за почтенного возраста уже не мог скакать, подобно кролику. Зарядивший на эту Пасху дождь рассеял все мои надежды поймать лакомые пасхальные яйца, которые кидали из машин торговцы и их домочадцы. Леди из «Саншайн-клуба» не смогли продемонстрировать всем свои новые пасхальные наряды, мужей и детей; зефирские ветераны войны не смогли промаршировать под своими знаменами, а «возлюбленные конфедератки» – ученицы средней школы Адамс-Вэлли – не смогли надеть свои кринолины и pokrутить зонтиками от солнца.

Пасхальное утро в тот день выдалось хмурым. Мы с папой дружно ворчали по поводу необходимости пригладить волосы, надеть накрахмаленные белые рубашки, костюмы и до блеска начищенные ботинки. Мама дала на наши брюзжания стандартный ответ, похожий на отцовское «верно, как дождь». Она сказала: «Это всего лишь на один день», – словно от этого тесный ворот рубашки и туго затянутый галстук могли стать более удобными.

Пасха считалась праздником семейным, потому мама позвонила дедушке Остину и бабушке Элис, а папа – дедушке Джейберду и

бабушке Саре. Нам предстояло, как и всегда на Пасху, собраться всем вместе в зефирской Первой методистской церкви, чтобы выслушать проповедь о пустой гробнице.

Белое здание церкви находилось на Седарвайн-стрит, между Боннер и Шентак-стрит. В тот день, когда мы остановили возле нее наш грузовичок-пикап, церковь как раз заполнялась прихожанами. Через сырую дымку мы прошли к свету, струившемуся через витражи церковных окон; наши начищенные ботинки по дороге пропитались влагой и утратили свой блеск. Люди сбрасывали плащи и закрывали зонтики около входной двери под нависавшим карнизом.

Это была старая церковь, ее возвели еще в 1939 году. Побелка в некоторых местах осыпалась, обнажив серые пятна. Обычно к Пасхе церковь приводили в порядок, однако в этом году дождь явно нанес кистям и газонокосилке сокрушительное поражение, так что сорняки буквально оккупировали передний двор.

– Проходи, Красавица! Проходи, Цветочек! Будьте осторожнее, Лапша! Хорошего пасхального утра, Солнышко!

Это доктор Лезандер, исполняющий роль распорядителя церковного праздника, выкрикивал приветствия. Насколько я знал, он не пропускал ни одного воскресенья. Доктор Франц Лезандер работал в Зефире ветеринаром – именно он в прошлом году вывел у Бунтаря глистов. Он был голландцем: папа рассказывал мне, что доктор приехал в наш город задолго до моего рождения, однако он и его жена Вероника по-прежнему говорили с заметным акцентом. Ему было сильно за пятьдесят – широкоплечий лысый мужчина с опрятной седой бородой. Доктор носил элегантный костюм-тройку, всегда с галстуком-бабочкой и алой гвоздикой в петлице. К людям, входящим в церковь, он обращался по придуманным с ходу именам.

– Доброе утро, Персиковый Пирожок! – обратился он к моей улыбающейся маме.

Отцу он с силой пожал руку:

– Дождь для тебя достаточно силен, Буревестник?

А мне стиснул плечи и ухмыльнулся так, что от его переднего серебряного зуба отразился свет.

– Входи смелее, Необъезженный Конь!

– Слышал, как доктор Лезандер назвал меня? – спросил я у отца, когда мы очутились внутри церкви. – *Необъезженный Конь!*

Новое имя, получаемое от доктора на Пасху, всякий раз становилось знаменательным событием.

В храме стоял туман, хотя на деревянном потолке крутились вентиляторы. Сестры Гласс дуэтом играли на пианино и на органе. Они вполне могли послужить иллюстрацией к слову «странный». Неидентичные близнецы, эти старые девы походили на отражения в слегка кривых зеркалах. Обе были длинными и костлявыми: Соня с копной русых белесоватых волос, а Катарина с копной светлых волос коричневатого оттенка. Обе носили очки в толстых черных оправках. Соня играла на пианино, но совершенно не умела играть на органе, а Катарина – наоборот. Сестры Гласс, казалось, постоянно ворчали друг на друга, но, как ни странно, жили при этом вместе в доме на Шентак-стрит, похожем на имбирный пряник. Обеим было – в зависимости от того, кого вы об этом спрашивали, – пятьдесят восемь, шестьдесят два или шестьдесят пять лет. Странность их дополнялась еще и гардеробом: Соня носила только голубое во всех его оттенках, а Катарина была рабыней зеленого. Что порождало неизбежное: Соню мы, дети, звали мисс Гласс Голубая, а как называли Катарину... думаю, вы догадались. Однако, несмотря на все свои странности, играли они на удивление слаженно.

Церковные скамьи были почти заполнены. Помещение напоминало теплицу, в которой шляпки дам цвели экзотическими цветами. Только что вошедшие искали себе места; еще один из распорядителей церемонии, седоусый мистер Хорас Кейлор, косивший на левый глаз, отчего, когда он смотрел на вас, мурашки бежали по коже, подошел к началу прохода, чтобы помочь нам:

– Том! Сюда! Боже мой, да ты что, слепой?

На всем белом свете только один человек мог вопить, как лось, в церкви.

Встав на цыпочки, он размахивал руками поверх круговорота шляп. Я почувствовал, как мама съежилась, а папа обнял ее, словно для того, чтобы она не упала от смущения. Дедушка Джейберд часто выкидывал какие-нибудь номера, о которых отец, думая, что я его не слышу, говорил: «Показывает всем свою задницу». Сегодняшний день не стал исключением.

– Мы тут заняли вам места! – заорал дедушка, и из-за его крика сестры Гласс сбились: одна взяла диез, а другая бемоль. – Идите сюда, пока тут не уселся какой-нибудь наглец!

В том же ряду сидели дедушка Остин и бабушка Элис. Дедушка Остин надел по поводу праздника костюм из тонкой полосатой ткани, который выглядел так, словно от дождя разбух и увеличился вдвое; его морщинистая шея была стянута крахмаленным белым воротничком и голубым галстуком-бабочкой, редкие седые волосы зачесаны назад, в глазах – страдание, деревянная нога выставлена под скамью перед ним. Он сидел рядом с бабушкой Джейбердом, что заставляло его нервничать еще больше: они ладили друг с другом, как кошка с собакой. Бабушка Элис, как обычно, выглядела олицетворением счастья. Она надела шляпку, украшенную на полях маленькими белыми цветочками, белые перчатки и зеленое платье, имевшее оттенок морской воды, которую освещает солнечный свет. Ее милое овальное лицо сияло в улыбке. Она сидела рядом с бабушкой Сарой, и они гармонировали друг с другом, как маргаритки в одном букете. Как раз в эту минуту бабушка Сара тянула дедушку Джейберда за полу пиджака от того черного костюма, который он надевал в солнечные дни и в непогоду, на Пасху и на похороны. Она пыталась усадить его на место и тем самым помешать ему и дальше направлять людские потоки. Он попросил людей в одном с ним ряду сдвинуться поплотнее друг к другу, а потом вновь закричал на всю церковь:

– Здесь хватит места еще на двоих!

– Сядь, Джей! Сядь немедленно! – Бабушка Сара наконец ущипнула его за костлявый зад.

Дедушка сердито взглянул на нее и уселся на свое место.

Родители и я кое-как протиснулись. Дедушка Остин сказал, обращаясь к папе:

– Рад видеть тебя, Том. – И после крепкого рукопожатия добавил: – Да, правда, *видеть-то* я тебя и не могу.

Его очки запотели, он снял их и принялся протирать стекла носовым платком.

– Однако, скажу тебе, народу тут собралось, как не было еще ни на одну Пас...

– Да, народу как в борделе в день полочки, а, Том? – прервал его дедушка Джейберд.

Бабушка Сара так сильно пихнула деда локтем под ребра, что клацнули его вставные зубы.

– Я надеюсь, ты позволишь мне закончить хоть одну фразу, – обратился к нему медленно багровеющий дедушка Остин. – Пока я сижу здесь, ты не дал мне еще и слова вымол...

– Мальчишка, ты отлично выглядишь! – прервал его дедушка Джейберд и, перегнувшись через дедушку Остина, похлопал меня по колену. – Ребекка, надеюсь, ты даешь ему достаточно мяса? Знаешь, растущим парням нужно мясо для мускулов!

– Ты что, не слышишь? – спросил его дедушка Остин, покрасневший как рак.

– Не слышу что? – переспросил его дедушка Джейберд.

– Прибавь громкость на слуховом аппарате, Джей, – сказала бабушка Сара.

– Что? – переспросил он ее.

– Громкость прибавь на аппарате! – закричала она ему, окончательно теряя терпение. – Прибавь громкость!

Пасха обещала стать запоминающейся.

Дождь продолжал барабанить по крыше. Входявшие с улицы мокрые люди здоровались с уже сидевшими внутри. Дедушка

Джейберд, над чьим худым и вытянутым лицом серебристым ежиком торчали коротко стриженные седые волосы, изъявил желание поговорить с отцом об убийстве, но папа покачал головой, давая понять, что не желает касаться этой темы. Бабушка Сара спросила меня, играл ли я уже в этом году в бейсбол, и я ответил, что да, уже играл. Круглое лицо бабули Сары, с полными щечками и бледно-голубыми глазами в сетке морщин, выглядело добрым, но я отлично знал, что дедушка Джейберд нередко доводит ее до белого каления своими выходками.

Из-за дождя все окна были плотно закрыты, и скоро в церкви стало нечем дышать. Вокруг царил сырость, пол был влажным, по стенам текло, над головой гудели вентиляторы, со стоном разгоняя густой воздух. Отовсюду доносились сотни разнообразных запахов: духи, лосьоны после бритья, средства для укрепления волос, сладчайший аромат цветов на шляпках и в петлицах пиджаков.

Появились певчие, все как один в пурпурных мантиях. Хор еще не закончил первое песнопение, а я уже обливался потом. Мы встали, чтобы спеть гимн, потом снова сели. Две весьма упитанные дамы – миссис Харджисон и миссис Пратмор – вышли к кафедре и рассказали о пожертвованиях в пользу беднейших семей Адамс-Вэлли, после чего все снова поднялись, спели новый гимн и опять дружно уселись. Голоса обоих моих дедушек напоминали лягушачий рев в болотной трясине.

Потом на кафедру поднялся пухлый, круглолицый преподобный Ричмонд Ловой и начал рассказывать нам о великом дне, ознаменованном воскрешением Христа из мертвых. Левая бровь преподобного Ловоя походила на запятую из пучка коричневых волосков, его виски были тронуты сединой, и каждое воскресенье его зачесанные назад и скрепленные лаком волосы рассыпались и соскальзывали на глаза каштановым потоком после проповедей, сопровождаемых энергичной жестикуляцией. Жену преподобного Ловоя звали Эстер, а их троих детей – Мэтью, Люк и Джони.

Посреди проповеди, когда голос преподобного Ловоя обрел силу громов небесных, я внезапно понял, кто именно устроился на скамье прямо передо мной.

Демон.

Все знали, что эта девочка умела читать мысли. И в этот раз, как только до меня дошло, что она здесь, голова Демона начала поворачиваться ко мне. Она уставилась на меня своими черными глазами, взгляд которых вполне мог бы заморозить ведьму в самую темную полночь. Демона звали Бренда Сатли. Ей было десять лет от роду, она обладала огненно-рыжими прямыми волосами и бледным лицом, усыпанным коричневыми веснушками. Ее густые брови походили на гусениц, а несимметричные черты наводили на мысль, что некто пытался сбить пламя с ее лица плоской стороной лопаты. Создавалось впечатление, что правый глаз Демона больше левого, нос напоминал клюв с двумя зияющими дырами, а тонкогубый рот, казалось, мог перемещаться с одной стороны лица на другую. С наследственностью не поспоришь: ее мать, имевшая огненно-рыжие волосы и коричневые усы, напоминала пожарный гидрант, а рыжебородый отец был худ, как жердь. Неудивительно, что, имея таких необычных рыжеволосых родителей, Бренда Сатли и сама являлась весьма странной особой.

Свое прозвище она получила, когда в один прекрасный день на уроке рисования изобразила родного отца с рогами и раздвоенным хвостом. После чего поведала учительнице рисования миссис Диксон и одноклассникам, что у ее папочки в дальнем углу чулана хранится целая пачка журналов с картинками, на которых парни-демоны засовывают свои хвосты в дырочки демонов-девушек. Впрочем, Демон не ограничилась разглашением тайн семейного чулана: она принесла в школу в коробке из-под ботинок дохлую кошку с приклеенными скотчем к глазам медными монетками. Выполняя творческое задание по лепке, она смастерила из нескольких брусков зеленого и белого пластилина кладбище, украсив могилки надгробными плитами с именами одноклассников

и датами их смерти, результатом чего стала не одна истерика среди тех, кто вдруг понял, что не доживет и до шестнадцати. Она славилась пакостными розыгрышами: например, готовила сэндвичи, используя в качестве начинки собачьи какашки. Ходили слухи, что именно Демон вызвала аварию школьной канализации в ноябре прошлого года, когда кто-то тщательно закупорил тетрадными листами все сливные отверстия унитазов в уборной для девочек.

Спору нет, Бренда была зловещей личностью.

И вот теперь ее королевское страннейшество пристально рассматривало меня.

Ротик Бренды искривился в улыбке. Я смотрел в ее пронизывающие насквозь черные глаза, не в силах отвести взгляд, и в голове у меня крутилась только одна мысль: «Она добралась до меня». Со взрослыми всегда так: когда тебе позарез нужно, чтобы они обратили на тебя внимание и вмешались, их мысли витают далеко-далеко; когда же ты хочешь, чтобы предки вдруг оказались на другой стороне земли, они непременно рядом, буквально дышат тебе в затылок. Глядя на Демона, я мечтал о том, чтобы моя мама или отец, ну хоть кто-нибудь из взрослых, приказал ей повернуться и слушать преподобного Ловоя, но Бренда Сатли без всякого труда сделалась невидимкой. Казалось, никто не замечал Бренду, кроме меня, ставшего в тот момент ее жертвой.

Ее правая рука поднялась, как голова маленькой белой змеи с грязными ядовитыми зубами. Медленно, со зловещей грацией Демон отставила указательный палец и нацелила его в одну из своих зияющих ноздрей. Когда палец погрузился в ноздрю, мне показалось, что он будет уходить все глубже и глубже, пока не исчезнет совсем. Но она извлекла палец из носа, и я увидел на его кончике зеленоватую блестящую массу размером с пшеничное зернышко.

Немигающий взгляд черных глаз. Ее рот начал открываться.

«Нет, – взмолился я, мысленно обращаясь к своей мучительнице, – пожалуйста, не делай этого!»

Демон устремила покрытый зеленой слизью палец к своему влажному розовому язычку.

Мне ничего не оставалось, кроме как следить за происходящим, чувствуя, как желудок закручивается в тугий узелок.

Зеленое на розовом. Грязный ноготь. Клейкая масса, вот-вот готовая сорваться вниз.

Демон слизнула зеленое с кончика пальца. Должно быть, меня сильно передернуло, потому что отец сжал рукой мою коленку и прошептал: «Слушай внимательно». Конечно, он не заметил невидимого Демона, даже финала устроенной ею изощренной пытки. Бренда, по-видимому насытив свои черные глаза, улыбнулась мне и отвернулась – испытание закончилось. Рука ее матери с волосатыми костяшками пальцев погладила огненные пряди Демона, словно во всем подлунном мире не существовало более кроткого и милого существа, чем ее дочь.

Преподобный Ловой объявил общую молитву. Я опустил голову и крепко зажмурился.

Примерно через пять секунд после начала молитвы в мой затылок врезалось что-то твердое.

Я оглянулся.

И онемел от ужаса. Блестя серыми, как острое лезвие, глазами, прямо позади меня сидели братья Брэнлин, Гота и Гордо. Их родители, сидевшие по обеим сторонам от них, самозабвенно молились. По моему мнению, молиться им следовало прежде всего об избавлении от своего потомства. На братьях Брэнлин были темно-синие костюмчики, белые рубашки и одинаковые белые галстуки – с той лишь разницей, что галстук Готы пересекали черные полосы, а галстук Гордо – красные. Волосы Готы, который был старше Гордо на год, были светлее; лохмы Гордо имели желтоватый оттенок. Лица и того и другого выглядели наспех высеченными из бурого камня, даже структура их костей: выпирающие подбородки, скулы, казалось готовые прорвать кожу, лбы, подобные гранитным плитам, – все свидетельствовало о снедающей души братьев

затаенной злобе. За считанные секунды, пока я разглядывал эти полные коварства физиономии, Гордо успел ткнуть мне в лицо средний палец, а Гота зарядил духовую трубку новой черной горошиной.

– Кори, не крутись по сторонам! – раздался у меня над ухом шепот мамы, дернувшей меня за рукав. – Закрой глаза и молись!

Так я и сделал. В следующий миг от моего затылка отскочила новая горошина. Подобные снаряды способны причинить острую боль, такую, что и крик порой невозможно сдержать. Все оставшееся до конца молитвы время я слышал, как позади меня Брэнлины перешептывались и хихикали, словно пара злобных троллей. Моя голова служила им отличной мишенью.

После молитвы мы исполнили еще один гимн. Далее прозвучали объявления, всех пригласили почаще посещать церковь. По кругу пустили поднос для пожертвований. Я положил на него доллар, специально врученный мне отцом для этой цели. Хор пел, сестры Гласс играли на пианино и органе. Позади меня хихикали Брэнлины. Потом преподобный Ловой еще раз взошел на свое место, чтобы прочитать пасхальную проповедь, – и именно в этот момент мне на руку села оса.

Моя рука лежала на колене. Заметив осу, я не стал отдергивать руку, несмотря на то что по спине, словно молния, пробежал страх. Добравшись до ложбинки между мизинцем и безымянным пальцем, оса устроилась там и замерла, подергивая своим черно-синим жалом.

Теперь позвольте рассказать вам кое-что об осах.

Осы – это не то что пчелы. Пчелы, толстые и довольные своей судьбой, день-деньской перепархивают с цветка на цветок, безразличные к человеческой плоти. Шершни любопытны и могут подлететь к вам, чтобы изучить, но, как правило, их поведение легко предсказуемо, и от них нетрудно улизнуть. Осы же, в особенности черные осы, – проворные насекомые, похожие на кинжал с крохотной головкой, – словно рождены для того, чтобы вонзать свое

жало в смертную плоть, вызывая вопли, сравнимые разве что с восторженными криками знатока, откупорившего марочное вино. Если вы заденете головой осиное гнездо, можете испытать ощущение, сопоставимое, по некоторым свидетельствам, с попаданием в тело заряда мелкой дроби. Я сам видел, во что превратилось лицо мальчика, исследовавшего в середине лета заброшенный дом и напоровшегося на осиное гнездо. От укусов в губы и веки лицо так распухло, что подобной муки я не пожелал бы даже братьям Брэнлин. Осы безумны: к ним нельзя приноровиться, никогда не знаешь, когда они ужалят. Будь у них жало подлиннее, они бы прокусили вас насквозь. Ярость переполняет их, как братьев Брэнлин. Если у дьявола есть родственники, то это не черные коты, не обезьяны и не ящерицы – ими всегда были и остаются осы.

В мой затылок впилась уже третья горошина, вызвав сильную боль. Однако все мое внимание было сосредоточено на осе, обнюхивающей ложбинку между мизинцем и безымянным пальцем. Мое сердце бешено колотилось, кожа покрылась мурашками. Что-то пронеслось мимо моего лица; приподняв голову, я заметил вторую осу, которая, совершив облет головы Демона, уселась ей на макушку. Должно быть, Демон почувствовала щекотание. Она подняла руку и смахнула осу, даже не зная, что село ей на голову. Оса с сердитым жужжанием вновь поднялась в воздух, мельтеша черными крыльями. Я решил, что она вот-вот ужалит Демона, но оса, очевидно учуяв родственное существо, внезапно взмыла к потолку.

Преподобный Ловой продолжал свою проповедь, рассказывая о распятом Христе, плачущей Марии и о камне, который откатывают прочь.

Я поднял глаза к потолку церкви.

Возле одного из вращавшихся вентиляторов я заметил маленькую дырочку размером не более четвертака. Из нее на моих глазах вылезли одна за другой три осы и спустились на прихожан. Через несколько секунд из дырки в потолке появились еще две осы и принялись описывать круги в спертом, удушливом воздухе.

За стенами церкви продолжал грохотать ливень. Стук дождя порой почти заглушал рулады преподобного Ловоя. О чем он говорил в те минуты, не знаю: я переводил взгляд с осы, примостившейся между моими пальцами, на дырку в потолке.

Все больше ос снижалось по спирали в душное закрытое пространство, в насыщенный дождевой влагой воздух церкви. Поначалу я пытался их считать. Восемь... девять... десять... одиннадцать... Некоторые из них садились на неспешно вращавшиеся лопасти вентилятора и кружились, словно на карусели. Четырнадцать... Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать... Вот сквозь отверстие в потолке протиснулся сразу целый черный подергивающийся осиный шар размером с кулак. Двадцать... двадцать одна... двадцать две... Я бросил считать, добравшись до двадцати пяти.

Должно быть, подумал я, где-то на чердаке во влажной тьме шевелится осиное гнездо размером с футбольный мяч. Я замороженно наблюдал за осами, как, наверно, не могла отвести глаз Мария от ран незнакомца, встреченного ею на дороге. За это время из отверстия в потолке выпорхнуло еще не менее дюжины насекомых. По всей вероятности, никто, кроме меня, их не замечал. А что, если осы для всех остальных оставались такими же невидимыми, как Демон, когда она лазила пальцем в нос? Осы медленно кружились под потолком в потоках гонимого вентилятором воздуха. Их скопилось уже целое темное облако, словно бушевавшая за стенами церкви буря сумела каким-то образом найти лазейку внутрь.

Оса, сидевшая у меня между пальцами, задвигалась. Глядя на нее, я вздрогнул, когда очередная горошина ужалила меня сзади в шею там, где были острижены волосы. Добравшись до сустава моего указательного пальца, оса остановилась. Ее жало касалось моей кожи: я ощущал его крошечное зазубренное острие, словно крупички разбитого стекла.

Преподобный Ловой находился теперь в своей стихии: он бурно жестикулировал, волосы начали сползать на лоб. Снаружи бушевала буря, дождь стучал по крыше, словно настал конец света и пришла пора рубить деревья, чтобы строить ковчег и созывать зверей, каждой твари по паре. Всех, но только не ос, подумал я; на этот раз мы исправим ошибку Ноя. Я продолжал наблюдать за осиным лазом в потолке, и зрелище это меня одновременно ужасало и притягивало. Я подумал, что Сатана нашел-таки способ проникнуть на пасхальное богослужение и теперь кружит над нашими головами, высматривая грешную плоть себе в добычу.

Потом произошло следующее.

Воздев руки, преподобный Ловой проговорил своим хорошо поставленным голосом проповедника: «И в то знаменательное утро, после ухода тьмы, ангелы спустились на землю и га... а... а... кх!..»

Устремив руки вверх навстречу ангелам, он внезапно увидел воочию, как они ползут, шевеля крохотными крылышками.

И тут мама накрыла ладонью мою руку с сидящей на ней осой и нежно ее сжала.

Оса укусила ее, и в тот же миг насекомые под потолком, видимо, решили, что проповедь преподобного Ловоя слишком затянулась.

Мама вскрикнула. Одновременно раздался крик священника. Он и послужил сигналом, которого так долго дожидались осы.

Иссиня-черное облако насекомых, насчитывавшее более сотни жал, обрушилось вниз, как сеть на головы попавших в западню животных.

Я услышал, как ужаленный дедушка Джейберд заорал: «Проклятье!» Бабушка Элис испустила высокую оперную трель. Несколько ос одновременно укусили мать Демона в шею, и та громко завывала. Папочка Демона замолотил в воздухе своими худыми руками. Сама Демон разразилась хохотом. Позади меня кричали от боли Брэнлины, забыв о своей плевательной трубке. По всей церкви раздавались вопли и крики; люди, нарядившиеся по случаю Пасхи в костюмы и нарядные платья, вскакивали с мест и

принимались размахивать в воздухе руками, словно сражаясь с невидимыми бесами. Преподобный Ловой танцевал вокруг кафедры в пароксизме мучительной боли, трясая своими многократно укушенными кистями рук с такой силой, словно вознамерился напроць оторвать их от запястий. Хор по-прежнему слаженно пел, но с их уст срывались не слова очередного гимна, а крики боли от укусов ос, впивавшихся в щеки, подбородки и носы певчих. Воздух заполонился темными вихрями, которые вращались вокруг лиц и голов людей, подобно терновым венцам.

– Прочь! Прочь отсюда! – зашелся кто-то в крике.

– Бежим! – завизжали у меня за спиной.

Единство сестер Гласс разбилось, как стекло: они мчались к боковым церковным выходам, их волосы кишели осами. Все мгновенно вскочили со своих мест. То, что всего десять секунд назад являлось мирным собранием прихожан, теперь напоминало охваченное ужасом стадо коров.

И во всем этом были виноваты осы.

– Моя чертова нога застряла! – в отчаянии стонал дедушка Остин.

– Джей! Помоги ему! – крикнула бабушка Сара, но дедушка Джейберд уже пробивался к выходу сквозь толпу между рядами скамеек.

Отец поднял меня на ноги. Я услышал злобное гудение над левым ухом, и в следующее мгновение оса ужалила меня в мочку, да так, что от боли у меня из глаз брызнули слезы.

– Ой! – услышал я свой собственный крик, мгновенно утонувший без следа в нестройном хоре пронзительных воплей.

Но две новые осы все же услышали меня. Одна куснула меня в правое плечо через пиджак и рубашку; вторая, как африканское копье, пронеслась к моему лицу и впилась в верхнюю губу, результатом чего стало *уа-а-ау-а-а-а-в-ва-а-а*, что выражало невероятную боль, но не содержало ни единой толики смысла, и я тоже забил в воздухе руками. Кто-то рядом визжал, заходясь от радостного смеха: сквозь залившие глаза слезы я увидел Демона,

прыгавшую, как заводная, на скамье. Ее рот растянулся в ухмылке, а лицо покрылось красными пятнами.

– Все выходите наружу! – что есть силы выкрикнул доктор Лезандер.

Сразу три осы прилипли к лысому черепу доктора, вибрируя и жала его. Осы ползали по широким плечам его седовласой суровой супруги, ее пасхальная шляпка с синими цветками сбилась набок. Скрежеща зубами в приступе праведного гнева и стиснув в одной руке Библию, а в другой – свою сумочку, миссис Лезандер наносила могучие удары полчищам наседавших на нее насекомых.

Отталкивая друг друга, люди, забыв о своих плащах и зонтах, рвались к выходу в стремлении поскорее избавиться от этой муки и оказаться под струями ливня. Входя в церковь, пасхальная публика являла собой образцовую модель цивилизованного христианского общества, а теперь наружу вываливались толпы настоящих варваров. Женщины и дети падали в липкую грязь церковного двора, мужчины спотыкались об их тела и тоже валились лицом вниз прямо в лужи. Пасхальные шляпки разлетались во все стороны и катились, гонимые ветром, подобно мокрым колесам, пока их не расплющивала бушевавшая стихия.

Я помог отцу высвободить деревянную ногу деда Остина, застрявшую под церковной скамьей. Осы нещадно кусали руки моего отца, и каждый раз, когда очередное жало впивалось в него, его дыхание становилось свистящим. Мама, бабушка Элис и бабуля Сара пытались пробиться в проход между рядами скамей, где люди, падая, не могли выбраться друг из-под друга. Преподобный Ловой, пальцы которого распухли как сосиски, тщетно пытался защитить лица своих детей, пряча их между собой и рыдающей Эстер. Хор распался, некоторые из певчих, убегая, побросали свои пурпурные мантии прямо на пол. Мы с отцом вывели деда Остина в проход между скамьями. Осы налипли на его шею, щеки были мокрыми от слез. Отец отмахивался от ос, круживших вокруг нас, словно

кровожадные команчи вокруг вереницы фургонов. Дети плакали, женщины истошно визжали, а осы продолжали нападать и жалить.

– Скорее наружу! Наружу! – выкрикивал в дверях доктор Лезандер, выталкивая людей под дождь, как только в проходе образовывался затор.

Его жена Вероника, хриплоголосая голландская медведица, хватала вырывающихся людей за шиворот и едва ли не вышвыривала их за порог.

Мы уже почти добрались до выхода. Дед Остин шатался, отец поддерживал его. Мама осторожно выбирала ос из волос бабули Сары, словно ее голова была зарослями крапивы. Две раскаленные булавки впились мне в шею, одна за другой с секундным интервалом, – боль была такая, что мне показалось: голова моя сейчас лопнет. Но тут меня схватил за руку отец, сильно дернул, и по моей голове застучали капли дождя.

Когда все члены нашей семьи наконец выбрались из церкви, отец ступил в лужу, не удержался на ногах и упал на колени прямо в грязь. Схватившись рукой за шею, я бегал кругами, крича от боли. Кончилось это тем, что я поскользнулся, ноги мои разъехались, и прямо в своем пасхальном костюме я тоже очутился в густой грязи.

Последним церковь покинул преподобный Ловой. Захлопнув за собой церковную дверь, он со стуком задвинул засов и какое-то время стоял, прислонившись к ней спиной, словно для того, чтобы не выпустить зло наружу.

Буря продолжала бушевать. Тяжелые капли дождя били по нам, как молотки, вколачивающие гвозди, так что мы вообще перестали что-либо ощущать. Некоторые сидели прямо в грязи, другие бродили вокруг в полной прострации, третьи просто стояли, позволяя холодным струям дождя омыwać их, смягчая боль.

Мне тоже было больно: от этого я впал в такое исступление, что вообразил, как веселятся осы за закрытой дверью церкви. Ведь в конце концов, эта Пасха была и их праздником. Они также воспрянули из мертвых, вырвавшись из холодных объятий зимы, во

время которой осиные гнезда высыхали и крохотные личинки-младенцы обращались в неподвижные мумии. Откатив свой камень, они возродились весной и прочитали нам свою жалящую проповедь о цепкости жизни, которая пребудет с нами гораздо дольше, чем мог бы предсказать преподобный Ловой. Благодаря им каждый из нас испытал на своей шкуре, что такое тернии и гвозди.

Кто-то нагнулся ко мне. Я почувствовал, как чья-то рука приложила комок холодной грязи к моей искусанной шее. Я поднял глаза и увидел залитое дождем лицо дедушки Джейберда. Его волосы стояли дыбом, словно деда только что ударило током.

– С тобой все в порядке, парень? – спросил он меня.

Дедушка Джейберд в самый тяжелый момент повернулся ко всем нам спиной и бежал, спасаясь от осиных укусов. Он стал иудой и трусом, и, предлагая мне целебную грязь, он не обрел искупления.

Я ничего не ответил, глядя как будто сквозь него.

– Все будет в порядке, – сказал он мне, потом выпрямился и отправился посмотреть, как там бабуля Сара, которая стояла рядом с мамой и бабушкой Элис.

Он показался мне наполовину утопленной тощей крысой.

Будь я ростом с моего отца, я, наверно, ударил бы его. Но тогда я был способен только испытывать стыд за дедушку Джейберда, жгучий непереносимый стыд. А кроме того, другая мысль изводила меня: а не перешла ли по наследству и *мне* частичка трусости дедушки Джейберда? В ту пору я не имел об этом ни малейшего представления, но в скором времени мне предстояло все это узнать.

Где-то на другой стороне Зефира зазвонил колокол другой церкви. Звук доносился до нас сквозь дождь, словно во сне. Я поднялся на ноги. Шея, нижняя губа и плечо пульсировали от боли. Надо заметить, боль учит вас смирению. Даже Брэнлины и те растеряли свое бахвальство и ревели, как младенцы. Я, например, никогда не встречал человека, который сохранил бы самоуверенность, будучи весь нашпигован жалами, а вы?

Пасхальный колокольный звон разносился над залитым водой городом.

Служба закончилась.

Аллилуйя.

Глава 5

Смерть велосипеда

А дождь все лил.

Серые облака висели над Зефиром, изливая на землю из своих раздувшихся утроб настоящий потоп. Я засыпал под барабанную дробь дождя по крыше и просыпался под грохот урагана. Бунтарь скулил и дрожал в своей конуре. Я представлял себе, что он чувствовал. Волдыри от осиных укусов сошли, на их местах остались только красные пятна, а дождь все лил и лил, и ни один проблеск солнца не озарял мой родной город. Дождь не прекращался, и в свободное от домашних заданий время мне не оставалось ничего другого, кроме как сидеть в своей комнате, перечитывая старые журналы «Знаменитые монстры» или просматривая комиксы.

Наш дом насквозь пропитался дождевым запахом – ароматом мокрого дерева и сырой грязи из подвала. Из-за ливня был отменен субботний дневной сеанс в «Лирике»: в кинотеатре протекла крыша. Даже сам воздух стал липким, как зеленая плесень, растущая на влажных валунах.

Через неделю после Пасхи отец, пообедав, отложил вилку и нож, посмотрел на запотевшие окна, по которым стекали капли дождя, и заметил:

– Если так пойдет и дальше, нам придется отращивать жабры.

А дождь все лил и лил. Воздух был пропитан водой, облака не пропускали свет к нашим мрачным хлябям. Наши дворы стали прудами, а улицы – полноводными реками. Из школы нас отпускали пораньше, чтобы все сумели засветло вернуться домой. А в среду днем, без семнадцати три, мой старый велик приказал долго жить.

Еще за секунду до этого я пытался пересечь поток, струящийся по Дирман-стрит. Вдруг переднее колесо моего скакуна угодило в трещину тротуара, от удара задребезжал изъеденный ржавчиной

каркас. Несколько поломок случилось одновременно: руль, треснув, обвалился, спицы переднего колеса сломались, сиденье отвалилось, рама расползлась по застарелым швам, и я внезапно оказался лежащим на животе в воде, противно устремившейся внутрь моего желтого плаща. Какое-то время я неподвижно лежал, пытаюсь сообразить, что же так неожиданно выбило меня из седла. Потом сел, вытер глаза, посмотрел на велосипед и сразу понял: моему старому другу пришел конец.

Велосипед, который, по меркам жизни мальчишки, уже был стар задолго до того, как попал ко мне с блошиного рынка, умер. Я ясно сознавал это, сидя под проливным дождем. То, что давало жизнь этому созданию человеческих рук, лопнуло по швам и воспарило в сочащиеся водой небеса. Рама треснула и погнулась, руль висел на единственном винте, седло повернулось на сторону, как голова на сломанной шее. Цепь слетела, с переднего колеса соскочила шина, во все стороны торчали спицы. При виде таких разрушений я готов был разрыдаться, но, несмотря на то что мое сердце сжимала невыносимая печаль, я знал, что слезами горю не поможешь. Просто мой велик откатал свое, полностью израсходовав свой ресурс. Я был не первым его владельцем, и, возможно, причина заключалась и в этом тоже. Может быть, велосипед, некогда заброшенный за ненадобностью, многие годы чах от тоски по тем рукам, что впервые держали его руль; год от года все больше старея, он видел свои особые велосипедные сны о дорогах, по которым катился в молодости. По сути, мой велик никогда по-настоящему мне не принадлежал: он носил меня на себе, но его педали и руль хранили память о прикосновениях другого хозяина. Возможно, в эту дождливую среду он убил себя, потому что знал: мне до смерти хочется занять другой велосипед, который был бы создан лишь для меня одного. Может быть, и так. Единственное, что я знал наверняка в тот момент: остаток пути до дома мне придется проделать на своих двоих и я не смогу унести на себе останки своего велосипеда.

Оттащив сломанный велик с дороги к кому-то во двор, я оставил его под дубом и зашагал домой с насквозь пропитанным влагой ранцем за спиной и в башмаках, хлюпавших из-за набравшейся в них воды.

Возвратившись домой с работы и узнав о печальной судьбе моего велосипеда, папа усадил меня рядом с собой в кабину нашего пикапа, и мы поехали на Дирман-стрит – забрать обломки велосипеда.

– Наверняка его еще можно починить, – говорил мне отец, глядя на дворники, елозившие взад-вперед по ветровому стеклу. – Мы найдем кого-нибудь, кто сварит раму и руль и все починит. Это точно выйдет дешевле, чем покупать новый велосипед.

– Ладно, – отвечал я, хотя твердо знал, что велосипед мертв и никакая сварка не способна вернуть его к жизни. – Переднее колесо тоже все вывернулось, – добавил я, но папино внимание было сосредоточено на скользкой дороге.

Наконец мы добрались до того дуба, под который я положил обломки своего велосипеда.

– Где же он? – спросил меня отец. – Ты здесь его оставил?

Хотите верьте, хотите нет, но остатки моего велосипеда исчезли. Папа остановил пикап, вылез под дождь и постучал в двери дома, во дворе которого рос дуб. Дверь отворилась, и на улицу выглянула светловолосая женщина. С минуту отец говорил с ней о чем-то, а потом я увидел, как женщина указала рукой куда-то в сторону улицы. Когда отец вернулся, с его кепки капала вода, плечи ссутулились под мокрой курткой молочника. Он уселся за руль, прикрыл дверцу и сказал:

– Эта женщина вышла за почтой, увидела твой велосипед, лежавший под деревом, и позвонила мистеру Скалли, чтобы он приехал и забрал его.

Мистер Эммет Скалли был местным старьевщиком. Он разъезжал по городу на грузовичке, выкрашенном ярко-зеленой краской, на дверце которого было написано красным: «Скалли. Принимаю

старые вещи» – и номер телефона. Отец завел мотор и взглянул на меня. Мне был знаком этот взгляд, жесткий и сердитый, – будущее отразилось в нем в самых мрачных тонах.

– Почему ты не постучался в дом и не предупредил эту женщину, что вернешься за велосипедом? О чем ты думал?

– Ни о чем, сэр, – вынужден был признать я. – Я вообще ни о чем не думал.

Отец отъехал от тротуара, и мы снова отправились в путь. Но не домой, а на запад. Я знал, куда мы едем. Магазин подержанных вещей мистера Скалли находился на западной, поросшей лесом окраине города. По пути мне пришлось выслушивать нравоучения отца, сводившиеся примерно к следующему: «Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, мне приходилось ходить пешком, если я хотел куда-то добраться. В ту пору я и мечтать не мог о собственном велосипеде, даже о подержанном. Да к тому же мне и моим друзьям не составляло никакого труда пройти две-три мили. И поэтому здоровья в нас было побольше вашего. В солнце, в ветер, в дождь – в любую погоду мы всегда добирались туда, куда нам нужно, на своих двоих...» – и так далее и тому подобное. Вы понимаете, о чем я: отец пел хвалебную песнь своему детству, что свойственно всякому поколению.

Мы выехали за черту города, блестящая от влаги дорога пошла через насквозь промокший зеленеющий лес. Дождь не прекращался; клочья тумана, задевая верхушки деревьев, проплывали над дорогой. Папа сильно сбавил ход, поскольку эта дорога считалась опасной даже в сухую погоду. Он все еще терзал меня рассказами о сомнительных радостях безвелосипедной жизни. Как я понимаю, таким способом он хотел дать мне понять, что если велосипед окажется непригодным к починке, то мне лучше привыкать к пешему образу существования. За холмами, скрытыми в дымке тумана, раздавались раскаты грома, дорога петляла под колесами нашего грузовичка, словно дикая лошадь, не желающая скакать под седлом.

Не знаю, что меня толкнуло, но именно в этот момент я повернул голову и посмотрел назад.

Какой-то автомобиль быстро настигал нас.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, а по коже поползли мурашки. Черная приземистая машина позади нас напоминала грозную пантеру с блестящими хромированными зубами. Не снижая скорости, она стремительно описывала поворот, который только что с трудом преодолел отец при помощи сцепления, газа и тормозов. Мотор грузовичка надсадно гудел, а машина, приближающаяся к нам, шла бесшумно. Я увидел силуэт фигуры и бледное лицо человека, пригнувшегося к рулю. Я различил языки красного и оранжевого пламени, нарисованные на капоте и черных боках. Когда машина уже почти настигла нас и, не снижая скорости и не пытаясь свернуть, устремилась под наш задний бампер, я не выдержал и пронзительно закричал:

– Папа!

Отец подскочил и резко крутанул руль. Грузовичок стало заносить влево к середине дороги, отмеченной вылинявшей прерывистой линией. Отец отчаянно боролся, чтобы не скатиться в лес. Потом шины вновь обрели сцепление с асфальтом, грузовичок выправился, и отец сердито посмотрел на меня.

– Ты что, спятил? – бросил он мне. – Чуть было не отправил нас на тот свет!

Я оглянулся назад.

Черная машина бесследно исчезла.

Она не обогнала нас. И свернуть ей тоже было некуда. Она просто исчезла.

– Я видел... видел...

– *Что* ты видел? Где? – потребовал ответа отец.

– Мне показалось, что я увидел... машину, – наконец сумел пролепетать я. – Она чуть было не врезалась в нас... я так испугался...

Отец внимательно изучил зеркало заднего вида. Конечно, он в нем не увидел ничего, кроме того же дождя и пустой дороги. Протянув руку, он пощупал мой лоб:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке, сэр.

И в самом деле – никакой простуды у меня не было. В этом-то я был уверен. Удовлетворившись тем, что меня не треплет лихорадка, отец отнял от моего лба руку и снова положил ее на руль.

– Тогда сиди спокойно и ничего не выдумывай, – приказал он мне. Я повиновался.

Все внимание отца снова сосредоточилось на коварной дороге, но желваки у него на скулах то и дело напрягались, и я понял: в эти минуты он решает, что со мной делать дальше – то ли отвезти к доктору Пэрришу, то ли хорошенько выдрать.

Больше я о черной машине не заикался, потому что знал точно: отец ни за что мне не поверит. Но я уже видел эту машину раньше на улицах Зефира: она оповещала о себе грохотом и ревом двигателя, а когда летела мимо, от нее исходил жар, и асфальт дрожал под ее колесами. «Это самая быстрая машина во всем городе», – сказал мне Дэви Рэй, когда в знойный августовский день мы болтались с ним на Мерчантс-стрит возле киоска с мороженым, наслаждаясь прохладой, исходившей от кусков льда. «Отец говорит, – продолжал откровенничать Дэви Рэй, – что в нашем городе никто не сможет обогнать Полуночную Мону».

Полуночная Мона. Именно так звали эту машину. Парня, которому она принадлежала, звали Стиви Коули. Его прозвище было Малыш Стиви, поскольку его рост не превышал пяти футов, хотя ему уже исполнилось двадцать лет. Он курил «Честерфилд», сигарету за сигаретой, – может быть, это и задержало его рост.

Но подлинная причина, по которой я ничего не сказал отцу о Полуночной Моне, преследовавшей нас на мокрой дороге, заключалась в событиях прошлого октября. О них знал весь город. Отец состоял тогда в добровольной пожарной дружине, и однажды

вечером в нашем доме зазвонил телефон. Папа сказал маме, что это был Марчетт, шеф пожарной дружины. Он сообщил, что какой-то автомобиль попал в аварию на Шестнадцатой трассе и теперь горит в лесу. Отец торопливо оделся и ушел тушить пожар. Когда он через два часа вернулся, в его волосах было полно пепла, а от одежды пахло горячей древесиной. В ту ночь отец увидел что-то такое, из-за чего не захотел больше быть пожарным.

Именно по Шестнадцатой трассе мы сейчас и ехали. Тот автомобиль, что разбился и сгорел здесь в октябре прошлого года, и был Полуночной Моной, а за рулем его сидел Малыш Стиви Коули.

Сейчас тело Малыша Коули – вернее, то, что от него осталось, – лежало в гробу на кладбище Поултер-Хилл. Полуночная Мона тоже исчезла – очевидно, туда, куда исчезают все сгоревшие автомобили.

Но сегодня я своими глазами видел эту машину, мчавшуюся сквозь туман позади нашего пикапа. И я видел, что кто-то сидел за рулем.

Я решил, что буду держать рот на замке. У меня и так хватало неприятностей.

Отец свернул с Шестнадцатой трассы на грязный проселок, уходящий вглубь леса. Скоро мы добрались до места, где на деревьях виднелись прибитые гвоздями старые проржавевшие металлические таблички самого разного вида – их было не меньше сотни, – от рекламы содовой с апельсиновым соком «Грин спот» и порошка от головной боли «Би-Си» до радио «Гранд ол опри». За опушкой с табличками дорога свернула к серому бревенчатому дому с покосившимся крыльцом и двориком перед ним, хотя его трудно было назвать двором, скорее – зарослями сорняков. Здесь находилась самая разнообразная рухлядь: изъеденные ржавчиной машины для отжимания белья и кухонные плиты, светильники и кровати, вентиляторы, холодильники и другая бытовая утварь, наваленная неряшливыми кучами. Тут были и мотки проволоки высотой не ниже моего отца, и огромные корзины, полные пустых бутылок, а посреди всего этого барахла высился металлический знак с изображением улыбающегося полицейского, поперек груди

которого была выведена надпись красными буквами: «Стой! Не воруй». В голове копа красовались три дырки от пуль.

Не думаю, что у мистера Скалли возникали проблемы с ворами: не успел отец заглушить мотор пикапа и открыть дверцу, как две рыжие охотничьи собаки, лежавшие на крыльце, вскочили и принялись нас облаивать. Через несколько мгновений дверь распахнулась и на крыльцо выскочила невысокая, хрупкая на вид женщина с тугой светлой косой и ружьем в руках.

– Кто вы такие? – заорала она грубо, как дровосек. – Что вам тут надо?

Мой отец поднял руки:

– Я Том Маккенсон, миссис Скалли. Из Зефира.

– Какой такой Том?

– Маккенсон, мэм!

Чтобы перекрыть собачий лай, отцу приходилось кричать:

– Я приехал из Зефира!

– А ну тихо! – прикрикнула на собак миссис Скалли.

Она сорвала мухобойку с крючка на крыльце и несколько раз вытянула ею псин, что существенно охладило их пыл.

Я выбрался из кабины пикапа и встал рядом с отцом. Наши ботинки увязли в топкой грязи.

– Мне надо повидаться с вашим мужем, миссис Скалли, – сказал отец. – Дело в том, что он по ошибке забрал и увез велосипед моего сына.

– Вот как? – удивилась миссис Скалли. – Обычно Эммет не ошибается.

– Так ваш муж дома?

– Он там, на заднем дворе, в одном из сараев, – ответила жена старьевщика, указывая направление дулом ружья.

– Благодарю вас, мэм.

Мы пошли в нужную сторону, но не успели сделать и десятка шагов, как миссис Скалли крикнула нам вслед:

– Эй, вы! Если споткнетесь и переломаете ноги, мы за вас не отвечаем, понятно?

Если перед домом четы Скалли творился, мягко говоря, беспорядок, то задний двор мог привидеться только в кошмарном сне. Сараи оказались ангарами из рифленого железа размером со склады для хранения табака-сырца. Чтобы добраться до сараев, пришлось идти по изрытой колеями тропинке, петлявшей между горами бесполезной рухляди: проигрывателей, разбитых статуй, садовых шлангов, стульев, газонокосилок, дверей, каминных досок, горшков и кастрюль, старых кирпичей, кровельной дранки, утюгов, радиаторов и умывальных раковин.

– Господи помилуй, – прошептал отец, больше обращаясь к самому себе, когда мы пробрались по узкому проходу между высившимися горами хлама.

Все это хозяйство щедро поливал дождь, с вершин металлических эверестов шумными потоками стекала вода. Когда же перед нами предстала огромнейшая куча перекрученного и перепутанного нечто, я понял, что назвать эту свалку удивительной – значит не сказать ничего. Она была просто волшебной. Я застыл как вкопанный.

Впереди высилась гора из сотен велосипедных рам, сросшихся между собой ржавыми гроздьями, без единой шины, со сломанными каркасами.

Говорят, где-то в Африке есть тайное место, куда уходят умирать слоны. Морщинистые серые великаны ложатся там на землю, освобождаясь от брэнной телесной ноши, и их души легко воспаряют к небесам. В тот момент я искренне верил, что мне посчастливилось наткнуться на скрытое от посторонних глаз кладбище велосипедов. Их мертвые остовы год за годом постепенно рассыпаются здесь под воздействием дождя и палящего солнца, после того как их непоседливые велосипедные души покинули свои рамы. В некоторых местах этой огромной кучи велосипеды почти исчезли с лица земли, приняв со временем вид палой медно-

красной листвы, которую вскоре сожгут на костре в один из осенних дней. Кое-где из этого кургана торчали разбитые фары, незрячие и вызывающие, как глаза мертвых. На гнутых рулях еще виднелись резиновые рукоятки, с которых кое-где свешивались полосы цветного винила, похожие на поблекшие языки пламени. Стоило только напрячь воображение, и все эти велосипеды представляли новенькими, сверкающими от краски и нетерпеливо трепещущими от желания поскорее отправиться в путь, с неизношенными шинами, педалями и ладно пригнанными цепями, пропитанными свежей смазкой. Странно: это видение навевало на меня грусть. Скорее всего, я видел наглядное подтверждение того, что всему когда-нибудь приходит конец, как бы ревностно мы ни берегли то, что нам дорого, и сколько бы за это ни цеплялись.

– Здорово! – пророкотал кто-то рядом. – Я слышал, какой вы там устроили переполох.

Оглянувшись, мы с отцом увидели мужчину, толкавшего по грязи большую тачку. Мужчина был облачен в комбинезон, ботинки его были залепаны грязью, обширный живот выпирал, лицо покрывали пятна, определенно свидетельствовавшие о неполадках с печенью, а голову украшал единственный клочок седых волос. Лицо мистера Скалли было изрезано морщинами, нос с сеточкой лопнувших красных сосудов на кончике напоминал картошку, его серые глаза смотрели сквозь круглые стекла очков. Глядя на нас, он улыбался во весь рот, скаля темно-коричневые зубы. Пороший сединой подбородок мистера Скалли украшала бородавка с тремя торчавшими волосками.

– Чем могу вам помочь?

– Я Том Маккенсон, – представился отец, протянув руку для пожатия. – Сын Джея.

– Вот черт! Прошу прощения, не признал сразу.

Мистер Скалли носил грязные парусиновые рукавицы, и он неспешно стянул одну из них, перед тем как потрясти руку отцу:

– А это, выходит, внук Джея?

– Точно. Его зовут Кори.

– Сдается мне, я вроде пару раз видел тебя в городе, – сказал мне мистер Скалли. – Я помню, когда твоему отцу было столько же лет, сколько тебе сейчас. Мы с твоим дедом тогда были неразлейвода.

– Мистер Скалли, мне сказали, что сегодня днем вы забрали велосипед у дома на Дирман-стрит, – сказал старьевщику отец.

– Точно, это я его взял. Да там и посмотреть-то особенно не на что. Он весь сломан.

– Дело в том, что это велосипед Кори. Мы собирались отдать его в ремонт, и если вы сейчас вернете его нам...

– Ну и дела! – протянул мистер Скалли. Широкая улыбка исчезла с его лица. – Том, боюсь, я не смогу этого сделать.

– Почему же нет? Ведь велосипед еще здесь, у вас?

– Да, здесь. Точнее сказать, он *был* здесь. – Мистер Скалли мотнул головой в сторону одного из сараев. – Я поместил его туда всего несколько минут назад.

– Так мы можем забрать его?

Посмотрев на меня, мистер Скалли закусил нижнюю губу, потом перевел взгляд обратно на отца:

– В том-то и дело, что ничего не выйдет, Том.

Он отставил тачку в сторону, прислонив ее к холму из мертвых велосипедов, и сказал:

– Пойдемте, увидите сами.

Мы последовали за мистером Скалли. Он сильно хромал, словно его бедро соединял с телом шарнир.

– Тут такое дело, ребята, – снова заговорил он. – Уже года три я все подумываю избавиться от этих старых велосипедов. Пытаюсь расчистить место для новых поступлений. Все время что-то прибавляется... Вот я и пообещал Белле – Белла – это моя жена, – я сказал ей: «Белла, притаскиваю еще один велосипед и тут же начинаю с ними разбираться. Еще один, и все – хорош».

Вслед за мистером Скалли мы вошли через проем без дверей в сумрачную и холодную сень сарая. Голые лампочки, болтавшиеся

под потолком на проводах, бросали тени на сваленные внутри сарая кучи барахла. Во мраке вырисовывались таинственные силуэты – очертания каких-то крупных механизмов, напоминающих машины марсиан. Что-то бегало и попискивало – возможно, крысы или летучие мыши. Сарай более всего напоминал пещеру, в которой чувствовал себя как дома разве что индеец Джо.

– Смотрите под ноги, – предупредил нас мистер Скалли в следующем дверном проеме.

Войдя, он остановился перед большой машиной прямоугольной формы с шестернями и рычагами по бокам. И сказал, повернувшись к нам:

– Вот этой дробилке я и скормил ваш велосипед пятнадцать минут назад. Он первым отправился в пасть этой машины.

Мистер Скалли кивнул на бочонок, полный перекрученных и сплюснутых кусков металла. Другие бочки поджидали своей очереди.

– Это я хоть смогу продать как металлолом, вот в чем дело. Я дал себе зарок: еще один велосипед – и включаю дробилку. Ваш стал последним.

Мистер Скалли, над головой которого в ореоле испарений влаги сияла лампочка, сочувственно взглянул на меня:

– Извини, Кори. Я даже представить себе не мог, что у такого велосипеда может объявиться хозяин. Если бы я знал, что он твой, я, конечно, попридержал бы его, но он ведь был совершенно никуда не годный, этот велосипед.

– Никуда не годный? – переспросил отец.

– Конечно. Всему приходит конец. Вещь изнашивается, и ее нельзя починить ни за какие деньги. Именно это и случилось с твоим велосипедом. Такое происходит со всем, что мне приносят или просят забрать, позвонив по телефону. Поверь, Кори, твой велосипед был просто грудой ржавого металла, и то, что я засунул его в дробилку, ничего не изменило.

– Да, сэр, – ответил я, – знаю.

– Ему не было больно, – тихо прибавил мистер Скалли.

Я молча кивнул.

Слушая мистера Скалли, я думал о том, что такой человек, как он, наверняка понимает сущность жизни до самых ее мельчайших винтиков, потому что, хотя тело его состарилось, глаза и сердце оставались молодыми. Он видел космическую суть вещей и поэтому знал, что жизнь существует не только в созданиях из плоти и крови, но и в предметах – в доброй верной паре ботинок; в хорошей, надежной машине; в авторучке, которая не подведет в трудную минуту; в велосипеде, который проедет много миль, – во всем том, чему мы доверяем и что дарит нам в ответ ощущение защищенности и радостные воспоминания.

На такие слова старые хрычи с камнем вместо сердца могут холодно усмехнуться и сказать: «Чушь это все!» Но тогда позвольте и мне задать им вопрос: разве вам никогда не хотелось, хотя бы на пару минут, вновь обрести свой первый велосипед? Ведь вы наверняка помните, как он выглядел. Ведь помните? Как его звали: «Курок», «Пахта», «Вспышка» или, может быть, «Молния»? Кто забрал у вас этот велосипед и куда он потом делся? Вы когда-нибудь задумывались об этом?

– Хочу показать тебе еще кое-что, Кори, – сказал мистер Скалли, касаясь моего плеча. – Иди за мной.

Мы проследовали за мистером Скалли прочь от велосипедодробильной машины в другой отсек сарая. Помимо яркого сияния лампы над головой, через маленькое пыльное окошко с улицы сочился зеленоватый свет. Здесь, в этой комнатке, у мистера Скалли стояли письменный стол и картотечный шкаф. Открыв его, мистер Скалли дотянулся до верхней полки.

– Я почти никому этого не показываю, – сообщил он нам, – но вам, ребята, это должно понравиться.

Он немного порылся там, выдвигая и задвигая ящики, потом сказал: «Нашел», – и его рука вновь вынырнула из тьмы.

Мы увидели, что он держит кусок дерева с обесцвеченной корой и налипшими на его поверхности высохшими моллюсками. В самой середине деревянного бруска торчало нечто, напоминающее небольшой, дюймов пяти длиной, кинжал из слоновой кости. Мистер Скалли поднял кусок дерева повыше к свету, и его глаза блеснули за стеклами очков.

– Видели? И как вы думаете, что это?

– Понятия не имею, – пробормотал отец.

Вслед за ним и я покачал головой.

– А вы взгляните поближе.

Мистер Скалли поднес деревяшку с вонзенным в нее кинжалом прямо к моему лицу. Приглядевшись, я увидел царапины и выбоины на поверхности слоновой кости, а край кинжала выглядел зазубренным, словно нож для разделки рыбы.

– Это зуб, – объяснил нам мистер Скалли. – Или, скорее, клык.

– Клык? – изумленно нахмурился отец, переводя взгляд с мистера Скалли на странный предмет и обратно. – Здоровенная, должно быть, была змея?

– Это была не змея, Том. Три года назад, летом, я отпилил этот кусок дерева от бревна, которое выбросило на берег реки. Я хожу туда иногда – ищу бутылки. Видите эти раковины? Этот чурбан от старого дерева, должно быть, пролежал на дне реки невесть сколько лет, и вот во время прошлогоднего паводка его вымыло из ила.

Мистер Скалли осторожно провел защищенным перчаткой пальцем по зазубренному краю клыка:

– Думаю, что в руках у меня единственное доказательство.

– Неужели вы хотите сказать...

Отец не успел закончить фразу, а я уже все понял.

– Да, – подтвердил старьевщик, – именно так: этот зуб – клык изо рта Старого Мозеса.

Мистер Скалли снова ткнул деревяшкой мне в лицо, и я в испуге отшатнулся.

– Видно, его зрение здорово ослабло, – задумчиво проговорил мистер Скалли. – Наверно, он принял этот чурбан за большую черепуху. А может быть, в тот день он был чем-то раздражен и бросался на все, что тыкалось ему в рыло.

Палец мистера Скалли постукивал по зазубренному краю клыка.

– Страшно представить, что может сделать с человеком чудовище с такими зубищами. Жуткая получается картина, верно?

– Можно взглянуть? – с любопытством спросил отец.

Мистер Скалли передал ему деревяшку с зубом. Пока отец рассматривал удивительную находку, мистер Скалли подошел к окну и выглянул наружу.

После небольшой паузы отец кивнул и проговорил:

– Готов поклясться: вы правы, мистер Скалли! Это действительно *зуб!*

– О чем я и говорю, – отозвался от окна мистер Скалли. – Зачем же мне лгать?

– Вам обязательно нужно кому-нибудь его показать! Шерифу Эмори или мэру Своупу! Да в конце концов самому губернатору!

– Своупу я его уже показывал, – кивнул мистер Скалли. – Он мне посоветовал убрать этот зуб подальше и запереть дверь на ключ.

– Но почему? Это же новость, достойная первых страниц газет!

– Мэр Своуп так не думает.

Мистер Скалли повернулся к нам, и я увидел, как его глаза потемнели.

– Поначалу Своуп был уверен, что этот зуб – подделка. Он показал его доктору Пэрришу, а док Пэрриш позвал дока Лезандера. И тот и другой в один голос заявили, что клык принадлежит какой-то огромной рептилии. Потом мы устроили совещание в кабинете мэра за закрытыми дверями. Своуп сказал, что, по его мнению, такое дело лучше всего похоронить в зародыше. Мол, чем бы ни оказался этот зуб – настоящим клыком рептилии или искусной подделкой, – все равно незачем попусту будоражить людей.

С этими словами мистер Скалли забрал кусок дерева из рук моего отца.

– И тогда я сказал мэру: «Послушайте, Лютер Своуп, почему вы не хотите, чтобы люди увидели неоспоримое доказательство, что в Текумсе водится чудовище?» А он со своей дурацкой трубкой в зубах зыркнул на меня и говорит: «Люди и без того это знают. Доказательство напугает их еще больше. Но как бы то ни было, чудовище в реке – это *наше* чудовище, и мы ни с кем не собираемся им делиться». Вот и весь разговор.

Мистер Скалли протянул мне зуб:

– Хочешь потрогать его, Кори? Потом расскажешь кому-нибудь, что тебе довелось держать в руках.

Так я и сделал – дрожащим указательным пальцем коснулся зазубренной штуковины. Клык Мозеса был холодным, каким, по моему мнению, должен быть ил на дне реки.

Мистер Скалли убрал кусок дерева с клыком в ящик шкафа и затворил дверцу. Дождь на улице снова усилился: он дробью барабанил в металлическую крышу.

– Должно быть, Старый Мозес радуется этому ливню, – заметил мистер Скалли.

– Я все-таки считаю, вам обязательно нужно показать зуб еще кому-нибудь, – сказал ему отец. – Например, газетчикам в Бирмингеме.

– Я так бы и сделал, Том, но боюсь, что Своуп мне этого не простит. Возможно, существует договоренность, что Старый Мозес остается *нашим* чудовищем лишь до тех пор, пока о нем не узнают чужаки: тогда его у нас тут же отберут. Выловят из реки сетями и посадят в каком-нибудь зоопарке в огромный стеклянный сосуд как чрезмерно разросшегося сома. – Мистер Скалли нахмурился и покачал головой. – Нет, я не хочу, чтобы это случилось. Уверен, что и Леди этого не хочет. Сколько себя помню, каждую Страстную пятницу она носила Мозесу угощение. Прошедшая пятница стала первой, когда Старому Мозесу не понравилась еда.

– Ему не понравилась еда? – удивился отец. – Что вы хотите этим сказать?

– Разве тебя не было на негритянском шествии в этом году, Том?

Мистер Скалли подождал ответа, вероятно рассчитывая, что отец скажет «нет», но, не дождавшись, продолжил:

– В этом году Старый Мозес впервые не ударил хвостом в сваю моста, как бы говоря: «Спасибо за жратву». Все происходит очень быстро, удар едва можно уловить, но ты различишь этот звук, если слышал его много раз. А в эту Страстную пятницу ничего такого не случилось.

Тут я вспомнил встревоженное выражение лица у Леди, когда она покидала мост с горгульями, и тот мрачный вид, с которым устремилась назад в Брутон процессия негров. Видно, Леди так и не удалось дождаться удара хвоста Старого Мозеса в сваю. Но что может означать подобное нарушение застольного этикета?

– Трудно сказать, что это может означать, – проговорил мистер Скалли, словно прочитав мои мысли. – Но Леди это очень расстроило, точно.

На улице уже темнело. Отец сказал, что нам пора возвращаться домой, и поблагодарил мистера Скалли за то, что он уделил нам время и показал, куда подевались остатки моего велосипеда.

– Я ни в чем вас не виню, – сказал отец на прощание мистеру Скалли, который, хромя, проводил нас до выхода со свалки. – Вы просто делали свою работу.

– Верно, Том. Только один велосипед мне и был нужен. А ваш все равно нельзя было починить ни за какие коврижки, – повторил он.

Это я и сам мог сказать отцу. По сути, я так и сделал, но вся беда в том, что, пока ты еще мальчишка, взрослые слушают тебя вполуха.

– Слышал о машине, которая упала в озеро, – сказал на прощание мистер Скалли, и его голос эхом разнесся под сводами. Я ощутил, как напрягся рядом со мной отец. – Негоже так умирать без погребения по христианскому обычаю, – продолжил мистер Скалли. – Шериф Эмори нашел хоть какую-нибудь зацепку?

– Насколько я знаю, ни одной.

Голос отца дрогнул. Я не сомневался, что он видел тонущую машину с мертвецом, прикованным наручниками к рулю, всякий раз, когда закрывал глаза, ложась спать.

– У меня есть соображения, что это за человек и кто мог его убить, – продолжал мистер Скалли.

Мы уже стояли в дверях сарая, но дождь снаружи усилился и теперь нещадно хлестал по горам мертвых вещей. Дневной свет угасал, приобретя какой-то зеленоватый оттенок. Взглянув на моего отца, мистер Скалли прислонился плечом к дверному косяку.

– Это наверняка был человек, перебежавший дорожку семейке Блэйлок. И парень этот, скорее всего, был не из местных, потому что все здешние, кто еще в здравом уме, знают, что Уэйд, Бодин и Донни – самые зловерные и безжалостные стервятники во всем штате. Где-то в лесах у них запрятана винокурня. Плевали они на всех. А Большое Дуло, их папаша, самого дьявола может за пояс заткнуть. Да, сэр, именно Блэйлоки отправили того парня на дно озера, помяните мое слово.

– Думаю, шерифу это тоже приходило в голову.

– Может быть, и так. Только дело-то в том, что никто точно не знает, где прячутся Блэйлоки. Они порой появляются, чтобы совершить очередное злодейство, а потом снова уползают в свою змеиную нору, где их не найти.

Мистер Скалли взглянул на улицу:

– Дождь, похоже, немного стих. Если и вымокнете, то несильно.

И мы стали с трудом пробираться сквозь грязь к нашему грузовичку. Я еще раз бросил взгляд на велосипедную гору и заметил то, на что не обратил внимания в первый раз: среди искореженного металла росли вьющиеся стебли жимолости, среди ржавчины кое-где уже распускались белые бутончики, испускавшие сладкий аромат.

Внимание отца привлекло что-то, лежавшее далеко за кучей старых велосипедов, сразу не замеченное нами. Внезапно он

остановился, вслед за ним замер и я, после чего и мистер Скалли, который хромал впереди, вдруг почувствовал что-то неладное и обернулся.

– Вот куда ее приволокли... – проговорил отец.

– Да, ее тогда притащили сюда. Хотя надо бы от нее избавиться – расчистить место для нового хлама.

Мало что можно рассказать о том, что я увидел. Это была груда ржавого смятого железа, лишь кое-где сохранилась черная краска. Ветровое стекло отсутствовало, крыша была сплющена. Часть багажника сохранилась, на нем еще видны были нарисованные языки пламени.

Того самого, что поглотило водителя этой машины.

Отец повернулся и двинулся прочь, и я проследовал за ним к пикапу, стараясь держаться к отцу как можно ближе.

– Заезжайте как-нибудь! – сказал нам на прощание мистер Скалли.

Охотничьи собаки снова облаяли нас, и миссис Скалли выглянула на крыльцо, на этот раз без ружья.

А мы с отцом покатали обратно к дому по этой дороге, посещаемой призраками.

Глава 6

Старый Мозес откликается на зов

Примерно через неделю после нашего визита к мистеру Скалли дома зазвонил телефон. Трубку взяла мама.

– Том! – раздался из коридора ее крик, в котором прозвучал смертельный ужас. – Джей-Ти говорит, что на озере Холман прорвало дамбу! Они созывают в здание администрации округа всех, кто может прийти.

– О господи!

Отец вскочил с дивана, лежа на котором он смотрел по телевизору новости, и принялся натягивать ботинки.

– Дело может кончиться наводнением! Кори! – крикнул он. – Быстро одевайся!

По его тону я сразу понял, что мне лучше поторопиться. Я отложил в сторону листы бумаги, на которых пытался записать рассказ о черном автомобиле с призраком за рулем, и быстро запрыгнул в джинсы. Когда чувствуешь, что родители испуганы, твое сердце начинает колотиться со скоростью девяносто миль в минуту. Я услышал, как отец произнес слово «наводнение». В последний раз подобное случилось, когда мне было пять лет. Тогда жители Зефира отделались сравнительно легко, разве что паводок растревожил болотных змей. Но из газет я знал, что в 1938 году во время наводнения уровень воды на улицах Зефира достигал четырех футов, а в 1930-м во время весеннего паводка вода в Брутоне доходила до крыш некоторых домов. Таким образом, наш городок затапливало не впервые, а учитывая, какие проливные дожди шли с начала апреля во всех южных штатах, можно было легко предвидеть, что нам грозило в нынешнем году.

Река Текумсе вытекает из озера Холман, расположенного в сорока милях к северу от Зефира. Если считать, что все реки текут в сторону

моря, мы оказались как раз на пути водной стихии.

Я убедился, что Бунтарь совершает свой обычный обход вокруг дома, после чего втиснулся вслед за мамой и отцом в наш пикап, и мы взяли курс на старое здание в готическом стиле в самом конце Мерчантс-стрит, где размещалась администрация округа. Почти во всех домах горел свет, – видимо, сигнал тревоги успел долететь до всех. Сейчас дождь лишь слегка моросил, но уровень воды успел подняться до обода колес нашего пикапа: водосточные трубы не справлялись с нагрузкой и подвалы некоторых домов оказались затопленными. Именно по этой причине моему другу Джонни Уилсону с родителями пришлось на время перебраться к родственникам в Юнионтаун.

На стоянке у здания администрации округа уже скопилось множество машин. Вдалеке в небе полыхнула молния, озарив низко висящие облака. В главный зал окружного собрания плотной массой набились люди. Зал представлял собой просторное помещение с расписным потолком, по которому летали ангелы, несущие тюки с хлопком, – это было наследие прошлого: лет двадцать назад здесь проводились хлопковые аукционы, но потом хлопоочистительную машину вместе со складом перевели в Юнионтаун, где отсутствовала опасность наводнений.

Мы нашли себе места на шатких стульях у стены и очень скоро поняли, что нам повезло, потому что народ все прибывал. Вскоре в зале стало нечем дышать. У кого-то хватило сообразительности включить вентиляторы, но это мало помогало из-за горячего дыхания множества собравшихся в зале. Миссис Кэтти Ярброу, одна из главных болтушек нашего города, втиснулась рядом с мамой и принялась беспрерывно трещать, а ее муж, молочник из «Зеленых лугов», взял в оборот моего отца. Я увидел, как в зале появился Бен вместе с мистером и миссис Сирс, но устроились они на другой стороне зала. Вошла Демон: ее прическа выглядела так, словно она намазала волосы жиром. Перед ней шествовали ее безобразная мамочка и похожий на жердь папаша. Они нашли себе места совсем

рядом с нами. Я содрогнулся, когда Демон заметила мой полный отвращения взгляд и улыбнулась мне в ответ. Явился преподобный Ловой со своим семейством, шериф Эмори с женой и дочками. Потом вошли Брэнлины, мистер Парлоу, мистер Доллар, Дэви Рэй со своими родителями, мисс Гласс Голубая и мисс Гласс Зеленая и много других малознакомых мне людей. Зал оказался набит битком.

– Тихо! Ти-ши-на!

Это крикнул мистер Уинн Гилли, помощник мэра. Он вышел на подиум, где раньше стояли аукционисты, а позади него за столом сидели мэр Лютер Своуп и шеф пожарной дружины Джек Марчетт, который, кроме того, еще и руководил гражданской обороной.

– Тишина! – изо всех сил заорал мистер Гилли, так что на его тощей шее вздулись жилы.

Разговоры постепенно стихли, и мэр Своуп поднялся из-за стола, чтобы произнести речь. Мэру Своупу было около пятидесяти; это был высокий и худой человек с унылым лошадиным лицом и седыми редующими волосами, зачесанными назад. Во рту у мэра вечно торчала трубка из корня верескового дерева, и он пытался ею как локомотив, сжигающий в топке уголь на долгом крутом подъеме. Мэр носил тщательно отутюженные брюки и рубашки с инициалами на нагрудном кармане. Своуп походил на преуспевающего бизнесмена, которым он, по сути дела, и являлся: мэр владел магазином мужской одежды «Стэгг-шоп» и зефирским городским ледником, принадлежавшим его семье в течение нескольких поколений. Лана Джин, жена Своупа, сидела рядом с доктором Кертисом Пэрришем и его женой Брайти.

– Полагаю, что к настоящему времени все уже слышали о случившемся несчастье, – начал мэр Своуп. С виду Своуп был мэр хоть куда, но говорил он, словно каши в рот набрал. – Так вот, времени у нас осталось не так много. Мистер Марчетт доложил мне, что уровень воды в реке достиг критической отметки. Когда вода из озера Холман доберется до города, у нас начнутся настоящие неприятности. Ожидается, что предстоящее наводнение станет

самым сильным из тех, что случались на нашей памяти. Это означает, что Брутон, расположенный ближе всего к реке, будет затоплен первым. Венди, где ты?

Мэр оглянулся по сторонам. В ответ на его зов мистер Вандеркамп-старший поднял трясущуюся руку.

– Мистер Вандеркамп готов открыть двери своего магазина хозяйственной утвари, – продолжал мэр Своуп. – У него там есть лопаты и мешки с песком, которые пригодятся нам, чтобы немедленно начать строить дамбу между Брутоном и рекой. Может быть, нам удастся сдержать самую высокую волну паводка. Это означает, что придется потрудиться всем: и мужчинам, и женщинам, и даже детям. Я только что звонил на базу ВВС Роббинс: они обещали прислать нам людей. Из Юнионтауна тоже обещали прислать помощь. А пока всем, кто способен держать в руках лопату, придется сейчас же отправиться в Брутон и немного покопать там землю.

– Обожди-ка минутку, Лютер, черт возьми!

Говоривший поднялся со своего места. Однажды увидев этого человека, его уже ни с кем нельзя было спутать. Думаю, книгу про белого кита назвали именно в его честь. Лицо мистера Дика Моултри было красным и опухшим, а волосы подстрижены коротким ежиком, так что его голова напоминала коричневую подушечку для булавок. На нем были футболка размером с палатку и синие джинсы, в которые одновременно поместились бы мой отец, шеф пожарных Марчетт и мэр Своуп. Он поднял жирную руку и нацелил палец в сторону мэра:

– Сдается мне, ты советуешь нам бросить свои дома? Разве нет? Бросить наши дома и отправиться спасать шайку ниггеров!

Этого восклицания оказалось достаточно, чтобы общее единство дало трещину. Некоторые стали кричать, что мистер Моултри совершенно прав, другие вопили, что нет.

– Дик, – ответил мэр Своуп и переложил трубку из одного угла рта в другой, – мне не нужно тебе объяснять, что наводнение первым

делом всегда заливают Брутон. Там низина. Если мы сумеем удержать реку там, то, может быть...

– Тогда где же обитатели Брутона? – спросил мистер Моултри, и его квадратная голова повернулась направо, а потом налево. – Не вижу здесь ни одного черного лица! Где они? Почему никто из них не пришел сюда просить нас о помощи?

– Потому что они *никогда* не просят о помощи.

С этими словами мэр выпустил струйку голубого дыма, и двигатель его локомотива вновь заработал.

– Я абсолютно уверен, что все они сейчас на берегу реки, пытаются построить дамбу. Но они ничего не станут у нас просить, даже когда вода поднимется под самые крыши. Леди им не позволит. Однако жителям Брутона нужна наша помощь, Дик. Как и в прошлый раз. Речь идет о жизни и смерти.

– Будь у них голова на плечах, они бы давно съехали из этой низины! – продолжал гнуть свое мистер Моултри. – Черт, мне все уши прожужжали этой Леди! Кем она себя мнит, королевой, что ли?

– Сядь, Дик, – подал голос Марчетт, шеф пожарной дружины, ширококостный мужчина с тонкими чертами лица и пронзительными голубыми глазами. – Сейчас нет времени на пустые споры!

– Черта с два! – Мистер Моултри решил проявить упорство. Он стал красным, как пожарный гидрант. – Я хочу, чтобы Леди сама явилась сюда, на территорию белого человека, и *попросила* нас о помощи!

Требование мистера Моултри породило целую бурю как одобрительных, так и негодующих выкриков. Его жена Физер тоже вскочила на ноги и завизжала:

– Да, черт возьми, мы хотим этого!

Миссис Моултри была блондинкой с волосами серебристого оттенка, ее имя Физер означало «перышко», но она больше напоминала наковальню.

Рев мистера Моултри перекрывал все другие крики:

– Не стану я гнуть спину на ниггеров!

– Ты забываешь, Дик, – не без смущения заметил мэр Своуп, – что они *наши* ниггеры!

Крики и шум не утихали. Кто-то говорил, что наш христианский долг – спасти Брутон от наводнения, другие же заявляли, что паводок случился как нельзя кстати: он смоев Брутон с лица земли раз и навсегда. Отец и мама сидели молча, как и большинство присутствовавших, – усердствовали только крикуны.

Внезапно по залу волной стала распространяться тишина. Она шла из дальнего конца зала, от дверей, где теснились пришедшие последними. Кто-то хихикнул, но смех тут же придушенно стих. Послышалось какое-то невнятное бормотание. А потом в зал протиснулся человек – толпа расступалась перед ним, словно морские воды.

Улыбка играла на губах вошедшего. У него было мальчишеское лицо, светло-каштановые волосы и высокий лоб.

– Из-за чего все эти крики? – спросил он. У него был акцент южанина, но чувствовалось, что это образованный человек. – У вас какие-то проблемы, мэр Своуп?

– Э-э-э, нет, Вернон... никаких проблем. Ведь так, Дик?

Казалось, мистер Моултри сейчас взорвется от злости и начнет брызгать слюной. Лицо его жены под серебристыми локонами стало бордовым, как свекла. Я услышал, как хихикнули Брэнлины, но кто-то шикнул на них, и они замолчали.

– По-моему, причин для споров нет, – сказал Вернон, продолжая улыбаться. – Вы же знаете, как папочка ненавидит проблемы.

– Сядьте, – сказал мэр Своуп чете Моултри, и те послушно опустились на стулья, чуть не обрушив их своими задками.

– Мне показалось, что в наших рядах наблюдается... как бы это сказать... некоторая разобщенность, – продолжал Вернон.

Я почувствовал, как смех щекочет мне горло, грозя вырваться наружу, но в этот момент отец схватил меня за руку и так сильно сжал, что я подавил смешок. Люди вокруг нас неловко ерзали на своих местах, особенно неуютно ощущали себя пожилые вдовы.

– Мэр Своуп, я могу подняться на сцену?

– Господи, помилуй нас, – прошептал отец, в то время как мама тряслась от охватившего ее беззвучного хохота.

– Думаю... что можешь, Вернон. Пожалуйста, если ты хочешь. Поднимайся.

Мэр Своуп сделал несколько шагов назад, унося за собой клубы табачного дыма.

Поднявшись на сцену, Вернон Такстер повернулся лицом к собранию. В электрическом свете его кожа казалась очень бледной. Он весь был бледным, с головы до пят.

Вернон Такстер стоял абсолютно нагой. На нем не было ни клочка одежды.

Все его хозяйство было выставлено на общее обозрение. Вернон обладал невероятной худобой – наверно, потому, что очень много ходил пешком. Я подумал, что подошвы его вечно босых ног наверняка твердые, как дубленая кожа. На его белой плоти блестели капли дождя, мокрые волосы свисали сосульками. Он был словно индийский религиозный мистик, сошедший с фотографии из журнала «Нэшнл джиографик». Хотя для индийца Вернон, конечно же, был слишком белокож, да и на мистика тоже походил мало. Вернон Такстер был просто-напросто законченным психом, стукнутым пыльным мешком из-за угла.

Само собой, появление на людях в чем мать родила являлось для Вернона вполне нормальным. Как только солнышко начинало пригревать, он только так и гулял. Зимой и поздней осенью он не любил выбираться из дома. Первое появление Вернона в теплые весенние денечки всегда вызывало оторопь, к июлю на него уже переставали обращать внимание, а в октябре куда более интересным казался листопад. Однако приход следующей весны неизменно сопровождался очередным появлением в общественном месте Вернона Такстера, блиставшего своей наготой.

Наверно, вас удивляет, почему шериф Эмори тут же не схватил Вернона за шкуру и не потащил в кутузку за нарушение

общественной морали? Причина очень проста: Мурвуд Такстер, отец Вернона, являлся владельцем банка, молочной фермы «Зеленые луга» и компании по торговле городской недвижимостью. Чуть ли не все дома в Зефире были заложены через его банк. Мурвуд Такстер владел землей, на которой стоял кинотеатр «Лирик», как и той, где было выстроено здание администрации округа. В его собственности находился каждый булыжник на Мерчантс-стрит. Он был владельцем многочисленных лачуг Брутона, а его собственный особняк на двадцать восемь комнат высился на Темпл-стрит. Страх перед известным затворником Мурвудом Такстером, которому было уже за семьдесят, вынуждал шерифа Эмори закрывать глаза на свободно разгуливающего голым по улицам моего родного городка сорокалетнего Вернона. Такой порядок существовал всегда, сколько я себя помню.

Однажды мама рассказала мне, что когда-то Вернон был вполне нормальным человеком, но потом он написал книгу и укатил с ней в Нью-Йорк. Оттуда он вернулся через год уже совершенно свихнувшимся и принялся появляться всюду в чем мать родила.

– Леди и джентльмены, – начал Вернон Такстер, – а также, конечно, дети. – Вытянув перед собой свои хилые руки, он крепко ухватился за край кафедры. – Сложившаяся ситуация крайне серьезна.

– Мамочка, – неожиданно раздался визгливый голосок Демона, – у этого дядьки пиписька видна...

Рука с поросшими рыжими волосками костяшками пальцев поспешно зажала Демону рот. Я понял, что дом родителей Демона, по-видимому, тоже стоял на земле старого Такстера.

– Крайне серьезна, – повторил Вернон, не замечавший ничего, кроме звука собственного голоса. – Так вот, отец послал меня сюда, чтобы я передал присутствующим очень важное сообщение. Он сказал, что в это тяжелое время ожидает от жителей города проявления истинно братских и христианских чувств. Мистер Вандеркамп, сэр?

– Я слушаю тебя, Вернон, – отозвался старик.

– Прошу вас составить список имен тех, кто, чувствуя в себе силы и повинувшись душевному порыву, возьмет у вас лопаты и другие принадлежности, необходимые для помощи обитателям Брутона. Мой отец будет вам очень благодарен за это.

– Рад буду служить ему, – отозвался мистер Вандеркамп-старший. Он был богат, но не настолько, чтобы посметь отказать Мурвуду Такстеру.

– Огромное спасибо. Благодаря вашей услуге мой отец всегда сможет иметь под рукой список на случай роста процентных ставок, что всегда может случиться в наше беспокойное время. По мнению отца, люди, которые всегда готовы прийти на помощь своим соседям, заслуживают особого поощрения.

Вернон улыбнулся и окинул взглядом аудиторию:

– Кто-нибудь желает что-то сказать?

Никто не пожелал ничего сказать. Довольно сложно вести о чем-то разговор с голым человеком. Его можно, конечно, спросить, почему на нем нет одежды, но в зале не нашлось никого, кто решился бы затронуть эту опасную тему.

– В таком случае, я думаю, цели нашей миссии для всех ясны, – заключил Вернон свое выступление. – Желаю удачи.

Поблагодарив мэра Своупа за предоставленное ему слово, Вернон спустился и покинул зал тем же путем, каким и пришел. Море снова расступилось перед ним и сомкнулось за его спиной.

Минуту-другую все сидели молча, по-видимому ожидая, пока Вернон Такстер покинет зону слышимости. Потом один из присутствующих рассмеялся, его смех подхватил кто-то еще, а затем Демон начала хохотать во все горло и прыгать на месте. Однако на весельчаков зашикали, чтобы они заткнулись. Несколько минут зал напоминал некое веселое подобие ада.

– Спокойствие! Прошу всех успокоиться! – кричал мэр Своуп.

Шефу пожарных Марчетту этого показалось мало, и, вскочив с места, он заревел, как сирена, призывая к тишине.

– Это шантаж, черт возьми! – закричал мистер Моултри. – Никак по-другому эту ерунду не назовешь!

Несколько человек его поддержали, но остальные, в том числе мой отец, крикнули Моултри, чтобы тот замолчал и дал возможность высказаться шефу пожарной команды.

Вот так все и уладилось: Марчетт объявил, что те, кто желает работать, должны немедленно отправляться в Брутон, где у моста с горгульями река уже подступила к ближайшим домам. Кроме того, нужны несколько добровольцев, чтобы погрузить в машину лопаты, кирки и другой инвентарь из скобяной лавки мистера Вандеркампа.

Когда Марчетт покончил со своими распоряжениями, стало понятно, насколько велика власть Мурвуда Такстера: все как один, включая даже мистера Моултри, отправились в Брутон.

По узким улочкам Брутона уже струились потоки. В воде хлопали крыльями цыплята, плыли собаки. Дождь ударил с новой силой, ритмично, словно выводя какую-то нехитрую мелодию, застучал по жестяным крышам. Темнокожие люди выносили свои пожитки из деревянных домиков и перетаскивали на более высокие места, пытаясь спасти хоть что-нибудь. Машины и грузовики, шедшие из Зефира, гнали перед собой волны, которые расходились во все стороны по затопленным дворикам и разбивались о каркасы домов, образуя пену.

– Да, река разошлась не на шутку, – пробормотал отец.

На лесистом берегу реки, стоя по колено в воде, уже всюду трудилось большинство населения Брутона. Стена из земли и глины росла прямо на глазах, но река была ненасытна.

Оставив пикап возле общественного баскетбольного зала Центра досуга Брутона, где уже собралось много машин, мы побрели к реке. Над медленно, но неуклонно поднимавшейся водой клубился туман, в котором беспорядочно металась лучи фонарей. Над головами полыхали молнии, грохотал гром. Со всех сторон неслись призывы работать быстрее и усерднее. Мама схватила меня за руку, крепко сжала ее и уже не выпускала, а отец прошел вперед, чтобы

присоединиться к группе мужчин из Брутона. К реке задом подали самосвал, полный песка. Какой-то негр подсадил отца в кузов, и они принялись насыпать в небольшие пеньковые мешки песок и скидывать их вниз, к дамбе, другим насквозь промокшим людям.

– Эй, вы там! Эй, там! – закричал кто-то. – Она же не выдержит!

Голоса накладывались друг на друга, сливались, как лучи фонариков. В них слышался испуг. Мне тоже стало страшно.

Когда стихия выходит из-под контроля, в человеке пробуждается первобытный страх. Мы привыкли верить, что являемся хозяевами своих владений, что Бог дал нам землю для того, чтобы мы, люди, на ней правили. Эта иллюзия необходима нам, как хороший ночник. Правда куда ужаснее: наши тела так же хрупки и непрочны, как молодые деревца под напором урагана, а наши любимые дома от сплавного леса отделяет лишь один паводок. Мы уходим корнями в содрогающуюся от трепета землю, мы живем там, где поднимались и рассыпались в прах горы и где превращались в туманную мглу доисторические моря. Мы и построенные нами города не вечны, да и сама земля – лишь проходящий поезд. Когда вы стоите в мутной илистой воде, которая доходит вам до пояса, и слышите, как из темноты кричат люди, тщетно пытающиеся сдержать напор неумолимого течения, вы наконец осознаете истину: нам не победить, но мы не имеем права сдаваться. Под проливным дождем, на уходившем из-под ног речном берегу не было ни одного человека, который хоть на секунду поверил бы в то, что Текумсе можно остановить. Такого не случилось никогда. Но, несмотря ни на что, работа продолжалась. Грузовик, полный лопат и другого инструмента, прибыл из скобяной лавки, и мистер Вандеркамп-младший тут же принялся выдавать лопаты, а получившие инструмент записывали свои имена на листке, укрепленном на дощечке с зажимом. Преграда из земли и мешков с песком продолжала расти, но речная вода тем не менее проникала сквозь эту баррикаду, подобно коричневому супу, вытекающему наружу из

беззубого старческого рта. Вода поднялась еще выше, скрыв пряжку моего ремня.

Зигзаги молний прорезали небо, и вслед за каждой вспышкой раздавался раскат грома такой силы, что нельзя было слышать даже пронзительного визга испуганных женщин.

– Как близко ударило! – воскликнул преподобный Ловой, сжимая в руках лопату. Он казался вылепленным из глины.

– Свет гаснет! – крикнула через несколько секунд какая-то чернокожая женщина.

И действительно, Брутон и Зефир начали медленно погружаться во тьму. Я видел, как мигают и гаснут огни в окнах. Через мгновение весь мой родной городок лежал во тьме: невозможно было различить, где небо, а где вода. Где-то далеко от Брутона, но определенно в пределах Зефира, в окне какого-то дома мерцало пламя свечи. С минуту я следил, как едва заметный огонек перемещается из одного окна в другое. Довольно скоро я понял, что смотрю на особняк мистера Мурвуда Такстера в возвышенной части Темпл-стрит.

Дальнейшее я сперва почувствовал, а лишь потом увидел.

Появившийся слева от меня человек некоторое время молча меня рассматривал. Он стоял, держа руки в карманах своего длинного непромокаемого пальто. Вслед за ударом грома завыл ветер, разметавший мокрые полы дождевика незнакомца, и у меня замерло сердце: я вспомнил тот силуэт в лесу у озера Саксон.

Постояв немного рядом с нами, незнакомец направился в сторону дамбы. Это был высокий и сильный мужчина, в движениях его чувствовались целеустремленность и сила. Лучи от фонарей на мгновение скрестились в воздухе, словно в фехтовальном поединке, и человек в дождевике вошел в перекрестие света. Мне не удалось разглядеть лицо незнакомца, но зато я увидел кое-что другое.

Голову незнакомца покрывала насквозь промокшая шляпа-федора, с которой каплями стекала дождевая вода. Шляпная лента

была скреплена серебряной пряжкой размером с полдоллара, а из-под пряжки торчало маленькое декоративное перо.

Перо, потемневшее от сырости, но блеснувшее в свете фонарей явственным зеленоватым отливом.

Точно таким же, как и у пера, которое я отлепил от подошвы кеда в то памятное утро у озера.

Мысли лихорадочно металась в голове. Могло ли оказаться так, что под пряжкой этой шляпы когда-то была пара декоративных перьев, пока ветер не вырвал одно из них?

Один фонарный луч, побежденный, отступил. Другой, поколебавшись, тоже метнулся прочь. Человек в шляпе с зеленым пером и дождевике, пройдя в каких-то восьми футах от меня, ушел в темноту.

– Мама! – позвал я. – Мама!

Незнакомец все дальше и дальше уходил от нас. На ходу он поднял руку, чтобы придержать шляпу.

– Мама! – снова позвал я.

Наконец расслышав меня сквозь шум, она спросила:

– Что такое?

– Мне кажется... мне кажется...

Но я не знал в тот момент, что в точности мне казалось и что я испытывал. Ведь я не мог сказать наверняка, был ли этот человек именно тем, кого я видел на опушке леса через дорогу от озера.

Незнакомец уходил от нас, шаг за шагом рассекая коричневую воду.

Вырвав руку из маминой ладони, я бросился вслед за ним.

– Эй, Кори! – крикнула она. – Кори! Сейчас же дай мне руку!

Я слышал ее, но не послушался. Вокруг меня плескалась вода, но я упрямо шел вперед.

– Кори! – закричала мама.

Мне нужно было увидеть его лицо.

– Мистер! – крикнул я.

Но вокруг стоял такой шум от дождя, бушующей реки и суеты вокруг дамбы, что незнакомец не услышал меня. А даже если он и слышал мои крики, я был уверен, что он не оглянется. Я чувствовал, как течение Текумсе срывает с моих ног ботинки. Я по пояс увяз в холодной жидкой грязи. Человек в дождевике направлялся к берегу реки, туда, где находился мой отец. Лучи фонарей раскачивались и метались из стороны в сторону, их мерцающий свет упал на правую руку мужчины как раз в тот миг, когда он вытащил ее из кармана.

Что-то металлическое блеснуло в его руке.

Что-то, имевшее острые очертания.

Мое сердце ушло в пятки.

Человек в шляпе с зеленым пером направлялся к реке, чтобы встретиться с моим отцом. Он планировал эту встречу, искал ее давным-давно – наверно, еще с тех пор, как отец бросился в озеро вслед за тонувшей машиной. А что, если незнакомец воспользуется ситуацией – шумом, суетой, дождливой мглой – и вонзит нож отцу в спину? Я попытался найти отца взглядом, но не смог этого сделать: все люди казались безликими отблесками, неотличимыми друг от друга силуэтами, изо всех сил пытающимися предотвратить неизбежное.

Незнакомец преодолевал течение гораздо быстрее меня, и расстояние между нами увеличивалось. Я ринулся вперед, пытаюсь одолеть реку, но поскользнулся и погрузился в илистую воду, сомкнувшись у меня над головой. Я стал колотить руками, пытаюсь ухватиться за что-нибудь и вынырнуть, но не нашел никакой опоры. Ноги провалились в жидкую грязь. В голове пронеслась паническая мысль, что я никогда уже не сумею глотнуть воздуха. Я плескался и качался на волнах, а потом кто-то схватил и приподнял меня, так что грязная вода медленно стекла с моего лица и волос.

– Я вытащил тебя, – сказал мне мужской голос. – Все в порядке.

– Кори! Что с тобой? – Это был голос моей матери, и в нем звучал неподдельный страх. – Ты что, с ума сошел?

– Похоже, он попал ногой в яму, Ребекка.

Мужчина поставил меня на твердую почву, которую я теперь ощущал ногами, хотя стоял по пояс в воде. Я вытер с глаз комки грязи и увидел над собой лицо доктора Кертиса Пэрриша, одетого в дождевик и непромокаемую шляпу. Шляпу без всякой ленты, серебряной пряжки и зеленого пера. Я оглянулся по сторонам в поисках фигуры человека, которого только что пытался догнать, но она уже успела слиться с человеческими силуэтами у речного берега. Он был там с ножом, вытащенным из кармана.

– Где папа? – пролепетал я, вновь впадая в лихорадочное состояние. – Мне нужно обязательно разыскать папу!

– Тихо-тихо, успокойся. – Доктор Пэрриш положил руку мне на плечо. В другой руке он держал фонарь. – Том где-то там.

Доктор осветил лучом фонаря группу перемазанных в глине людей. Он указывал совсем не то направление, куда ушел человек в шляпе с зеленым пером. Но я увидел там отца, работающего лопатой между каким-то чернокожим и мистером Ярброу.

– Видишь его?

– Да, сэр.

Я снова завертел головой, отыскивая таинственную фигуру в дождевике и шляпе-федоре. Но фигура исчезла.

– Кори, больше не смей убежать! – прикрикнула на меня мама. – Чуть не до смерти меня напугал!

Она крепко, как тисками, стиснула мою руку.

Док Пэрриш был грузный человек лет сорока восьми – сорока девяти, с квадратной крепкой челюстью и носом, расплюснутым в ту пору, когда он служил в армии сержантом и был чемпионом по боксу. Теми же руками, что выгребли меня со дна подводной ямы и поставили на ноги, доктор Пэрриш принял меня при родах из утробы матери. У дока Пэрриша были густые темные брови над глазами цвета стали и темно-каштановые волосы. На висках пробивалась седина, выглядывавшая из-под полей его непромокаемой шляпы.

– Мистер Марчетт сказал мне, что в местной школе открыли спортивный зал, – сказал док Пэрриш маме, – там можно разместиться. Туда уже принесли масляные лампы, одеяла и раскладушки. Вода быстро поднимается, поэтому женщинам и детям лучше идти туда.

– Нам тоже нужно туда пойти?

– Не будет никакой пользы, если вы с Кори останетесь стоять здесь, посреди этого хаоса.

Док Пэрриш указал своим фонарем в противоположную от реки сторону, где на баскетбольной площадке, превратившейся в болото, мы оставили свою машину.

– Туда приезжает грузовик и забирает всех, кто хочет укрыться в спортивном зале. Через несколько минут там как раз должна появиться очередная машина.

– Но тогда папа не будет знать, где мы! – возразил я. Шляпа с зеленым пером и нож все еще не выходили у меня из головы.

– Я ему передам. Тому будет спокойнее, когда он узнает, что вы оба в безопасности. И скажу честно, Ребекка: если дело так пойдет и дальше, к утру мы сможем ловить рыбу из окон.

Дополнительных приглашений нам не потребовалось.

– Моя Брайти уже там, – сказал доктор Пэрриш. – Поспешите, чтобы успеть на следующий грузовик. Вот, возьмите.

Док Пэрриш отдал маме свой фонарь, и мы заторопились прочь от разбушевавшейся Текумсе в сторону баскетбольной площадки.

– Держись за мою руку и ни в коем случае не отпускай! – строго предупредила меня мама.

Вокруг нас бурлили речные воды. Оглянувшись, я сумел разглядеть только движущиеся в темноте огни, их отблески на поверхности мутной воды.

– Смотри лучше под ноги! – прикрикнула на меня мама.

Дальше по берегу реки, за тем местом, где работал отец, голоса стали звучать все громче, и вот уже люди что-то кричали нестройным хором. Тогда я еще этого не знал, но, как потом

выяснилось, именно в тот момент волна перехлестнула через земляную дамбу в самом высоком ее месте, река прорвалась через преграду, и вода, крутясь и пенясь, залила людей по самые локти. В илистой пене луч фонаря на миг выхватил чешую с коричневыми крапинками, и кто-то истошно завопил:

– Змеи!

В следующее мгновение люди с изумлением наблюдали за извивающимися в потоках воды змеями. Мистер Стелко, управляющий кинотеатром «Лирик», постарел на десяток лет, когда, протянув руку, чтобы за что-то ухватиться, ощутил движущееся мимо него в завихрениях воды покрытое чешуей тело размером не менее бревна. Мистер Стелко обмочился от страха, а когда наконец нашел в себе силы исторгнуть из легких крик, чудовищное пресмыкающееся уже промчалось мимо, унесенное паводком на улицы Брутона.

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – раздался где-то рядом с нами женский крик.

Мама сказала мне:

– Подожди.

Кто-то приближался к нам с громким плеском, неся высоко над головой масляную лампу. Капли дождя, ударявшие в раскаленное стекло лампы, с шипением превращались в пар.

– Помогите мне, умоляю! – крикнула она нам.

– В чем дело? – спросила мама, осветив фонарем лицо охваченной паникой молодой темнокожей женщины. Мне она была незнакома, но мама узнала ее. – Нила Кастайл? Это ты?

– Да, мэм, это я, Нила. А вы кто?

– Ребекка Маккенсон. Когда-то я читала твоей матери книги.

Должно быть, это происходило задолго до моего рождения, сообразил я.

– С моим отцом несчастье, миз Ребекка! – запричитала Нила Кастайл. – Должно быть, у него сдало сердце.

– Где он?

– В нашем доме! Вон там!

Нила указала рукой в темноту. Вокруг ее талии бурлила вода. Мне она доходила уже до груди.

– Он не может подняться!

– Я поняла, Нила. Успокойся.

Моя мама, способная ощутить кожей и преувеличить до невероятных размеров малейшую опасность, обладала поразительным свойством излучать спокойствие, когда в утешении нуждался кто-то другой. Это, как я теперь понимаю, составляет часть сущности любого взрослого. В минуты опасности мама могла проявить качества, которые прискорбным образом отсутствовали у деда Джейберда, – стойкость и отвагу.

– Покажи дорогу, – сказала мама молодой негритянке.

Вода уже врывалась в дома Брутона. Жилище Нилы Кастайл, как и большинство других здешних домов, представляло собой узкую серую лачугу. Когда мы вошли в дом вслед за Нилой, река уже бушевала вокруг нас.

– Гэвин! Я вернулась!

В свете масляной лампы Нилы и маминого фонаря мы увидели чернокожего старика, сидящего в кресле. Вода доходила ему до колен, вокруг кружились в водовороте газеты и журналы. Он стискивал пятерней рубашку на груди возле сердца, его лицо цвета черного дерева было искажено от боли, а глаза крепко зажмурены. Рядом со стариком стоял, держа его за руку, маленький мальчик лет семи-восьми.

– Мама, дедушка плачет, – сообщил он Ниле Кастайл.

– Я знаю, Гэвин. Папа, я привела людей помочь тебе.

Нила Кастайл поставила на стол лампу.

– Ты слышишь меня, папа?

– О-о-ох-х-х, – застонал старый негр. – На этот раз меня крепко прихватило.

– Мы поможем тебе подняться. Надо выбираться отсюда.

– Нет, дорогуша. – Старик покачал головой. – Ноги старые... отказали.

– Что же нам делать? – спросила Нила, взглянув на мою мать, и я увидел, что в глазах у нее блестят слезы.

Река уже ломилась в домик Нилы. Снаружи грохотал гром, и комнату то и дело озаряли вспышки молний. Если бы все это являлось частью телевизионного шоу, сейчас наступало самое подходящее время для рекламы.

Но в реальной жизни нет места паузам.

– Нужна тачка, – сказала мама. – Нет ли ее у вас?

Нила ответила, что у них нет тачки, но они несколько раз брали ее займы у соседей, и она, наверно, стоит у них на заднем крыльце.

– Кори, ты остаешься здесь, – сказала мама и вручила мне масляную лампу.

Наступил мой черед быть храбрым, хотел я этого или нет. Мама и Нила ушли и унесли с собой фонарь, а я остался в заливаемой водой комнате вместе с маленьким мальчиком и беспомощным стариком.

– Я Гэвин Кастайл, – сказал негритенок.

– А я Кори Маккенсон, – представился я.

Нелегко поддерживать разговор, когда ты стоишь по пояс в коричневой воде и мерцающий свет жалкой лампы едва разгоняет тьму.

– А это мой дедушка, мистер Букер Торнберри, – объяснил мне Гэвин, ни на мгновение не отпуская руки старика. – Ему нездоровится.

– Почему вы не вышли наружу вместе со всеми?

– Потому, паренек, – ответил мне мистер Торнберри, слегка приподнявшись со своего места, – что это *мой* дом. И я не боюсь какой-то проклятой реки.

– Но ведь все остальные боятся, – заметил я, имея в виду: *все, кто в здравом уме.*

– Другие могут драпать, если им так хочется, – отозвался мистер Торнберри, и я почуял в нем такое же несокрушимое упрямство,

которым отличался мой дед Джейберд.

Сказав это, старик содрогнулся от нового приступа боли. Он медленно закрыл и снова открыл свои темные глаза, выделяющиеся на фоне его худого лица, и пристально посмотрел на меня.

– В этом доме умерла моя Рубинель. Прямо здесь. И я тоже не собираюсь умирать в больнице для белых.

– Разве вы хотите умереть? – спросил я его.

Казалось, старик несколько секунд обдумывал мой вопрос.

– Я хочу умереть в своем собственном доме, – наконец ответил он.

– Вода все прибывает, – сказал я. – Все, кто останется, могут утонуть.

Старик нахмурился. Потом повернул голову и посмотрел на маленькую черную руку внука, сжимавшую его ладонь.

– Деда водит меня в кино на мультики! – сообщил мне стоявший уже по горло в воде Гэвин, словно привязанный к худой черной руке старика. – Мы видели «Песенки с приветом».

– Багза Банни, – подхватил старик. – Мы видели старину Багза Банни и того заику, что похож на свинью. Верно, внучок?

– Да, сэр, – отчеканил Гэвин и улыбнулся. – И скоро мы снова пойдем на мультики. Верно, деда?

Мистер Торнберри ничего не ответил. Гэвин ни за что не хотел отпускать его руку.

И тогда я понял, что такое настоящая смелость. Это когда ты любишь кого-то больше самого себя.

Вскоре вернулись мама и Нила Кастайл с тачкой.

– Мы посадим тебя в нее, папочка, – принялась упрашивать старика Нила. – Мы отвезем тебя туда, куда приезжает грузовик и всех забирает. Так говорит миз Ребекка.

Мистер Торнберри глубоко и натужно вздохнул, задержал дыхание на несколько секунд и только потом выдохнул.

– Проклятье, – прошептал он. – Старый мотор у старого дурня.

На последнем слове его голос чуть дрогнул.

– Позвольте нам помочь вам, – сказала ему мама.

Мистер Торнберри кивнул.

– Ладно, – проговорил он. – Пора смываться, верно?

Мама с Нилой пересадили мистера Торнберри в тачку, но быстро поняли, что, хоть он и казался с виду весьма тощим, придется затратить немало усилий, чтобы толкать тачку с ним, да еще и следить, чтобы голова оставалась над водой. Кроме того, я видел и другое серьезное затруднение: на улице, залитой паводком, Гэвина наверняка накроет с головой. Течение мгновенно унесет его, как пустой кукурузный початок. Кто сумеет удержать его?

– Нам придется вернуться за мальчиками, – приняла решение мама. – Кори, встаньте с Гэвином на этот стол, ты будешь держать лампу.

Вода в доме поднялась уже до уровня столешницы, но пока что она могла спасти нас от наводнения. Я послушно забрался на стол, Гэвин последовал моему примеру. Мы стояли рядом на островке из соснового дерева, я держал лампу.

– Вот так, отлично, – сказала мне мама. – Кори, отсюда ни на шаг. Если ты вздумаешь слезть отсюда, то я тебя так выпорю, что на всю жизнь запомнишь. Понятно?

– Да, мэм.

– Гэвин, мы сейчас вернемся, – сказала Нила Кастайл. – Только отвезем дедушку туда, где ему помогут другие люди. Ты меня понял?

– Да, мэм, – ответил Гэвин.

– Ребятишки, слушайте своих мам, – проскрежетал мистер Торнберри искаженным от боли голосом. – Не будете слушаться – я отхожу по попам вас обоих.

– Понятно, сэр, – хором ответили мы с Гэвином.

Мне показалось, что мистер Торнберри потерял охоту умирать и решил пожить еще немножко.

Навалившись на ручки с двух сторон, мама и Нила Кастайл принялись толкать тачку к двери, преодолевая поток коричневой воды. Мама, кроме того, еще и держала фонарь. Они подняли тачку

так высоко, как только могли, а мистер Торнберри приподнял голову, так что на его тощей шее натянулись все жилы. Я слышал, как мама кряхтит от напряжения. Медленно, но верно тачка продвигалась по направлению к двери, и они вытолкнули ее за дверь, на затопленное крыльцо, где кружилась в водовороте река. У основания ступенек лестницы из шлакобетона вода доходила мистеру Торнберри до шеи, плескала ему в лицо.

Мама и Нила Кастайл покатали тачку прочь от дома; течение, подталкивая их в спину, помогало везти груз. Мне прежде не приходило в голову, что мама – физически сильная женщина. Думаю, никогда нельзя сказать наверняка, на что человек способен, пока обстоятельства не вынудят его действовать.

– Кори! – позвал меня Гэвин вскоре после того, как мы с ним остались вдвоем.

– Что, Гэвин?

– Я не умею плавать.

Он крепко прижался ко мне. Теперь, когда рядом с Гэвином больше не было дедушки и ему больше не было нужды демонстрировать свою храбрость, он задрожал.

– Не беспокойся, – заверил я его. – Тебе и не придется никуда плыть.

По крайней мере, я на это надеялся.

Мы терпеливо ждали. Конечно, они скоро вернуться. Вода уже заливала наши размокшие ботинки.

Я поинтересовался у Гэвина, не знает ли он какие-нибудь песни, и тот ответил, что как раз знает песню «На верхушке старой трубы», которую тут же затянул высоким и дрожащим, но не лишенным приятности голосом.

Его пение, похожее по манере на тирольский йодль, не осталось незамеченным: кто-то отчаянно заплескался в дверном проеме. У меня от страха перехватило дыхание, и я поспешно направил туда фонарь.

Это была коричневая собака, вся измазанная в грязи. В свете лампы глаза пса дико блестели. Хрипло дыша, он поплыл в нашу сторону через комнату, среди плавающих в воде газет и прочего мусора.

– Давай, друг, плыви! – крикнул я, передавая Гэвину лампу.

Друг это был или подруга – существенного значения не имело, главным для собаки было обрести опору. Собака взвизгнула и заскулила, когда волна, проскользнув через дверь, подняла и опустила ее. Вода с шумом ударила в стену.

– Давай, дружище!

Я наклонился, чтобы помочь барахтающейся в воде собаке взобраться на стол, и схватил ее за передние лапы. Розовый язык животного, освещенный тусклым желтым светом лампы, вывалился наружу. Казалось, она зовет ко мне, как утвердившийся в вере христианин к своему Спасителю.

Я уже поднимал пса за передние лапы, когда почувствовал, как он содрогнулся.

В тот же миг раздался отчетливый *хруст*.

Все произошло очень быстро.

Из темной воды появились голова и плечи собаки, но вдруг я осознал, что она заканчивается на середине спины: вторая половина тела отсутствовала – ни задних лап, ни хвоста, ничего, кроме зияющей дыры, из которой хлынул поток черной крови и кишок в облаке пара.

Пес коротко всхлипнул и умолк. Его лапы еще несколько раз дернулись, а глаза неотрывно глядели на меня: страдание, которое наполняло их, никогда не изгладится из моей памяти.

Я заорал – что именно я в тот момент кричал, конечно же, не помню – и выпустил из рук месиво, некогда бывшее собакой. Оно с плеском упало в воду, ушло вглубь, снова всплыло, причем передние лапы по-прежнему пытались грести. Гэвин прокричал что-то нечленораздельное, кажется про потоп на Марсе. А потом водоворот закружился вокруг половинки туловища собаки, внутренности

тянулись за ней наподобие ужасного хвоста. И тут поверхность воды вспорол тело какого-то чудовища.

Его покрывала чешуя, формой напоминавшая бриллианты, а цветом – осеннюю листву бледно-коричневого, ярко-пурпурного, густо-золотого и темно-желтого оттенков. Вся палитра речных красок тоже здесь присутствовала – от тинной охры до розоватого лунного цвета. Я заметил целую поросль мидий, прилепившихся к бокам чудовища, глубокие борозды старых шрамов и несколько застрявших рыболовных крючков, уже заржавевших. Я видел перед собой туловище толщиной не меньше ствола старого дуба, медленно, с явным удовольствием переворачивающееся в воде. Я был не в состоянии сдвинуться с места, хотя рядом вопил от ужаса Гэвин. Я отлично знал, кого вижу перед собой. И пусть мое сердце отчаянно колотилось и у меня перехватило дыхание, клянусь: эта тварь была так же прекрасна, как и любое из Божьих творений.

Потом мне вспомнился зазубренный клык, вошедший, как лезвие, в кусок дерева, – тот, что мне показывал мистер Скалли. Был Мозес красив или нет, но собаку он просто разорвал надвое.

И он еще не насытился. Громадные челюсти раскрылись так быстро, что мое сознание даже не успело это зафиксировать, и блеснули клыки, на один из которых был нанизан старый башмак, а на другой – еще трепещущая серебристая рыба. Поток воды с глухим ворчанием устремился в пасть чудовища, засосавшего своими челюстями оставшуюся половину собачьего трупа. Потом пасть осторожно закрылась, словно монстр наслаждался вкусом лимонных леденцов в кинотеатре «Лирик». На миг я поймал на себе взгляд узкого бледно-зеленого, покрытого студенистой пленкой кошачьего глаза величиной с бейсбольный мяч.

А потом Гэвин сорвался со стола и шлепнулся в воду. Лампа, которую он держал, с шипением погасла.

Я и не думал о том, чтобы быть храбрым. Но и о том, что боюсь, не думал тоже.

«Я не умею плавать».

Именно об этом я тогда подумал.

Я спрыгнул со стола туда, куда только что упал Гэвин. Вода, густая от ила, доходила мне до плеч. Это означало, что Гэвину было как раз по ноздри. Он бил по воде всеми четырьмя конечностями. Когда я обхватил его за талию, он чуть не оторвал мне руки, вероятно решив, что его сцапал Старый Мозес.

– Гэвин! Это я, прекрати пинаться! – крикнул я и приподнял его лицо над водой.

– Уг-ыг-уг, – пробурчал он, как залитый водой мотор, у которого пытаются привести в действие свечи зажигания.

Где-то позади меня в затопленной темной комнате слышался тихий шум, словно кто-то поднимался из воды.

Я быстро обернулся. Гэвин взвизгнул и обеими руками схватил меня за шею, чуть не задушив.

И тут я наконец увидел, что представляет собой Старый Мозес. Огромный, ужасный – от его вида захватывало дух, – он, как живое бревно, поднимался из воды. Голова Мозеса выглядела треугольной и плоской, как у змеи, но я все-таки до сих пор уверен, что он был не просто змеей, поскольку прямо под шеей имел пару небольших лап с длинными и тонкими когтями. Хвост Мозеса с такой силой бил в стену, что содрогался весь дом. Голова чудовища ударила в потолок. Из-за того что Гэвин стискивал мне горло, мое лицо стало наливаться кровью.

Не видя глаз Мозеса, я все же знал, что он смотрит на нас: ведь монстр был способен разглядеть рыбину ночью в илистой воде. Я чувствовал, что он следит за нами, – ощущение было сродни тому, которое испытываешь, когда к твоему горлу приставлено холодное лезвие ножа. Оставалось надеяться, что мы с Гэвином не слишком напоминали ему собак.

От Старого Мозеса исходил такой же запах, как от реки в полдень, – запах болота, испарений – терпкий аромат жизни. Было бы явным преуменьшением сказать, что этот зверь внушал мне почтение, скорее благоговейный трепет. И все же в тот момент я

желал только одного – оказаться где угодно на земле, пусть даже в школе, но только не здесь. Впрочем, времени на размышление у меня оставалось немного: змеиная голова Старого Мозеса начала опускаться по направлению к нам с Гэвином. Она напоминала торцевую часть парового экскаватора. Услышав, как с шипением раскрываются его челюсти, я попятился и крикнул Гэвину, чтобы он меня отпустил, но мальчик вцепился в меня мертвой хваткой. На его месте и я бы поступил точно так же. Голова Старого Мозеса метнулась к нам, и я отпрянул, очутившись в узком коридорчике, о существовании которого до этого не знал. Челюсти Старого Мозеса вонзились в дверную раму по обе стороны от нас. Неудача взбесила Мозеса. Он попятился и снова ринулся вперед. Результат оказался тем же, но на этот раз дверной косяк треснул. Гэвин плакал, издавая звуки вроде «хнык-хнык-хнык». Пенная волна, поднятая перемещениями Мозеса, плеснула мне в лицо, накрыв с головой. Что-то толкнуло меня в правое плечо – от страха по спине побежали мурашки. Я протянул руку и обнаружил метлу, плавающую среди прочего мусора.

Старый Мозес испустил рык, подобный тому, что издает паровоз, продувая свое нутро. Я увидел, что устрашающие очертания его головы возникли в начале коридорчика, и вспомнил Тарзана в исполнении Гордона Скотта, с копьем в руке сражающегося с гигантским питоном. Я схватил метлу и, когда зубы Старого Мозеса снова ударили в дверь, загнал ее прямо в разверстную глотку этого пожирателя собак.

Уверен, вы отлично знаете, что случится, если вы засунете палец себе в горло. По всей вероятности, то же самое происходит и с чудовищами. Старый Мозес рыгнул столь громко, словно гром прогремел в бочке. Голова чудища дернулась назад, так что метла вырвалась из моих рук, а ее щетка из кукурузных стеблей застряла в глотке Мозеса. После этого Старого Мозеса начало рвать – иначе я не могу это описать. Я услышал, как потоки жидкости и все отвратительное содержимое желудка Мозеса извергаются из его рта.

В нас с Гэвином полетели рыбыны, некоторые из них – все еще трепещущие, другие – давно мертвые, а также вонючие раки, черепахи панцири, мидии, покрытые слизью камни, ил и кости. Запах стоял такой... в общем, вы представляете. В сто раз хуже, чем бывает, когда ваш школьный товарищ вываливает из желудка свою утреннюю овсянку прямо на парту. Я окунулся с головой, чтобы спастись от этого мерзкого душа. Гэвину, само собой, пришлось сделать то же самое, хотел он того или нет. Сидя под водой, я думал о том, что Старому Мозесу следует проявлять большую разборчивость к тому, что он собирает со дна Текумсе.

Вокруг нас бурлила и клокотала вода. Я вынырнул на поверхность, и следом появилась голова Гэвина, который хватал ртом воздух, что-то истошно крича. И тогда я тоже завопил во все горло.

– Помогите! – надрывался я. – Кто-нибудь, помогите нам!

В комнату ворвался луч фонаря и, скользя по взбаламученной воде, ударил мне в лицо.

– Кори! – раздался голос, в котором слышался упрек. – Я велела тебе не сходить с места!

– Гэвин? Гэвин? Где ты?

– Господи боже мой! – ужаснулась мама. – Чем тут так воняет?

Вода в комнате перестала бурлить. Я догадался, что Старый Мозес уже не сможет воспрепятствовать воссоединению двух матерей с их сыновьями. Дохлая рыба плавала в вязкой коричневой жиже, но мама не обращала на это никакого внимания – ее взгляд был прикован ко мне.

– Я надеру тебе задницу, Кори Маккенсон! – закричала она, пробираясь в дом вместе с Нилой Кастайл.

Но когда они угодили в плавающую в воде массу, исторгнутую из желудка монстра, по возгласу, который издала мама, я понял, что она больше не помышляет о порке.

Будем считать, что мне повезло.

Глава 7

Визит к Леди

Никто из моих друзей, конечно, мне не поверил.

Дэви Рэй Коллан посмеялся надо мной, качая головой, и сказал, что он при всем старании не смог бы выдумать лучшей истории. Бен Сирс с сомнением взглянул на меня, видимо думая о том, не слишком ли много в последнее время я смотрел в «Лирике» ужастиков. Джонни Уилсон некоторое время размышлял над моим рассказом в своей замедленно-обстоятельной манере, после чего высказал свое мнение:

– Нет, это невозможно.

– Но я говорю правду!

Я сидел вместе с друзьями в тени, на крыльце моего дома. Стоял ясный день с прозрачно-голубым небом.

– Клянусь, все так и было!

– В самом деле? – переспросил Дэви Рэй, самый язвительный и остроумный среди нас, мастер сочинять потрясающие истории.

Подняв свою рыжеватую голову, он взглянул на меня бледно-голубыми глазами, в глубине которых всегда таился заразительный смех.

– И почему же, интересно, Старый Мозес не сожрал вас? Неужели он испугался *метлы*, которой ему угрожал такой дохляк, как ты?

– Не знаю, – ответил я запальчиво. – К сожалению, в тот день я не захватил с собой лучевое ружье для истребления монстров. Но все произошло именно так, как я рассказываю, и если ты спросишь...

– Кори, – тихо сказала мама, появившись в дверях, – думаю, вам пора прекратить разговоры на эту тему.

Так я и сделал, поняв, что имела в виду мама. Нет смысла заставлять кого-то поверить в то, во что он не хочет верить. Например, я чувствовал, что мама тоже не приняла всерьез мою

историю, хотя и Гэвин Кастайл, торопясь и путаясь, рассказал обо всем своей матери. Кстати говоря, мистер Торнберри поправился. Он по-прежнему был жив, и с каждым днем сил у него прибавлялось. Насколько я понимал, он собирался еще не раз сводить своего Гэвина на «Песенки с приветом».

Думаю, друзья скорее поверили бы мне, если бы имели возможность понюхать мою одежду, до того как мама выбросила ее на помойку. Свою дурнопахнущую одежду она тоже выбросила. Отец молча выслушал мой рассказ и только покивал. Он сидел, держа перед собой руки с забинтованными пальцами и ладонями, на них от многочасовой работы лопатой вздулись огромные волдыри.

– Единственное, что я могу сказать, – проговорил отец, – на свете существуют такие вещи, которые нам не понять, будь у нас хоть сто жизней. Слава богу, что и ты, и мама остались целы и что во время наводнения никто не утонул. А как у нас насчет обеда?

Прошли две недели. Апрель остался позади, наступили солнечные майские деньки. Река Текумсе, напомнив нам, кто здесь главный, преспокойно вернулась в свои берега. В четверти домов Брутона жить стало невозможно, это относилось и к дому Нилы Кастайл. Вот почему со стороны Брутона почти круглые сутки доносился визг пил и стук молотков. Одно было хорошо после дождей и паводка: стоило только пригреть солнышку, и Зефир захлестнуло половодье весенних цветов. Зеленели лужайки, жимолость резко пошла в рост, заросли кудзу покрывали холмы ровным ковром. В двери уже стучалось лето.

Мое внимание полностью поглотила подготовка к выпускным экзаменам. Я никогда не был силен в математике, однако именно по этому предмету мне требовалось получить хорошую отметку, потому что иначе мне пришлось бы – от одной мысли об этом я чувствовал, что задыхаюсь, – посещать летнюю школу.

В часы отдыха я часто размышлял о том, каким образом мне удалось одолеть Старого Мозеса простой метлой из стеблей кукурузы. То, что мне с первого раза повезло угодить чудищу прямо в глотку, выглядело просто удачей, а о том, что иначе могло бы

случиться, страшно было и думать. Однако здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что Старый Мозес, существо огромное и злобное, был похож на деда Джейберда: он мог лихо загнать беззащитную дичь, но одного укуса осы оказывалось достаточно, чтобы обратить его в бегство или заставить уплыть, как в нашем случае. Старый Мозес был трусом, – наверно, он привык пожирать тех, кто не способен дать ему отпор: зубаток, черепах и насмерть перепуганных собак, отчаянно бьющих по воде лапами в тщетных попытках спасти свою жизнь. Получив метлу в глотку, Старый Мозес сообразил, что где-то неподалеку, на дне реки, есть более легкая добыча – прохладный илистый банкетный зал, где никто не посмеет ему сопротивляться.

Такова была моя теория. Но ни за что в жизни я не согласился бы проверить ее путем эксперимента.

Однажды мне приснился человек в длинном пальто и шляпе с зеленым пером. Я брел по воде за ним следом, и, когда схватил его за руку, он повернулся ко мне лицом и оказался вовсе не человеком, а созданием, покрытым не кожей, а чешуей, формой напоминающей бриллианты цвета осенней листвы. Он открывал рот и скалил на меня острейшие, как кинжалы, клыки, а с них капала кровь, стекая с подбородка. Опуская глаза, я понимал, что помешал его трапезе, потому что в лапах существо держало небольшую коричневую собаку, уже наполовину съеденную, но все равно продолжавшую биться.

Не слишком приятный сон.

Хотя, возможно, в нем содержалась некоторая доля правды.

Лишенный собственных колес, я поневоле превратился в пешехода. Я с радостью ходил пешком в школу и обратно, однако у всех моих друзей были велосипеды, и я опустился на пару позиций в мальчишеской табели о рангах.

В одно прекрасное утро я играл с Бунтарем: бросал ему палку и катался с ним по зеленой траве. Вдруг с улицы донеслось

громыхание. Я вскинул голову, Бунтарь сделал то же самое, и мы увидели, что к нашему дому приближается какой-то пикап.

Эта машина была мне знакома – покрытая пятнами ржавчины, с провисшей подвеской, она издавала такой шум, что все окрестные собаки с лаем гнались за ней. Бунтарь тоже пару раз гавкнул, и мне не сразу удалось его успокоить. В кузове пикапа была установлена прикрепленная болтами металлическая рама, на которой в полном беспорядке висели разнообразные металлические инструменты, издававшие безумное дребезжание и казавшиеся столь же древними и бесполезными, как и сам грузовик. На водительской дверце было не слишком ровно намалевано по трафарету: «Починка Лайтфута».

Грузовичок остановился прямо напротив нашего дома. Поднятый им шум привлек мамино внимание, и она тоже вышла на крыльцо. Отца не было дома, мы ожидали его возвращения с работы через час-другой. Дверца пикапа отворилась, и наружу выбрался длинный костлявый негр в пыльном комбинезоне. Он двигался так медленно, что казалось, будто каждое движение причиняет ему боль. Голова негра была покрыта серой кепкой, а кожа припорошена пылью. Мистер Маркус Лайтфут медленно направился к нашему крыльцу, и, думаю, если бы даже его преследовал разъяренный бык, он вряд ли ускорил бы шаг.

– Доброе утро, мистер Лайтфут, – приветствовала гостя мама, так и не успевшая снять передник. Она готовила еду на кухне и сейчас вытирала руки бумажным полотенцем. – Как поживаете?

Мистер Лайтфут улыбнулся, блеснув белизной маленьких квадратных зубов; из-под кепки выбивались седые волосы. Когда он заговорил, слова вытекали из его рта медленной струйкой, как вода из прохудившейся трубы:

– Доброе утро, миз Маккенсон. Привет, Кори, как дела?

То, что мы услышали, было для Маркуса Лайтфута целой речью. Вот уже тридцать лет он слыл мастером на все руки в Зефире и Брутоне. Унаследовав дело своего отца, мистер Лайтфут снискал

славу отличного умельца и, несмотря на свою медлительность, мог починить все, за что брался, вне зависимости от сложности стоящей перед ним задачи.

– Ясный сегодня... – сказал он и замолк, глядя в голубое небо. Секунды текли мучительно медленно.

Бунтарь гавкнул, и я зажал ему морду рукой.

– ...день, – наконец решился мистер Лайтфут.

– Да, в самом деле. – Мама ждала, когда мистер Лайтфут продолжит, но тот просто стоял и молчал, разглядывая наш дом.

Засунув руку в один из своих многочисленных карманов, он вытащил пригоршню мелких гвоздей и принялся пересыпать их из ладони в ладонь, словно тоже чего-то дожидаясь.

– Гм, – прочистила горло мама. – Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Лайтфут?

– Я просто проезжал, – медленно проговорил он тягучим, как патока, голосом, – мимо. Решил узнать, может, вам... – он замолк и еще несколько секунд разглядывал гвозди в своей ладони, – нужно что-то починить?

– Да вроде бы нет. Хотя, если подумать... – Мама замолчала, и я понял, что она действительно вспомнила о чем-то. – Тостер. Позавчера он вдруг перестал работать. Я уже хотела позвонить, а тут вы сами...

– Да, мэм, – глубокомысленно кивнул мистер Лайтфут. – Время летит так, что и не заметишь.

Мистер Лайтфут возвратился к своей машине и достал оттуда старый металлический ящичек с инструментами, полный болтов и гаек всех видов, о каких только может мечтать мастер. После этого он нацепил на себя пояс, на котором крепилось несколько видов молотков, отверток и каких-то загадочных гаечных ключей. Мама открыла для мистера Лайтфута дверь и придержала ее, а когда он вошел в дом, посмотрела на меня и молча пожала плечами, словно хотела сказать: «Я, как и ты, понятия не имею, с чего это он вдруг заявился».

Я оставил Бунтаря на улице грызть палку и тоже поторопился в дом, чтобы в прохладе кухни выпить чая со льдом и поглазеть на то, как мистер Лайтфут будет колдовать над неисправным тостером.

– Мистер Лайтфут, не хотите ли чего-нибудь выпить? – спросила мама.

– Не.

– У меня есть свежее овсяное печенье.

– Нет-нет, душевно вас благодарю.

С этими словами мистер Лайтфут извлек из кармана квадрат белоснежной ткани, аккуратно развернул и накрыл им сиденье кухонного стула. После чего выдернул тостер из розетки, положил его перед собой на стол рядом с ящичком и уселся на белую ткань. Все это он проделал так медленно, словно плыл под водой.

Мистер Лайтфут выбрал одну из отверток. Он обладал длинными изящными пальцами хирурга или художника. Наблюдать за его работой было мучительным испытанием терпения, но зритель не мог усомниться: мистер Лайтфут знает свое дело. Вскрыв крышку тостера, он несколько минут молча разглядывал внутренности агрегата.

– Ага, – проговорил он после продолжительной паузы. – Ага.

– Что такое? – спросила мама, заглядывая мистеру Лайтфуту через плечо. – Его можно починить?

– Видите вот это? Маленький красный проводок? – Мастер поддел его кончиком отвертки. – Контакт ослабился.

– И только-то? Такой малюсенький проводок?

– Да, мэм, и только.

Мистер Лайтфут принялся аккуратно прикручивать провод в месте соединения. Наблюдая за ним, я испытывал состояние, близкое к гипнотическому.

– Все, – наконец объявил мистер Лайтфут.

После этого он собрал тостер, включил его в сеть, опустил рычажки таймера, и мы увидели, как начали краснеть, накаливаясь, спиральки.

– Иногда... – сказал мистер Лайтфут.

Мы ждали так долго, что мне показалось: я ощущаю рост волос на своей голове.

– ...какая-то мелочь...

Земля повернулась под нашими ногами.

– ...все портит.

Мистер Лайтфут принялся сворачивать свою белую салфетку. Мы немного подождали, но чернокожий мастер либо сбился с мысли, либо действительно все сказал. Мистер Лайтфут оглянулся по сторонам и осмотрел кухню:

– Что-нибудь еще нужно починить?

– Ничего, спасибо. Остальное, кажется, в полном порядке.

Мистер Лайтфут кивнул, но я был уверен, что он ищет скрытые неполадки, словно охотничья собака, вынюхивающая птицу. Он медленно обошел кухню, легонько прикасаясь рукой то к холодильнику, то к четырехконфорочной плите, то к водопроводному крану, словно своими чуткими пальцами определял самочувствие техники. Мы с мамой озадаченно переглянулись: действия мистера Лайтфута становились все более и более загадочными.

– Холодильник, похоже, дребезжит, – заметил он. – Хотите, взгляну?

– Нет, не стоит беспокоиться, – ответила мама. – Мистер Лайтфут, вы хорошо себя чувствуете сегодня?

– Конечно, миз Маккенсон.

Он открыл дверцу буфета и тщательно прислушался к легкому поскрипыванию петель, потом достал из пояса отвертку и подтянул винтики на обеих дверцах. Мама снова откашлялась, на этот раз гораздо более нервно, и проговорила:

– Э-э-э... мистер Лайтфут, сколько я должна вам за тостер?

– Все уже... – начал свой ответ Лайтфут.

После этого были проверены петли кухонной двери, потом Лайтфут подошел к маминному миксеру «мистер Блендер», стоявшему

на кухонном столе, и принялся его рассматривать.

– ...оплачено, – закончил он.

– Оплачено? Но... я не понимаю.

Мама уже успела достать из буфета банку с завинчивающейся крышкой, полную долларовых бумажек и мелочи.

– Да, мэм. Все уже оплачено.

– Но я еще не давала вам никаких денег.

Пальцы мистера Лайтфута погрузились в другой карман комбинезона, и оттуда появился белый конверт. Мистер Лайтфут молча передал его маме, и я заметил, что на лицевой стороне конверта голубыми чернилами написана наша фамилия: «Семье Маккенсон». С другой стороны конверт был запечатан белым воском.

– Что ж, – вздохнул мистер Лайтфут, – думаю, что я закончил... на сегодня.

Он поднял свой ящичек с инструментами.

– *На сегодня?* – потрясенно переспросила мама.

– Да, мэм. Вы же понимаете.

Мистер Лайтфут принялся рассматривать выключатели и розетки, словно пытаясь проникнуть в глубину их электрической сущности.

– По телефону, – добавил он. – Если что-то сломается.

Он улыбнулся маме, а потом мне:

– Просто позвоните.

Мы проводили мистера Лайтфута до машины. Он помахал нам рукой и уехал на своем старом пикапе под аккомпанемент брэнчания в кузове инструментов на крючках, приводившего соседских собак в неистовство.

– Том ни за что не поверит мне, – сказала мама, обращаясь в основном к самой себе.

Потом открыла конверт, достала оттуда письмо и, развернув, прочитала.

– Вот это да! – удивленно воскликнула она. – Хочешь послушать?

– Да, мэм.

И она прочитала мне письмо:

– «Имею честь просить вас почтить визитом мой дом в семь часов вечера в пятницу. Прошу вас взять с собой сына». И самое интересное: знаешь, от кого оно?

Мама протянула мне письмо, и я увидел подпись.

«Леди».

Когда папа вернулся домой, мама рассказала ему о визите мистера Лайтфута и письме Леди, наверно, раньше, чем он успел снять свою фуражку молочника.

– Что ей нужно от нас, как ты думаешь? – спросил отец.

– Не знаю, но, сдаётся мне, она решила оплатить услуги мистера Лайтфута, чтобы он стал нашим персональным монтером.

Отец снова перечитал письмо Леди.

– У нее отличный почерк, – заметил он, – для такой пожилой женщины. Я всегда считал, что у старух почерк становится корявым.

Он прикусил нижнюю губу, и я понял, что настроение у него портится.

– Знаете, я никогда не видел Леди вблизи. Я, конечно, видел ее на улице, но... – Он покачал головой. – Нет. Не думаю, что я приму ее приглашение.

– Но, Том! Леди ведь просит, чтобы мы к ней пришли. В ее дом!

– Для меня это не важно. – Отец вернул конверт маме. – Я не пойду к ней, и все тут.

– Но почему, Том? Можешь ты мне объяснить?

– В пятницу вечером «Филадельфия» играет с «Пиратами», будет радиотрансляция, – ответил отец, опускаясь в свое удобное кресло. – По-моему, это достаточно веская причина.

– Мне так не кажется, – холодно отозвалась мама.

Здесь я столкнулся с редким в своей жизни фактом: мне всегда казалось, что мои мама и папа ладят лучше девяноста девяти процентов семей нашего городка, но, похоже, и они не всегда находят общий язык. Поскольку нет ни одного идеального человека, брак двух несовершенных людей не может длиться всю жизнь без сучка и задоринки. Бывало, я слышал, как отец раздраженно кричит

на маму из-за потерянного носка, тогда как истинная причина папиного недовольства крылась в нежелании начальства повысить его по службе. Я с удивлением слушал, как моя всегда такая миролюбивая мама вся кипит от злости из-за следов грязной обуви на полу, а на самом деле вся беда была в хамстве соседки. Вот почему в путанице проявлений вежливости и вспышек гнева, из которых, собственно, и состоит жизнь, случаются иногда такие ссоры, как та, что разгоралась теперь между моими родителями.

– Это из-за того, что она цветная, да? – сделала свой первый выпад мама. – Из-за этого ты не хочешь к ней идти?

– Нет, конечно.

– Ты относишься к этому точно так же, как твой отец. Клянусь, Том...

– Замолчи! – внезапно сорвался папа.

Даже я вздрогнул. Упоминание дедушки Джейберда, для которого расизм был столь же органичен, как вода для рыбы, оказалось явным ударом ниже пояса. Отец никогда не испытывал ненависти к цветным – в этом я был совершенно уверен. Но он был сыном человека, который всю свою жизнь встречал каждое утро поднятием флага Конфедерации и считал темную кожу меткой дьявола. Этот тяжкий крест отец нес покорно, потому что любил дедушку Джейберда, но при этом он лелеял в душе веру, которую привил и мне: ненавидеть любого человека, по любой причине – значит тяжко грешить против Бога. Вот почему я сразу понял, что следующее заявление отца объясняется исключительно гордыней, и ничем иным.

– От этой женщины я милостыни не приму, ни под каким видом!

– Кори, – наконец обратила на меня внимание мама, – по-моему, тебе нужно было заняться математикой?

Я отправился в свою комнату, но это вовсе не означало, что я не слышал их оттуда.

Они разговаривали уже не так громко, но весьма эмоционально. Как я догадывался, ссора давно уже назревала по многим причинам:

утонувшая в озере машина, пасхальные осы, невозможность купить мне новый велосипед, опасность, угрожавшая нам при наводнении. Слушая, как отец объясняет маме, что она не имеет права тащить его на аркане в дом к Леди, я начал понимать причину нежелания отца идти к ней в гости: он ее просто-напросто боялся.

– Ни за что, даже не проси! – кричал он. – Я не собираюсь водить знакомство с теми, кто считает, что валять дурака с костями и мертвыми животными – нормальное дело, и кто...

Он замолчал, и тут мне пришло в голову, что к этой категории людей можно отнести и дедушку Джейберда и что отец тоже это понял.

– Я просто не пойду к ней, и все тут, – беспомощно закончил он.

Мама поняла, что так можно до смерти загнать лошадь. Это стало мне ясно, когда она сказала со вздохом:

– Мне надо пойти и узнать, что она хочет сказать нам. Надеюсь, ты не станешь возражать?

Отец немного помолчал, потом ответил:

– Хорошо, можешь отправляться.

– Кори я тоже возьму с собой.

Эти слова мамы послужили поводом для новой вспышки.

– Зачем он там тебе? Ты что, хочешь, чтобы он увидел все скелеты, висящие в чуланах у этой женщины? Ребекка, я не знаю, чего она от нас хочет, и, честно сказать, мне на это *наплевать!* Но эта женщина занимается колдовством с куклами, черными кошками и еще бог знает с чем! Я уверен, что Кори не место в ее доме, – ему нечего там делать!

– Но Леди в своем письме просила нас прийти вместе с Кори. Вот, сам посмотри!

– Я уже его видел. Не знаю, что она задумала и что ей от нас нужно, но одно я знаю твердо: Леди не та женщина, с которой следует водить знакомство. С ней вообще не стоит связываться. Ты помнишь Барка Хатчера? Он был помощником мастера на молочной ферме в пятьдесят восьмом.

– Да, помню.

– У Барка Хатчера была привычка жевать табак. Он всегда жевал его и постоянно сплевывал. Дурная привычка, но он вряд ли это понимал. Доходило до того – только не смей никому об этом говорить, – что он забывался и сплевывал прямо в бидоны с молоком.

– Том, ну к чему ты завел этот разговор...

– Сейчас узнаешь. Так вот, однажды Барк Хатчер шел по Мерчантс-стрит, он только что подстригся у мистера Доллара в парикмахерской – а нужно сказать, что у Барка была роскошная шевелюра, такие густые волосы, что их ни один гребешок не брал, – так вот, он опять забылся и сплюнул прямо на мостовую. Только на мостовую его табак не попал, а угодил Человеку-Луне прямо на ботинок. Табачная жвачка вся по нему размазалась. Не хотел он плевать на Человека-Луну, я в этом уверен. А Человек-Луна и ухом не повел, просто прошел мимо, и все. Но Барк обладал странным чувством юмора, и тут ему, как на грех, стало смешно. Вот он и рассмеялся прямо в лицо Человеку-Луне. И знаешь, что после этого случилось?

– Что? – спросила мама.

– Через неделю Барк стал лысеть. У него начали выпадать волосы.

– И ты в это веришь?

– Так и было, я точно тебе говорю!

По голосу отца не приходилось сомневаться, что он уверен в своих словах на все сто.

– Я видел лысую, как шар, голову Барка всего через месяц после того, как он сплюнул табачную жвачку на ботинок Человеку-Луне! Ему даже пришлось носить парик, вот до чего дошло! Он едва от этого не спятил!

Я легко мог представить, как отец подался вперед в своем кресле с таким серьезным и мрачным видом, что маме, наверно, пришлось собрать все свои силы, чтобы не рассмеяться.

– Если ты думаешь, что Леди не приложила к этому руку, то ты просто не желаешь смотреть правде в глаза!

– Вот уж не знала, Том, что ты так веришь в колдовство!

– Веришь не веришь! Но я ведь видел лысую голову Барка! Я такое слышал об этой женщине! Про лягушек, которые выпрыгивали у людей прямо изо рта, или змей в кастрюлях с супом, и еще столько всего... да что там! Ноги моей не будет в ее доме!

– Но если мы не придем к Леди, она может на нас рассердиться, – заметила мама.

Ее слова повисли в воздухе.

– А вдруг она найдет на нас порчу, если я не приведу с собой Кори?

Я отлично понимал по тону ее голоса, что мама ловко блефовала. Отец долго обдумывал ее слова, размышляя над опасностью, которую мы могли на себя навлечь, если послушаемся Леди.

– Думаю, будет лучше, если я возьму Кори с собой, – заговорила мама. – Хотя бы для того, чтобы оказать ей уважение. Разве тебе не хочется узнать, зачем она зовет нас к себе?

– Нет!

– Совсем-совсем?

– Господи, – вздохнул отец, поразмыслив еще несколько минут. –

Ты кому угодно голову заморочишь, не хуже самой Леди. Не удивлюсь, если у нее в доме припрятаны склянки с порошком мумии и крылышками летучей мыши!

В результате этого спора вечером в пятницу, когда солнце начало скользить вниз к земле и на улицах Зефира повеяло прохладой, мы с мамой уселись в наш пикап и поехали к дому Леди, а папа остался у радио слушать бейсбольный матч, которого он так давно дожидался. Знаю точно: в душе он был с нами. Возможно, он опасался совершить ошибку и как-то оскорбить Леди словами или поведением. Должен сказать, что сам я тоже не слишком был уверен в себе: в галстук-бабочке и белой рубашке, которые мама заставила

меня надеть, я ощущал себя не в своей тарелке. Мои нервы были натянуты, как тугий канат.

Работа в Брутоне еще продолжалась: негры орудовали пилами и молотками, приводя в порядок свои дома. Мы проехали через центр Брутона, где имелись парикмахерская, бакалейная лавка, магазинчик одежды и обуви, другие лавочки, принадлежавшие местным уроженцам. Мама свернула на Джессамин-стрит и, добравшись до конца улицы, остановила машину перед домом, во всех окнах которого горел свет.

Это был небольшой каркасный дом, выкрашенный в яркие цвета: оранжевый, пурпурный, красный, желтый. Сбоку располагался пристроенный гараж, где, как я догадывался, стоял знаменитый «пontiак», украшенный горным хрусталем. Кусты и трава во дворе были аккуратно подстрижены, а от дороги к крыльцу вела тропинка. Домик имел самый обычный вид, кроме разве что яркой окраски. Глядя на него, никак нельзя было предположить, что в нем живет особа королевской крови или что здесь вершатся темные дела.

Все же, когда мама открыла передо мной дверцу машины, я помедлил, прежде чем выйти наружу.

– Ну, давай выбирайся, – сказала она.

Голос мамы звучал чуть напряженно, хотя лицо ее оставалось абсолютно спокойным. Для визита к Леди она надела лучшее выходное платье и красивые туфли.

– Уже почти семь.

Семь часов, пронеслось у меня в голове. А что, если это одно из чисел вуду?

– Может быть, папа прав? – спросил я ее. – Может, нам не стоит туда идти?

– Все будет хорошо, не бойся. Видишь, там всюду горит свет.

Она хотела успокоить меня, но у нее ничего не вышло.

– Прошу тебя, Кори, не нужно бояться, – повторила мама.

И это говорила мне женщина, которая незадолго до того беспокоилась, что побелка, которой недавно покрыли потолки нашей школы, может оказаться вредной для нашего здоровья!

Сам не знаю, как я поднялся на крыльцо дома Леди. Висевший здесь фонарь был выкрашен в желтый цвет, чтобы отгонять жуков. Я воображал, что дверной молоток у нее заменяет череп со скрещенными костями. Как ни странно, стучать полагалось небольшой серебряной дверной ручкой.

– Вот мы и на месте, – сказала мама и постучала в дверь.

Из-за двери донеслись приглушенные шаги и голоса. Мне подумалось, что настало самое время дать тягу, потому что потом будет поздно. Мама обняла меня, и я ощутил биение ее пульса. Наконец дверь отворилась, словно предлагая нам войти в дом Леди. В дверном проеме, занимая его целиком, висился рослый широкоплечий негр, облаченный в темно-синий костюм, белую рубашку и галстук. Мне он показался высоким и плотным, как черный дуб. Своими здоровенными ручищами негр мог бы при желании раздавить шар для боулинга. Часть его носа выглядела так, словно ее срезали бритвой. Кроме того, густые сросшиеся брови негра делали его похожим на оборотня.

Если выразить мои ощущения в пяти магических словах: негр испугал меня до смерти.

– Э-э-э... – попыталась начать мама, – э-э-э...

– Прошу вас, входите, миз Маккенсон, – улыбнулся нам негр, отчего его лицо стало гораздо менее страшным и куда более приветливым. Но голос его гудел и гремел, как литавры, гулом отдаваясь в каждой моей косточке.

Сделав шаг в сторону, он уступил нам дорогу, и мама, схватив меня за руку, затащила вслед за собой внутрь.

Дверь за нашими спинами затворилась.

Появилась молодая негритянка, с кожей цвета кофе с молоком, и поздоровалась с нами. Лицо девушки имело форму сердечка, с

которого смотрели живые карие глаза. Подав маме руку, она проговорила с улыбкой:

– Я Амелия Дамаронд. Очень приятно познакомиться с вами, миссис Маккенсон.

На запястьях Амелии звенели браслеты, а верхнюю часть ушей обрамляли золотые заколки для волос – по пять над каждым ухом.

– Мне тоже очень приятно, Амелия. Это мой сын Кори.

– О, тот самый молодой человек! – Все внимание Амелии Дамаронд обратилось на меня. Воздух вокруг негритянки как будто был насыщен электричеством: от ее пристального взгляда я ощутил проскочивший меж нами разряд. – Очень приятно познакомиться с вами. Это мой муж Чарльз.

Здоровенный негр благосклонно кивнул нам. Голова Амелии едва доставала ему до подмышек.

– Мы ведем хозяйство в доме Леди, – объяснила нам Амелия.

– Понимаю, – отозвалась мама.

Она по-прежнему крепко сжимала мою руку, а я вертел головой, озираясь по сторонам. Странная вещь воображение! Оно выдумывает паутину там, где нет пауков, создает темноту там, где сияет яркий свет. Гостиная Леди ничем не напоминала храм почитателей дьявола – ни черных кошек, ни котлов с кипящим варевом. Обычная комната с софой и креслами, небольшим столиком с безделушками, несколькими книжными полками и написанными яркими красками картинами в рамках на стенах. Одна из них особенно привлекла мое внимание: на ней изображалось лицо бородатого темнокожего человека. Глаза его были закрыты в страдании или исступлении, на голове – терновый венец.

До той поры я ни разу не видел изображений черного Иисуса: Он не только ошеломил меня, но и открыл в моем сознании такие потаенные уголки, куда раньше не проникал свет.

Неожиданно из прихожей в гостиную вошел Человек-Луна. Увидев его так близко, мы с мамой разом вздрогнули. На нем были голубая рубашка с закатанными рукавами и черные брюки на подтяжках.

Нынешним вечером на его запястье оказались только одни часы, а вместо обычной толстой цепочки с массивным позолоченным распятием в ворота рубашки виднелся белый краешек футболки. На Человеке-Луне не обнаружилось и привычного цилиндра; две выделяющиеся пятнами половинки его лица, бледно-желтая и цвета черного дерева, сходились на макушке в шапке легкого белого пуха. Седая остроконечная бородка слегка закручивалась вверх. Темные, в сеточке морщинок глаза Человека-Луны сначала остановились на маме, потом скользнули по мне, после чего он улыбнулся нам и кивнул. Подняв тонкий палец, он жестом пригласил нас за собой в коридор.

Пришла пора встретиться с Леди.

– Госпожа не очень хорошо себя чувствует, – объяснила Амелия. – Доктор Пэрриш прописал ей витамины.

– Надеюсь, ничего серьезного? – участливо спросила мама.

– От дождя она застудила легкие. В сырую погоду Леди всегда неважно себя чувствует, но теперь, когда солнце вернулось, ей постепенно становится лучше.

Мы подошли к двери, и Человек-Луна, ссутуливший свои худые плечи, отворил ее. Запахло фиалками.

Первой в дверь заглянула Амелия:

– Мэм, ваши гости пришли.

Внутри комнаты зашуршали простыни.

– Пожалуйста, – донесся тихий и дрожащий старческий голос, – попросите их войти.

Мама сделала глубокий вдох и шагнула в комнату. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней: мою руку она так и не отпустила. Человек-Луна остался в коридоре, а Амелия нежно проворковала нам вдогонку:

– Если вам что-то понадобится, позвоните мне.

И аккуратно закрыла за нами дверь.

Мы увидели Леди.

Она возлежала на металлической кровати, выкрашенной белой эмалью, опираясь спиной на парчовую подушку, по грудь укрытая белой простыней. Стены спальни были оклеены. На обоях, покрывающих стены комнаты, изображались густо переплетенные ветки и зеленая листва, и, если бы не деликатное гудение вентилятора, можно было бы подумать, что мы очутились в гуще экваториальных джунглей. Рядом с кроватью на столике горела лампа, там же лежали стопкой газеты и книги, а также очки в проволочной оправе, так чтобы Леди могла легко дотянуться до них.

Несколько мгновений она молча рассматривала нас, а мы – ее. На фоне белоснежных простыней ее изрезанное морщинами лицо выделялось каким-то иссиня-черным пятном. Она напоминала одну из тех самодельных кукол с головами из яблок, чьи лица быстро сморщиваются под лучами жаркого полуденного солнца. Мягкое облако волос Леди было белее снега, который я соскребал пригоршнями с труб ледника. Одежду ее составляла голубая сорочка с бретельками на худеньких плечах. Ключицы так выпирали из-под кожи, что создавалось впечатление, будто это причиняет ей боль. Скулы тоже были так невероятно остры, что, казалось, ими можно разрезать персик. Сказать по правде, Леди выглядела как обычная худая, как тростник, дряхлая негритянка, чья голова слегка дрожит от старческой немощи.

Но глаза ее были пронзительно-зелеными.

Я говорю не о старческой зелени, а о том бледно-изумрудном оттенке драгоценного камня, за которым мог бы охотиться Тарзан в каком-нибудь затерянном африканском городе. Глаза Леди лучились внутренним огнем, когда-то давно пойманным ею и укрощенным. Глядя в эти глаза, легко верилось, что у вас больше нет от них никаких секретов, что вас только что вскрыли, словно банку сардин, и вы лишились чего-то сокровенного. Но сами вы ничего не имели против, даже испытывали от этого удовольствие, словно вам этого *хотелось*. Ни до, ни после встречи с Леди я не встречал таких глаз. Ее глаза пугали меня, но я не мог от них оторваться – настолько они

были прекрасны, сродни красоте свирепого зверя, с которым ни на мгновение нельзя терять осторожность.

Леди закрыла и снова открыла глаза. На ее сморщенных губах появилась легкая улыбка. Зубы ее казались хорошими, хотя наверняка являлись вставными.

– Вы оба прекрасно выглядите, – наконец проговорила она чуть дрожащим голосом.

– Благодарю вас, мэм, – выдавила из себя мама.

– Ваш муж не захотел прийти?

– Э-э-э... нет... он сегодня не смог... по радио транслируют важный бейсбольный матч.

– Он именно так это объяснил? – Леди подняла одну белую бровь.

– Э-э-э... не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Дело в том, – объяснила Леди, – что некоторые люди меня боятся. Можете в это поверить? Они боятся старуху, которой вот-вот стукнет сто шесть лет! Боятся ту, которая, лежа здесь, даже ложку поднести ко рту не может без посторонней помощи. Вы очень любите своего мужа, миз Маккенсон?

– Да, конечно. Я очень его люблю.

– Это хорошо. Настоящая любовь поможет вам преодолеть все невзгоды. А вам, милая, прежде чем вы доживете до моих лет, предстоит испытать немало невзгод, уж поверьте мне, старухе.

Взгляд пугающих и одновременно прекрасных изумрудных глаз на сморщенном лице, словно вырезанном из черного дерева, остановился на мне.

– Здравствуй, молодой человек, – приветствовала меня Леди. – Надеюсь, ты не отлыниваешь от домашних дел и помогаешь маме?

– Да, – почти прошептал я. Язык отказывался мне служить.

– Ты вытираешь тарелки? Убираешь у себя в комнате? Подметаешь крыльцо?

– Да, мэм.

– Что ж, хорошо. Хотя могу поспорить, что ты никогда не пользовался метлой так, как решил сделать это в доме Нилы

Кастайл, верно?

Я с трудом сглотнул. Теперь и я, и мама знали, о чем пойдет речь.

Леди улыбнулась нам:

– Жаль, что меня там не было. Хотелось бы с ним повидаться.

– Это Нила Кастайл вам все рассказала? – спросила мама.

– Да, она. А кроме того, я долго разговаривала с маленьким Гэвином.

Глаза Леди больше не отпускали меня ни на минуту.

– Вы спасли Гэвину жизнь, молодой человек, вот так. Знаете ли вы, что это означает для меня?

Я отрицательно помотал головой.

– Мать Нилы была моей хорошей подругой, упокой, Господи, ее душу. Можно сказать, что я была приемной матерью Нилы. А Гэвина я всегда считала своим внуком. Гэвина впереди ждет долгая жизнь. Благодаря тебе, Кори, он получил такую возможность.

– Я просто испугался... что Мозес меня съест, – ответил я.

Леди рассмеялась:

– И поэтому ты напал на него с метлой! Господи, господи! Он слишком возомнил о себе, решил, что может запросто выбраться из реки и зайти в любой дом, если ему вдруг захочется есть. Но ты накормил его досыта, это уж точно!

– Он съел собаку, – сказал я.

– Еще бы, в этом он мастер! – Смех Леди затих.

Она переплела свои худые пальцы на животе и взглянула на маму:

– Вы были очень добры к Ниле и ее отцу. Вот почему с этих пор, если, не дай бог, у вас в доме что-то сломается, вы можете позвонить мистеру Лайтфуту, и он все починит бесплатно. Ваш мальчик спас жизнь Гэвину. И я хочу его как-нибудь отблагодарить, сделать ему подарок. Конечно, если вы не против.

– В этом совершенно нет необходимости.

– Нет, необходимость в этом есть, – возразила Леди. В ее голосе прозвучала нотка раздражения, и мне стало ясно, что в молодости она была дьявольски своенравна. – И я сделаю это.

– Тогда хорошо, я согласна, – ответила явно напуганная мама.

– Итак, молодой человек, – спросила Леди, вновь переводя на меня взгляд, – что бы вам хотелось получить в подарок?

Да, действительно, было о чем подумать.

– Все, что захочу? – переспросил я.

– В пределах разумного, – подала голос мама.

– Все, что угодно, – ответила Леди.

Я еще немного подумал, хотя ответ напрашивался сам собой.

– Велосипед. Совсем новый, который никому до меня не принадлежал.

– Так, – проговорила Леди и кивнула. – Новый велосипед. Очень хорошо. С фарой?

– Да, мэм.

– И с гудком?

– Это было бы здорово, – ответил я.

– Он должен быть быстрым? Быстрее кошки, когда та взбирается на дерево?

– Да, мэм. – Я уже весь дрожал от возбуждения. – Конечно, я именно такой и хотел бы!

– Тогда ты его получишь! Как только я смогу поднять свои старые кости с постели.

– Мы очень вам благодарны за такое внимание, – сказала мама. – Значит, мы с отцом Кори можем зайти в магазин и выбрать велосипед?..

– Велосипед, о котором идет речь, в магазине не продается, – оборвала маму Леди.

– Прошу прощения? – удивилась мама.

– Этот велосипед в магазине не продается, – повторила Леди и немного помолчала, дожидаясь, пока смысл сказанного дойдет до моей мамы. – Те велосипеды, что продаются в магазинах, недостаточно хороши. Ведь вам, молодой человек, нужен *особый* велосипед, насколько я понимаю?

– Я бы взял то... что дают, мэм.

Леди снова рассмеялась:

– А вы ко всему прочему еще и джентльмен! Нам с мистером Лайтфутом придется хорошенько подумать, но, надеюсь, мы найдем решение, которое вас устроит.

Я ответил, что согласен, хотя и не совсем понимал, каким образом получу новый велосипед.

– Подойдите поближе, молодой человек, – сказала мне Леди.

Мама отпустила мою руку. Я подошел к кровати Леди, и ее зеленые глаза, похожие на две спиртовки, оказались как раз напротив моих.

– А что ты еще любишь, кроме езды на велосипеде?

– Я люблю играть в бейсбол. Люблю читать. И еще я люблю сочинять рассказы.

– Так ты пишешь рассказы? – Брови Леди снова поднялись. – Боже правый! Так, значит, у нас здесь настоящий писатель?

– Кори всегда любил книги, – вставила словечко мама. – Он сочиняет короткие рассказы про ковбоев, сыщиков и...

– Чудовищ, – добавил я. – Иногда и про них.

– Про чудовищ, – повторила Леди. – И о Старом Мозесе ты тоже напишешь?

– Могу написать и о нем.

– И когда-нибудь ты собираешься написать книгу? К примеру, о нашем городе и его обитателях?

Я пожал плечами:

– Не знаю, может быть.

– Посмотри на меня, – попросила Леди, и я повиновался. – Внимательнее.

Я исполнил ее просьбу.

И тут произошла странная вещь. Леди заговорила, и во время ее речи воздух между нами стал переливаться каким-то жемчужным блеском. Ее глаза словно завладели моим взглядом, я просто был не в силах отвернуться.

– Некоторые называют меня чудовищем, – говорила Леди, – и даже куда более скверными словами. Когда мне было чуть больше, чем тебе сейчас, Кори, у меня на глазах убили мою мать. Чужая женщина завидовала дару моей матери и убила ее за это. В тот день я поклялась, что разыщу эту женщину. На ней было красное платье, на плече у нее сидела обезьянка, которая несла всякий вздор. Эту женщину звали Ларуж. Мне потребовалась вся моя жизнь, чтобы найти ее. Я побывала даже в Леперсвилле во время паводка, плавала на лодке среди затопленных домов.

В мерцающем свете морщины на лице Леди начали разглаживаться. Я смотрел на нее, и мне казалось, что она становится все моложе и моложе.

– Там я видела, как ходят мертвецы, а моя лучшая подруга была покрыта чешуей и ползала на брюхе.

На меня теперь смотрела молодая, обжигающе красивая женщина.

– Я встретила человека, изготавливающего маски, плевала в глаза Сатане и танцевала на балу Общества Тьмы.

Леди превратилась в гордую девушку с высокими скулами, острым подбородком и длинными темными волосами, в глазах которой отражались воспоминания о чем-то страшном.

– В ту пору я действительно *жила*, – проговорила она своим чистым и сильным голосом. – Я успела прожить сотню жизней и так и не умерла. Вы видите, какой я была в ту пору, молодой человек?

– Да, мэм, – ответил я и поразился, услышав свой голос, который доносился откуда-то издалека. – Я вижу вас.

В следующий миг наваждение рассеялось. Еще секунду назад я смотрел на лицо прекрасной молодой женщины, но вот передо мной вновь возникла Леди, такой, какой она была в свои сто шесть лет. Пламя ушло из ее глаз, а меня трясло как в лихорадке.

– Может, когда-нибудь ты напишешь историю моей жизни, – сказала Леди, и ее слова показались мне скорее приказом, чем пожеланием. – А теперь почему бы тебе не пойти поболтать с

Амелией и Чарльзом, пока я тут перекинусь парой слов с твоей мамой?

Я сказал, что так и сделаю. На подгибающихся ногах я прошел мимо мамы к двери. Моя рубашка вся была мокра от пота. Когда я наконец взялся за дверную ручку, меня осенила идея, и я обернулся.

– Прошу прощения, мэм, – нерешительно начал я. – Нет ли у вас... средства, которое помогло бы мне сдать математику? Какой-нибудь волшебный напиток или что-нибудь в этом роде?

– Кори! – потрясенно воскликнула мама.

Но Леди только улыбнулась.

– Молодой человек, – ответила она, – у меня есть то, что вам нужно. Передайте Амелии, что я велела дать вам стаканчик Напитка номер десять. После этого вы должны будете отправиться домой и проявить свое прилежание. Нужно по-настоящему приналечь на учебу, и тогда вы сможете решать задачки даже во сне.

Леди подняла палец:

– В этом-то весь фокус.

Я вышел из спальни Леди и тихонько прикрыл за собой дверь, готовый испить волшебное зелье.

– Напиток номер десять? – переспросила мама.

– Стакан молока, настоянного на мускатном орехе, – объяснила Леди. – У нас с Амелией есть целый список напитков для тех, кому необходимо приобрести чуть-чуть уверенности в себе.

– Так в этом и заключается все ваше колдовство?

– По большей части да. Главное – дать людям ключ, а собственные замки они откроют сами.

Леди склонила голову к плечу:

– Но есть и магия другого сорта. Об этом я и хотела бы с вами поговорить.

Моя мама, не понимавшая, о чем пойдет речь, молча ждала.

– Я вижу сны, – сказала ей Леди. – Сны по ночам, когда я сплю, и наяву. Заданный порядок вещей нарушился. Ткань мира порвалась и на нашей, и на другой стороне.

– На другой стороне?

– Там, куда уходят мертвые, – объяснила Леди. – На другом берегу реки. Не Текумсе, конечно. Широкой и темной реки, через которую и мне довольно скоро предстоит переправиться. Там я оглянусь назад, рассмеюсь и скажу: «Так *вот* из-за чего был весь сыр-бор».

Мама покачала головой, все еще не понимая, к чему клонит Леди.

– Мир дал трещину, – продолжала Леди. – И в мире живых, и в мире мертвых все пошло иначе. Когда Дамбалла отказался от угощения, я впервые почувствовала: что-то пошло не так. Дженна Вельвадайн рассказала мне, что случилось в вашей церкви в пасхальное утро. В этом тоже замешан мир духов.

– Но ведь там были просто *осы!* – изумилась мама.

– Для вас это были просто осы. А для меня – некое послание. Кто-то, находящийся на той стороне, испытывает ужасную боль.

– Я не...

– Вы не понимаете, – закончила за маму Леди. – В этом нет ничего удивительного. Я тоже многого не понимаю. Но мне известен язык боли, миз Маккенсон. В детстве я хорошо научилась этому языку.

С этими словами Леди протянула руку к своему ночному столику и, выдвинув один из ящичков, достала оттуда листок линованной тетрадной бумаги. Потом показала его маме:

– Вам знаком этот рисунок?

Мама внимательно рассмотрела его. То был карандашный набросок головы мертвеца, череп с крыльями, идущими от висков назад.

– В своих снах я часто вижу человека с такой татуировкой на плече. Кроме того, я вижу руки, в одной из которых бейсбольная бита, обмотанная черной лентой, – то, что мы называем дробилкой, а в другой – жесткая струна. Я слышу голоса, но слов разобрать не могу. Кто-то громко кричит на кого-то, а еще там играет музыка.

– Музыка? – От страха мама похолодела: на рисунке Леди она узнала череп, вытатуированный на плече несчастного утопленника,

ушедшего вместе со своей машиной на дно озера Саксон, о котором не раз рассказывал отец.

– Может быть, это играет пластинка, – продолжала Леди, – или кто-то бьет по клавишам пианино. Я рассказала обо всем Чарльзу. Подумав, он напомнил мне о статье, которую прочел в мартовском номере «Журнала». Ведь это ваш муж видел мертвеца, утопленного в озере Саксон, верно?

– Да.

– Как вы считаете, тут есть какая-то связь?

Мама глубоко вздохнула, надолго задержав дыхание, а потом выдохнула:

– Да.

– Я так и думала. Ваш муж хорошо спит по ночам?

– Нет. Он... тоже видит сны. Сны об озере... и об утопленнике. Его мучают кошмары.

– Очевидно, покойному что-то нужно от вашего мужа, поэтому он пытается привлечь его внимание. Мои сны – это послание с той стороны, которое я смутно слышу. Как в спаренном телефоне.

– Послание, – прошептала мама. – Что за послание?

– Вот этого я и не могу понять, – призналась Леди. – Такая боль кого угодно может свести с ума.

Слезы затуманили глаза мамы.

– Я не могу... Я не...

Она запнулась, слеза прочертила полоску по ее левой щеке.

– Покажите вашему мужу этот рисунок. Скажите, что, если он захочет со мной поговорить об этом, двери моего дома всегда для него открыты. Он ведь знает, где я живу.

– Он не придет. Он боится вас.

– Скажите ему: то, что его мучает, может разорвать его на части, если он с этим не совладает. Передайте, что в моем лице он найдет лучшего друга, который у него когда-либо был.

Мама кивнула. Сложив прямоугольником листок с рисунком, она зажала его в кулаке.

– А теперь вытрите глазки, – приказала ей Леди. – Негоже расстраивать такого симпатичного молодого человека.

Заметив, что мама взяла себя в руки, Леди удовлетворенно хмыкнула:

– Так-то лучше. Теперь вы просто настоящая красавица. Можете сказать вашему мальчику, что он получит свой велосипед, как только я смогу для него это устроить. И проследите, чтобы он прилежно учил уроки. Напиток номер десять может не сработать, если мама и папа не следят за порядком в доме.

Мама поблагодарила Леди за проявленное к нам внимание. Она добавила, что обязательно попросит отца зайти к Леди, но обещать ничего не может.

– Я все же рассчитываю увидеться с ним, – сказала ей Леди. – А вы позаботьтесь о себе и благополучии своей семьи.

Мы вышли из дома Леди и вскоре уже усаживались в наш пикап. В уголках моего рта все еще сохранялся вкус Напитка номер десять. Я чувствовал себя как лев перед прыжком и готов был разорвать учебник математики в клочья.

Мы выехали из Брутона. Текумсе неспешно текла в своих берегах. Вечерний ветерок тихо шелестел в ветвях деревьев; свет горел в окнах домов, где люди доедали свой ужин. Глядя по сторонам, я мог думать только о двух вещах: о прекрасном лице молодой женщины с чудесными зелеными глазами и о новом велике с фарой и гудком.

Мама думала об утопленнике, покоившемся на дне озера Саксон, беспокойный дух которого являлся в снах моему отцу и Леди и не давал им обоим покоя.

Лето уже стояло на пороге. Аромат фиалок и жимолости витал в воздухе.

В одном из домов Зефира кто-то играл на пианино.

Часть вторая. Лето дьяволов и ангелов

Глава 1

Последний день школы

Тик... тик... тик.

Что бы там ни утверждал календарь, для меня первым днем лета всегда был последний день школьных занятий. Солнце припекало все жарче и норовило задержаться подольше, земля расцветала зеленью, а небо становилось все чище и чище, оставляя на своем куполе лишь редкие завитки облаков. Жара давала о себе знать с настойчивостью пса, чувствующего, что его время пришло; бейсбольное поле уже было аккуратно скошено и заново размечено, бассейн выкрашен и наполнен чистой водой. И пока наша классная наставница миссис Сельма Невилл рассказывала нам о наших успехах в минувшем учебном году, мы, ее ученики, только что вынырнувшие из водоворота годовых экзаменов, не могли оторвать глаз от стрелок часов.

Тик... тик... тик.

За партой, стоявшей по алфавиту между Рики Лэмбеком и Диной Макарди, пока одна моя половинка прислушивалась к словам классной, другая страстно желала, чтобы этот последний урок поскорее закончился. Мою голову переполняли разные слова. Я нуждался в освобождении от этих слов, желал стряхнуть их в прозрачный и теплый летний воздух. Но нам приходилось пребывать под властью миссис Невилл вплоть до прощального звонка, сидеть и страдать, пока время не придет к нам на выручку и не спасет нас, подобно Рою Роджерсу, наконец перевалившему через гребень холма.

Тик... тик... тик.

Да имейте же сострадание!

Снаружи, за квадратными, окаймленными металлом рамами школьных окон нас ожидал настоящий мир. Пока что я не имел ни

малейшего представления, что за приключения ожидают меня и моих друзей в это лето 1964-го, но пребывал в твердой уверенности, что летние дни будут длинными и наполненными истомой, что, когда солнце наконец сдастся и канет за горизонт, подадут голос цикады, а светляки начнут творить свой танец в воздухе, не будет никаких домашних заданий и летняя пора будет самой расчудесной. Я сдал экзамен по математике, благодаря чему сумел-таки избежать тягостной ловушки летних занятий для отстающих. И мы с друзьями, наслаждаясь свободой, нет-нет да и прервем свою бешеную гонку, остановимся и вспомним о тоскливой участи одноклассников, связанных узами летней школы – этой темницы, в которую угодил Бен Сирс в прошлом году, – и пожелаем им разделаться с ней поскорее, потому что это время протечет без них, а они никак не станут моложе.

Тик... тик... тик.

Время – царь царей на пьедестале жестокости.

Наших ушей достигли доносившиеся из коридора шум и возня, взрывы смеха и радостные крики. Кто-то из учителей отпустил учеников чуть раньше звонка. Внутри у меня все сжалось от такой несправедливости. Но миссис Невилл, дама со слуховым аппаратом и оранжевыми кудрями, несмотря на свои по меньшей мере шестьдесят лет, все говорила и говорила, словно и не слышала доносящийся из коридора шум. Наконец я понял: она просто не хотела нас отпускать, стремясь задержать как можно дольше, и не из-за какой-то особой свойственной учителям вредности, а, скорее всего, потому, что дома ее никто не ждал, а лето в одиночестве вряд ли вообще можно назвать летом.

– Хочу надеяться, что вы, молодые люди, не забудете во время летнего отдыха иногда заглядывать в библиотеку.

Голос миссис Невилл звучал сейчас спокойно и миролюбиво, но, выйдя из себя, она была способна метать такие громы и молнии, по сравнению с которыми падающий метеорит мог бы показаться простой спичкой.

– Занятия закончились, но все равно уделяйте время чтению. Давайте работу своей голове: к сентябрю вы не должны разучиться думать...

З-З-З-З-ЗВОНОК!

Весь класс одновременно вскочил на ноги, как огромное извивающееся насекомое.

– Задержитесь на минутку, – приказала нам миссис Невилл. – Я вас еще не отпустила.

Боже, сколько может длиться эта пытка! Не исключено, пронеслось у меня в голове, что за стенами школы миссис Невилл тайком отрывает мухам крылышки.

– Сейчас вы покинете класс, – продолжила учительница, – но сделаете это так, как подобает леди и джентльменам. Постройтесь парами и выходите организованно. Мистер Олкотт, будьте добры, возглавьте процессию.

Слава богу, мы наконец пришли в движение. Класс почти опустел, и я уже слышал звеневшие в коридоре радостные выкрики, разносившиеся эхом под сводами школы, когда миссис Невилл снова подала голос:

– Кори Маккенсон! Подойди ко мне на минутку.

Я повиновался, хотя душа моя трепетала от молчаливого протеста. Миссис Невилл улыбнулась во весь рот, напоминая хозяйственную сетчатую сумку, окаймленную красной помадой.

– Ну что, Кори, надеюсь, ты доволен, что наконец приналег на математику и добился успеха?

– Да, мэм, я очень рад.

– Если бы ты так же старательно занимался все время, то мог бы окончить год с отличием.

– Да, мэм, – повторил я, сожалея о том, что мне не довелось отведать Напитка номер десять еще осенью.

Класс уже опустел. Я слышал, как в коридоре замирает последнее эхо. Пахло мелом от доски, карандашной стружкой, из школьного

буфета доносился запах красного перца. Под сводами школы уже собирались на свои летние посиделки призраки.

– Насколько я знаю, ты пишешь рассказы? – неожиданно спросила миссис Невилл, разглядывая меня поверх своих бифокальных очков. – Верно, Кори?

– Да, мэм. – Я не стал утруждать себя поиском оригинального ответа.

– Твои сочинения были лучшими в классе, у тебя высшая оценка по орфографии. Не хочешь ли в этом году принять участие в конкурсе?

– В конкурсе?

– Совершенно верно, в конкурсе литературного мастерства, – кивнула миссис Невилл. – Ты ведь понимаешь, о чем речь? Об августовском конкурсе, который ежегодно спонсируется Комитетом по искусству.

Я никогда об этом не думал. Комитет по искусству, возглавляемый мистером Гровером Дином и миссис Эвелин Пратмор, спонсировал конкурс литературного мастерства, который включал в себя написание эссе и рассказа. Победителей награждали почетным именованным значком и привилегией прочитать свое творение на званом обеде в читальном зале библиотеки. Я пожал плечами. С тем, что я успел до сих пор сочинить, – историями о привидениях, ковбоях, детективах и космических монстрах – трудно было рассчитывать на победу в конкурсе. Все это я писал исключительно для собственного удовольствия.

– Тебе стоит серьезно подумать над этим, – продолжила миссис Невилл. – Ты умеешь обращаться со словом.

Я опять пожал плечами. Когда учитель разговаривает с тобой как со взрослым человеком, испытываешь неловкость.

– Желаю хорошо провести лето, – сказала миссис Невилл.

И я вдруг понял, что наконец-то свободен.

Я ощущал себя лягушкой, внезапно выпрыгнувшей из темной болотной воды на яркое солнце.

– Спасибо! – выкрикнул я и опрометью бросился к двери.

Но прежде чем выйти из класса, я оглянулся на миссис Невилл. Она сидела за своим пустым столом – без стопок тетрадей, требовавших проверки, без учебников с уроками на завтра. Единственным предметом на ее столе, если не считать промокательной бумаги и точилки, которой долго теперь не придется отведать карандаша, было красное яблоко, которое принесла ей Паула Эркин. Я увидел, как миссис Невилл, залитая лучами солнечного света из окна, задумчивым движением, словно в замедленном кино, взяла со стола яблоко Паулы. Миссис Невилл сидела, глядя на пустые парты, изрезанные инициалами нескольких поколений учеников, прошедших через этот класс, как волны прилива, устремленного в будущее. Внезапно миссис Невилл показалась мне ужасно старой.

– Счастливого вам лета, миссис Невилл! – крикнул я от двери.

– Прощай, Кори, – сказала она и улыбнулась.

Через мгновение я уже летел по коридору. Мои руки были свободны от книг, а голова – от фактов и цифр, цитат и знаменательных дат. Я вырвался на чистый солнечный свет, и мое лето началось.

У меня так и не было велосипеда. С тех пор как мы с мамой побывали у Леди с визитом, минуло три недели. Я изводил маму просьбами позвонить Леди, но она советовала мне набраться терпения: мол, я получу новый велосипед ровно тогда, когда получу, и ни минутой раньше.

После нашего возвращения от Леди мама и отец долго разговаривали, сидя в синих сумерках на крыльце. Хотя, по всей видимости, этот разговор не предназначался для моих ушей, я услышал, как отец сказал: «Мне нет дела до ее снов. Я к ней не пойду, и все». Но иногда я просыпался среди ночи, разбуженный криком отца во сне, а потом слушал, как мама пытается успокоить его. Он говорил что-то вроде «...в озере...» или «...в глубине, в

темноте...», и я мог понять, какие видения черной пиявкой заползают в отцовские сны.

Отец теперь нередко отодвигал тарелку в сторону, не сумев осилить и половины обеденной порции, что было грубейшим нарушением его прежнего девиза: «После себя надо оставлять чистую тарелку, Кори, потому что сию минуту в Индии такие же мальчики и девочки, как ты, страдают от голода». Он заметно похудел и осунулся, ему приходилось ту же затягивать ремень его форменных брюк молочника. Его лицо сильно изменилось, скулы заострились, а глаза глубоко запали в глазницы. Отец по-прежнему часто слушал бейсбольные репортажи по радио и смотрел игры по телевизору, но теперь довольно часто засыпал в своем кресле, откинув голову на спинку и открыв рот. Во сне его лицо подергивалось.

Становилось страшно за отца.

Мне казалось, я понимаю, что его гложет: не просто сам факт, что он видел мертвеца. Дело было не в убийстве: подобное в Зефире случалось и раньше, хотя – слава богу – довольно редко. Низость этого деяния, зверское хладнокровие, с которым оно было исполнено, – вот что грызло его душу. Отец был человеком неглупым, наделенным житейской смекалкой, умел отличить добро от зла и держать свое слово. Но он сохранил наивные представления о мире, – боюсь, он едва ли был способен поверить, что в Зефире может существовать подобное зло. Мысль о том, что человеческое существо можно зверски избить, а потом удушить рояльной струной, после чего приковать наручниками к рулю автомобиля и сбросить в озеро, лишив его христианского погребения на божьей земле, глубоко ранила отца и, возможно, даже сломала какой-то стержень внутри его. И самое ужасное: это произошло в его родном городке, где он родился и вырос. С этим он не мог справиться в одиночку. Может быть, сыграло свою роль и то, что у погибшего словно не было прошлого: никто не откликнулся на отправленные шерифом Эмори запросы.

– Ведь он не может быть просто *никем*, – услышал я как-то ночью за стеной. – У него, возможно, остались жена и дети, братья и сестры, ну хоть какие-нибудь родственники! Господи, Ребекка, у него должно быть *имя*! Кто он такой? Откуда у нас появился?

– Узнать это – дело шерифа.

– Джей-Ти ничего не способен узнать! Он давно махнул на все рукой!

– Думаю, что тебе все-таки стоит заглянуть к Леди, Том.

– Нет.

– Почему? Отчего такое упрямство? Ты же видел ее рисунок. Это та самая татуировка, верно? Так почему ты не хочешь зайти к ней и просто поговорить?

– Потому что... – Отец замолчал.

Я чувствовал, как мучительно ищет он подходящий ответ.

– Потому что я не верю в ее магию – это сплошное надувательство! – наконец выпалил он. – Знаешь, откуда она узнала об этой татуировке? Из «Журнала»!

– Там не было никаких подробностей, ты и сам об этом знаешь! Кроме того, она говорит, что слышит голоса и звуки пианино, видит какие-то руки. Тебе нужно потолковать с Леди, Том. Прошу тебя, походи к ней.

– Мне не о чем с ней говорить, – упрямо твердил отец. – Она не сможет сообщить мне ничего, что я хотел бы услышать.

Он продолжал стоять на своем, и в снах его с неизменным постоянством появлялся призрак безымянного утопленника.

Но в тот первый день лета я ни о чем таком не думал. Я не вспоминал ни о Старом Мозесе, ни о Полуночной Моне, ни о мужчине в шляпе с зеленым пером. Я мог думать только о встрече с друзьями, ставшей нашим ритуалом празднования начала лета.

Из школы я помчался домой. У крыльца меня уже ждал Бунтарь. Я предупредил маму, что пойду погулять, и мы с Бунтарем рванули в лес, начинавшийся сразу же позади нашего дома.

Чаща встретила нас буйством зелени; теплый ветерок шелестел листвою, сквозь которую пробивались косые лучи солнца. Я выбежал на знакомую тропинку и углубился в лес. Бунтарь следовал за мной, делая петли в стороны, чтобы погонять белок. Через десять минут мы вышли на широкую зеленую поляну, по одну сторону которой открывался крутой склон холма. Весь Зефир открывался отсюда взгляду. Все мои друзья, прикатившие на велосипедах и тоже явившиеся со своими собаками, уже были в сборе: Джонни Уилсон со своим большим рыжим Чифом, Бен Сирс с Тампером, Дэви Рэй Коллан с темно-коричневым в белых пятнах Бадди.

На поляне ветер дул сильнее. Вырвавшись на открытое место, он кружился веселым летним хороводом.

– Свершилось! – заорал Дэви Рэй. – Школа кончилась! Наконец-то!

– Школа кончилась! – подхватил Бен, прыгая вокруг, как полный идиот, вместе со своим заливающимся радостным лаем Тампером.

Джонни лишь молча улыбался, подставив лицо горячим лучам солнца и глядя сверху вниз на наш родной город.

– Ну что, ты готов? – спросил меня Бен.

– Конечно готов, – отозвался я, и мое сердце забилось чаще.

– Все готовы? – выкрикнул Бен.

Остальные тоже были готовы.

– Тогда вперед! Лето началось!

Сорвавшись с места, Бен побежал, описывая широкий круг по краю поляны возле самых деревьев, за ним по пятам несли Тампер. Следом ринулись мы с Бунтарем, за нами побежали Дэви Рэй и Джонни. Их собаки, играя, носились по поляне взад и вперед.

Мы неслись все быстрее и быстрее. Сначала воздух бил нам в лицо, теперь свистел у нас за спиной. Отталкиваясь от земли сильными молодыми ногами, мы описывали по поляне круг за кругом, слыша, как ветер шелестит ветвями обрамляющих поляну дубов и сосен.

– Быстрее! – выкрикнул Джонни, немного хромавший из-за своей деформированной стопы. – Прибавьте ходу!

Мы продолжали бежать, преодолевая напор ветра, а потом устремились в обратную сторону. Собаки, заливаясь радостным лаем, описывали круги вместе с нами. Солнце блестело в водах реки Текумсе, лазурное небо было чистым, и жар лета наполнял наши легкие.

Решающий момент близился. Это знали и чувствовали все.

– Бен будет первым! – крикнул я. – Он готов! Давай, Бен!

Бен испустил воинственный клич. Из его спины, прямо из лопаток, прорвав рубашку, неожиданно появились крылья.

– Смотрите, у него выросли крылья! – крикнул я. – Они становятся все больше и больше! У них цвет волос Бена, но их еще нужно хорошенько размять: ведь за зиму они застоялись без дела. Вот Бен уже бьет ими в воздухе! Посмотрите на них! Вы только посмотрите, какие у него крылья!

Ноги Бена оторвались от земли, и взмахи крыльев начали поднимать его в воздух.

– Тампер летит за тобой, Бен! – крикнул ему я. – Подожди немножко, пусть он тебя догонит!

Крылья Тампера уже затрепетали в воздухе. Нервно поскуливая от нетерпения, пес взмыл вслед за своим хозяином.

– Давай-давай, Тампер! – кричал ему Бен – Летим!

– Эй, Дэви Рэй! – крикнул я. – Ты готов? Ты уже чувствуешь крылья?

Дэви Рэю страстно хотелось взлететь, я точно знал об этом. Но он был еще не готов, это тоже чувствовалось.

– Хорошо, пусть тогда будет Джонни! – крикнул я. – Джонни, ты можешь взлететь?

Крылья Джонни, вырвавшиеся из его спины, напоминали ослепительно-черный взрыв. Сопровождаемый рыжим здоровяком Чифом, он круто взмыл в воздух. Я взглянул вверх на Бена, который

уже парил на высоте футов пятидесяти над землей, немного напоминая пухлого орла.

– Эй, Дэви Рэй! Бен вот-вот улетит без тебя. Эй, Бен! Позови-ка Дэви Рэя!

– Давай, Дэви Рэй, ты же можешь! – отозвался из поднебесья Бен, кувыркаясь в воздухе. – Здесь так здорово! Воздух просто отличный!

– Я готов, – отозвался, сжав зубы, Дэви Рэй. – Я готов! Скажи, что мне делать, Кори!

– Чувствуешь, Дэви Рэй, как растут твои крылья? Ого, я уже вижу их! Вот это да – они вот-вот вырвутся наружу! Вот, наконец-то они появились! Все, Дэви Рэй, твои крылья свободны!

– Я их чувствую, чувствую! – На блестящем от пота лице Дэви Рэя сияла улыбка.

Его гладкие рыжеватые крылья все сильнее и сильнее бились в воздухе; медленно и плавно, словно он плыл, Дэви Рэй начал подниматься вверх. Я знал, что Дэви Рэй не боится летать, но эта встреча лета была для него первой – никогда раньше он не приходил с нами на эту поляну. Он страшился одного – первого толчка, когда нужно собрать в кулак всю свою веру, чтобы оторваться от земли и взмыть в воздух.

– Бадди летит за тобой! – заорал я им вслед, когда коричневые в белых пятнах крылья пса развернулись в воздухе.

По-собачьи перебирая лапами, Бадди упорно поднимался все выше.

Я почувствовал, как мои крылья резко, одним толчком, развернулись позади коричневыми флагами, изголодавшимися по ветру, вырвавшись из лопаток и разодрав рубашку в клочья. Восторг полной свободы сделал легким мое тело. Начав подниматься в воздух, я пережил несколько мгновений паники, подобной тому, что мы испытываем, первый раз за лето бросаясь в холодную воду общественного бассейна. В конце августа крылья впадали в спячку и сворачивались, но порой трепетали, напоминая о себе. Это обычно случалось на Хеллоуин, День благодарения, в рождественские

каникулы и на Пасху. В остальные дни они лежали совершенно неподвижно, лишь грезя о наступлении лета. Со времен нашей первой ритуальной встречи на лесной поляне я изредка вспоминал о своих крыльях и, ощущая их тяжелыми и непослушными, не понимал, каким образом они обретают подобную ловкость, двигаясь в воздухе как бы сами по себе. Приходило время, и мои крылья наполнялись ветром, а я испытывал благоговейный трепет, ощущая их мускулистую мощь. Сначала они лишь слегка дергались, словно в ответ на чихание. Затем взмахи становились более плавными и сильными, после чего наступало ощущение, наверняка знакомое поэтам, дождавшимся прихода своей музыки. Мои крылья двигались теперь в лад с потоками воздуха.

– Я лечу! – громко закричал я, поднимаясь в чистое небо следом за своими друзьями, которые уже давно дожидались меня там со своими верными псами.

Позади себя, за спиной, я услышал знакомый лай. Оглянувшись, я увидел, как у Бунтаря выросли белые крылья и он рвется вверх, силясь догнать меня. Резкими взмахами я настиг друзей под предводительством Бена.

– Не так быстро, Бен! – предупреждающе крикнул я.

Но он махнул еще выше, на все семьдесят футов. После того что Бен вынес на земле, он заслуживал полета, подумал я. Тампер и Бадди снова затеяли игру, летая друг за другом широкими ленивыми кругами, Бунтарь лаял, желая к ним присоединиться. Чиф, подобно своему хозяину, предпочитал одиночество. Устремившись вниз, Бунтарь облизал мне лицо. Я обнял его рукой за шею, и мы взмыли в небо, выше вершин самых высоких деревьев.

Дэви Рэй уже преодолел свои страхи. Издав громкий каркающий звук, он опустил голову, прижал руки к бокам и, сложив крылья, со смехом ринулся к земле. Напор воздуха исказил черты его лица.

– Осторожно, Дэви Рэй! Помедленнее! – закричал я, когда он пронесся мимо вместе с Бадди, который старался не отставать от своего хозяина. – Сбавь ход!

Но Дэви Рэй стремительно снижался в сторону простирающегося под нами зеленого лесного ковра. И когда у меня уже не оставалось сомнений, что еще миг – и он врежется в землю, словно метеорит, крылья раскрылись у него за спиной подобно чудесному опахалу. Одним сильным движением он развернул свое тело, будто складной нож, в небо, перпендикулярно земле. Стоило ему захотеть – и он мог бы сорвать пригоршню сосновых игл с ветки и пожевать их. Крича от восторга, Дэви летел над вершинами деревьев. Бадди развернулся чуть позже и в результате с треском вломился в раскидистые лапы сосны, но вскоре выровнялся и опять заскользил над землей. Пес поднялся к нам из ветвей, ворча и отплевываясь, оставив за собой растревоженных и ушибленных белок.

Я продолжал подниматься вслед за Беном. Занятый, как обычно, самим собой, Джонни исполнял правильные плавные восьмерки. Бунтарь и Тампер затеяли веселую возню в шестидесяти футах над землей. Бен улыбнулся мне. Его лицо и рубашка были мокрыми от пота, ее полы, выпростанные из штанов, трепетали у него за спиной.

– Смотри, Кори! – крикнул мне Бен и, прижав руки к животу и подтянув вверх колени, с громким криком камнем рухнул вниз.

Решив повторить маневр Дэви Рэя – замедлить скорость и поймать ветер, – Бен широко распахнул крылья, но что-то у него не вышло. Одно из его крыльев не раскрылось полностью. Почувствовав, что попал в беду, Бен вскрикнул. Он кувырком полетел вниз, размахивая руками.

– Я падаю-у-у-у-у! – в отчаянии кричал Бен, полагаясь только на второе крыло и молитву.

Животом вперед он врезался в верхушки деревьев.

– Ты жив, Бен? – спросил Дэви Рэй.

– С тобой все в порядке? – крикнул я.

Джонни тоже остановил свой полет.

Тампер подбежал к своему хозяину и лизнул его в лицо. Бен поднялся с земли и сел, показав нам локоть с содранной кожей.

– Черт! – сказал он. – Болит немного.

На локте Бена показалась кровь.

– Не нужно было так быстро лететь! – сказал Бену Дэви Рэй. – Вот чудила!

– Все в порядке, – проговорил Бен, поднимаясь. – Мы ведь еще даже не полетали как следует, верно, Кори?

Бен был готов продолжать. Я вновь начал свой бег, мои руки сами собой раскинулись в стороны. Остальные тоже припустили вовсю, раскинув руки и пытаясь поймать ветер.

– Дэви Рэй поднялся на семьдесят футов! – крикнул я. – Бадди тоже летит с ним. Джонни выписывает восьмерки на пятидесяти футах. Давай, Бен! Выбирайся из этих деревьев!

Поднявшись к нам, Бен с широкой улыбкой отряхнул с волос сосновые иглы.

Как всегда, первый день лета вышел самым чудесным.

– За мной, ребята! – крикнул нам Дэви Рэй и взял курс на Зефир.

Первым за ним устремился я. Моим крыльям были знакомы маршруты голубых небесных дорог.

Солнце припекало нам спины. Домики Зефира лежали под нами словно игрушечные, улицы казались пластинками жвачки. Автомобили походили на заводные машинки, которые можно купить за пять долларов десять центов. Мы пересекли коричневую блестящую змею Текумсе, пронеслись над мостом с горгульями и над старой железнодорожной эстакадой. Я заметил несколько лодок с рыбаками. Если Старый Мозес вдруг решит отведать их наживки, им вряд ли удастся спокойно усидеть, дожидаясь, пока клюнет рыба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

РОБЕРТ
МАККАММОН

В лучших традициях Рэя Брэдбери и Стивена Кинга!

ЖИЗНЬ
МАЛЬЧИШКИ

Лучшая
работа
одного
из самых
блестящих
современных
писателей.

Kirkus Reviews

АЗБУКА

Примечания

1

Перевод Михаила Тарасова.

[Вернуться](#)

2

Уайатт Эрп (1848–1929) – легендарный шериф, картежник и авантюрист времен освоения Дикого Запада.

[Вернуться](#)

3

Кочис – вождь индейского племени чирикауа-апачи, лидер восстания 1861 года.

[Вернуться](#)

4

Джефферсон Дэвис (1808–1889) – сенатор, в 1861–1865 годах президент Конфедерации южных штатов.

[Вернуться](#)

5

Одинокий ковбой – персонаж популярного сериала в жанре вестерна, герой в маске, борец за справедливость в Техасе.

[Вернуться](#)

6

Битва при Шайло (Шилохе; 6 апреля 1862 года) – одна из самых кровопролитных битв в истории Гражданской войны Севера и Юга.

[Вернуться](#)

7

Джулеп – напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой.

[Вернуться](#)

8

Икабод Крейн – герой новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине», по которой были сняты мультипликационный и художественный фильмы.

[Вернуться](#)

9

Слоненок Дамбо – герой одноименного мультфильма Уолта Диснея.

[Вернуться](#)